НОВАЯ ПОЛЬША

№10(123) 2010

БРЕМЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА

О СОСТОЯНИИ ВОИНСКИХ КЛАДБИЩ В ПОЛЬШЕ

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ ГОГОЛЯ

МАРЕК МАЙЛЕ О ЯЦЕКЕ БЕРЕЗИНЕ

СИБИРСКИЕ ПОЛЯКИ

ЯПОНЕЦ В ВАРШАВЕ

ЯН НОВИЦКИЙ НЕ ИГРАЕТ СТАРИКА

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Instytut Książki
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

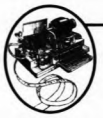
НОВАЯ ПОЛЬША

№ 10(123)
2010
октябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Адам Кшеминский 3
КУЛЬТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА



Виктор Кулерский 11
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Михал Флорысяк 21
9 мая 1945 — 9maja.pl.

Игорь Мельников 27
КАТЫНЬ. СЛОВО ЗА БЕЛАРУСЬЮ

Марек Майле 29
МОЯ ЛЕГЕНДА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Яцек Березин 31
СТИХОТВОРЕНИЯ

Алексей Корольков 33
СИБИРСКИЕ ПОЛЯКИ ИЗ ВЕРШИНЫ

Магдалена Байер 38
ДОМ КАТОРЖАН

Ярослав Маркевич 42
ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ

Лешек Шаруга 49
ЯРОСЛАВ МАРКЕВИЧ

Сергей Горбатенко 51
ПЕТР I И ПОЛЬСКАЯ АРХИТЕКТУРА XVIII ВЕКА

Павел Яблонский 54
МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА ШОПЕНА В ПЕТЕРБУРГЕ

Рената Смирнова 56
ПОЛЬСКИЕ КОРНИ ГОГОЛЯ

ЯПОНЕЦ В ВАРШАВЕ 62
Беседа с художником Кодзи Камодзи

Станислав Мария Салинский 68
ЗВЕЗДА

Эльжбета Савицкая 70
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Лешек Шаруга 74
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

БЕЗ ОТЧАЯНИЯ ЖИЗНЬ БЫЛА БЫ СКУЧНОЙ 77
Беседа с актером Яном Новицким

Переводчики: А. Базилевский, И. Булатовский, Е. Гендель, Н. Кузнецов, С. Политыко, Е. Шиманская

Фото: Agencja Gazeta (стр. 77), Archiwum (стр. 63-67), E. Lempp (стр. 49), A. Szafran (стр. 29), E. Wolska (стр. 21, 23)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
Al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Адам Кшеминский

КУЛЬТ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭГОИЗМА

600-летие Грюнвальда, 2000-летие Тевтобургского леса: два национальных мифа и их сегодняшняя интерпретация

Грюнвальд — это для многих поляков лекарство против всё еще живого комплекса западного соседа, а кроме того — символ как былых военных успехов, так и начала золотого века, который на триста лет сделал польско-литовскую унию одним из региональных центров европейской цивилизации. Историческая локализация Грюнвальда полностью противоположна Тевтобургскому лесу. Если вождь херусков, предавая Рим, отверг вступление в тогдашний «Евросоюз», то два литовских брата, Ягайло и Витовт, были не только явными поборниками западного варианта, но и после Грюнвальда стали полноправными членами этого Запада. После принятия Литвой католичества их конфликт с государством крестоносцев был всего лишь конфликтом разных принципов внутри Запада, а не столкновением цивилизаций — западного христианства с язычниками, — как это представляла пропаганда Тевтонского ордена.

Свое чувство национальной гордости европейцы издавна строят на памяти о победоносных (или проигранных) битвах с соседями. Одновременно, однако, смысл и цель Евросоюза состоит в том, чтобы прервать многовековую вендетту, подчеркивая европейское единство ценностей и развивая сочувствие к соседям. Этот узел противоположностей: с одной стороны, гордость давней победой над «тевтонской заварухой», а с другой — осознание сегодняшней польско-немецкой общности в рамках ЕС, — мы и пытаемся распутывать к 600-летию Грюнвальда. Германия уже прошла через это. Осенью прошлого года там отмечали двухтысячелетие битвы в Тевтобургском лесу, где германцы остановили расширение Римской империи на Центральную Европу.

Сегодня размышления вокруг обеих этих годовщин могут — вопреки традиционным рефлексам — в большей степени объединять немцев и поляков, нежели делить их, хотя в XIX веке культ двух названных битв был школой двух полностью противоположных типов национального эгоизма.

У поляков, лишенных собственного государства, культ Грюнвальда был пьедесталом исторического самосознания. Он напоминал о временах военного блеска и позволял противопоставить бисмарковскому культуркампфу и вильгельмовской германизации идею соседской унии поляков и литовцев, а также конфессиональной терпимости. В войне XV века с государством ордена крестоносцев наряду с католиками участвовали гуситы, православные и даже мусульмане. Памятники Ягайло, одновременно воздвигнутые в 1910 г. в Кракове и Нью-Йорке, были не только мёдом на польские раны, но еще и свидетельством воли Польши вернуться на европейскую сцену.

Однако удельный вес обоих национальных мифов в течение последних ста с лишним лет был совершенно разным. В Польше Грюнвальд оставался живым мифом на протяжении всего XX века, начиная с юбилея 1910 г. и далее в ходе II Мировой войны, а также в рамках датируемой 1960-ми пропаганды ПНР с Аденауэром в плаще крестоносца — и даже вплоть до предвыборной кампании братьев Качинских, начатой в 2005 г. на фоне картины Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом».

Раз уж ЕС ссылается сегодня на каролингскую идею, то увековечить победу германцев в Тевтобургском лесу становится несколько затруднительно, ибо в ней явлен распад, а не объединение Европы. В конце концов катастрофический удар по империи нанес предатель, германец, воспитанный в Риме и наделенный там аристократическим званием, который во многих пограничных войнах командовал германскими вспомогательными отрядами. Этот Арминий склонил Вара двинуться к Эльбе, после чего внезапно атаковал легионеров на трудной местности. Идеологи немецкого национализма XIX века оправдывали эту измену точно так же, как Адам Мицкевич обосновывал вероломство Конрада Валленрода: с захватчиком допустимо бороться любыми методами. Да и кроме того, утверждали они, у римлян-то Арминий и научился «римскому лицемерию», ибо уже из «Песни о Нибелунгах» известно,

что германцы не предают, они верны до гроба. Зигфрид, в германских преданиях победивший дракона, — это и есть вождь херусков, одержавший победу над римскими легионами, которые, словно гады ползучие, со покрытыми чешуей железными щитами продирались сквозь вестфальские леса...

Отдаленное зеркало

Не только немцы лепили национальные мифы из таких измышлений и полуправд. Барбара Такмен сравнивает популярные повествования о давних битвах с отдаленным зеркалом, в которое смотрится не столько прошлое, сколько настоящее. Что же тогда могут говорить о наших временах юбилейные празднования обеих побед?

В Германии медиа-инсценировки поражения римлян и победы германцев демонстративно смягчались. Но в их отдаленном зеркале можно было увидеть сегодняшние глобальные проблемы, хотя бы, скажем, войну в Афганистане.

При праздновании этого юбилея в Германии избегали националистического пафоса, и на трех выставках были представлены разные аспекты тогдашнего столкновения римской цивилизации с варварами: в Хальтерне, где располагался главный римский лагерь, устроили выставку «Империя»; в Калькризе, где находился центр битвы, — «Конфликт»; в Детмольде, где стоит памятник Арминию, — «Миф».

Ангела Меркель, открывая выставки, упомянула, что годовщина битвы совпала с годовщиной крушения Берлинской стены. Но ей не пришло бы в голову признать Арминием нашего времени, к примеру, офицера пограничной охраны ГДР, который, открывая границу в «Советском лесу», победил коммунистического дракона... Г-жа канцлер не зачитала и никакого актуального послания германских предков к сегодняшним немцам, чтобы те выступали против нового Рима. Наоборот! Она высоко оценила достижения имперской цивилизации. А тогдашний «clash of civilisations» резюмировала замечанием, что после отступления римлян в свои пределы германцы утратили контакт с римской культурой, но отнюдь не цивилизовались. Они остались порозненными и воевали друг с другом. К счастью, — закончила г-жа Меркель, — «мы живем в спокойные времена, хотя мы как германцы не достигли их собственными силами, а нуждались в европейской идее». Поэтому хорошо, что сегодня на месте той битвы устраиваются международные молодежные лагеря. Послание Ангелы Меркель было ясным: следует знать этот фрагмент европейской истории, но на мифе Арминия нельзя строить немецкое сознание на XXI век.

А как обстоят дела с Грюнвальдом? Какой автопортрет воспринимаем сегодня мы в отдаленном зеркале битвы 1410 года? С одной стороны, за те полвека, которые прошли со времени, когда Александр Форд снимал фильм «Крестоносцы», мир, Европа, Германия и Польша перевернулись вверх дном. Польские и немецкие солдаты Еврокорпуса вместе расквартированы в Щецине. А в Силезии польские жители устанавливают мемориальные доски на стенах домов, где родились немецкие писатели XIX века, высказывавшиеся о «польском хозяйстве» [что по-немецки означает бесхозяйственность] так же пренебрежительно, как Сенкевич писал о «казацкой черни». И эти граждане правильно поступают, потому что речь идет о таких незаурядных литераторах, как Йозеф фон Эйхендорф или Густав Фрейтаг. С другой же стороны, и поляков, и литовцев подмывало сделать очередной кино-римейк Грюнвальдской битвы.

Вроде бы вопрос этот прост и прям, как меч крестоносца. Коль скоро люди толпами валят на костюмные боевики — доказательством чего служат «Огнем и мечом», «Гладиатор», «Патриот», — то почему бы этим не воспользоваться? Сто лет назад люди умилялись, рассматривая написанные художниками панорамы великих сражений, сегодня — рассматривая на экране движущиеся картинки гусарской кавалерийской атаки, а вскоре зрители, наверно, станут участвовать в них виртуально. Правда, поляки будут тогда носить в карманах евровалюту и европаспорта, но всё равно испытают прежнее волнение и умиление, слыша слова Ягайлы из «Крестоносцев» Сенкевича: «Нет у нас недостатка в мечах; но я принимаю и эти, как предвозвестие победы...», — и станут ссориться с литовцами о том, кто же на самом деле выиграл ту битву...

Новые «Крестоносцы»?

Не исключено, что всё произойдет иначе. Возможно, следующие поколения отмежуются от литературной матейкиады, взглянут на это событие иначе и снимут своих «Крестоносцев» вопреки комплексам польских классиков, порожденным разделами страны, зато ближе и к исторической, и к психологической правде Центрально-Восточной Европы XV века и к тому, что действительно происходило между Мальборком, Краковом, Вильно, Прагой, Смоленском и Киевом? Будущий пересмотр не изменит фактов. Ягайло не свалится с коня, а Ульрих фон Юнгинген не выиграет битву, но в то же время в XXI веке такой фильм не может свестись к довольно-таки сомнительной идее о том, что достаточно приготовить удачное блюдо из рубленых тел нескольких десятков тысяч мужчин, чтобы решить все историософские дилеммы, а попутно еще и личные проблемы героев и зрителей.

Надежда на пересмотр изображенной Сенкевичем картины «Крестоносцев» существует. Достаточно обратиться к разысканиям польских и немецких историков за последнюю четверть века. Еще в 1978 г. оценка Немецкого дома госпитального ордена Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме, прозвучавшая на польско-немецкой конференции по учебникам, позволяла сделать только одно: составить протокол разногласий. Немцы, не приукрашивая фактов, обращали внимание на цивилизаторские достижения Тевтонского ордена в бассейне Балтийского моря, а поляки, не злоупотребляя в своих оценках черными красками, указывали на агрессивно колониальную структуру тевтонского государства, которое вгрызалось в соседние страны и земли. Сегодня польские историки Герард Лабуда и Мариан Бискуп уже и в Германии считаются классиками «прикладного тевтоноведения», а опубликованная — в том числе и по-польски — работа Хартмута Бокмана «Немецкий орден» показала всем, включая нас, что существует еще и вторая, «внутренняя» история Тевтонского ордена: административная, хозяйственно-экономическая, ментальная, религиозная, — которая в обыденном польском сознании оказалась почти полностью вытеснена картиной измен, лжесвидетельств и преступлений крестоносцев.

Пересмотр «Крестоносцев» касается, естественно, не фактов, но ролей, мотивов, психологических особенностей и оценок крупных конфликтов той эпохи, которые — невзирая на столкновение тевтонского государства с польско-литовской унией — шли гораздо глубже, чем история некоего благородного рубаки, спасающего барышню из рук нехороших монахов.

Вот на столе лежат две противоположные литературные легенды о крестоносцах и Грюнвальде (Танненберге). Польскую мы знаем. Злокозненный Тевтонский орден использует наивность Конрада Мазовецкого, фальсифицирует папскую буллу, проводит походы против земель пруссов, Литвы и Польши, чтобы истребить их население, создает современное военное государство, управляемое элитой спесивых рыцарей. Коварным обманом орден захватывает в 1308 г. Гданьск и Поморье, затем пытается покорить Литву, которую спас союз и персональная уния с Польшей. Битва под Грюнвальдом — это квинтэссенция извечных борений Польши с Германией. А государство крестоносцев, словно прообраз государства СС, было настолько невыносимым даже для собственных подданных, что прусские сословия попросили польского короля принять над ними верховенство. Невосполнимая и необратимая ошибка польской политики, повторяют ученики вслед за учителями, заключалась в том, что Ягеллоны позволили Гогенцоллернам образовать из вассального государства крестоносцев наследственное княжество, которое в качестве Пруссии стало гвоздем в гроб Речи Посполитой. Второй Грюнвальд — взятие Берлина в 1945 году и присоединение половины бывшей Восточной Пруссии к Польше — раз и навсегда положило конец тевтонству.

Немецкая легенда полностью противоположна. Вот есть скромное госпитальное братство, которое на исходе XII века опекало в Святой земле паломников из Бремена и Любека, построило в течение двухсот лет на бесплодных языческих землях северо-восточной Европы самое современное государство той эпохи, заложило 96 городов, возвело 90 замков, осушило болота и расширило на восток Ганзу — тогдашнюю экономическую общность бассейна Северного и Балтийского морей*. Да,

* К этой немецкой легенде можно было бы дать хоть такую поправку: начало отношений Новгорода Великого с ганзейским городами относится к концу XI века, а в конце XII-го уже был заключен договор с Ганзой как таковой (к этому времени в Новгороде уже существовал Немецкий двор). — *Ред.*

говорили немецкие романтики XIX века, это правда, что монахи не только лечили, но и наносили раны, однако лишь потому, что строптивые язычники не позволяли себя окрестить. Тевтонский орден, заявляли прусские историки Трайчке, Дройзен, Ранке, был цивилизаторским благом. А князь Конрад Мазовецкий самолично пригласил крестоносцев к себе, так как не мог совладать с нашествиями ятвягов, литовцев и прусов. В итоге немецкие монахи — всего лишь горсточка, триста-четыреста, а в каких-то всплесках до тысячи рыцарей Тевтонского ордена — быстро справились со всем этим языческим сбродом, крестом и мечом насадили христианство у Балтийского моря, привлекли новейшие технологии, а также самых предприимчивых колонистов и создали великолепную государственную машину, которая нашла свое продолжение во фридриховской Пруссии и вильгельмовской Германской империи. А тот, кто проиграл в тогдашней исторической гонке, сам был виноват...

Несчастье, гласила немецкая легенда, началось в тот момент, когда незадолго до конца XIV века Польша пренебрегла христианской солидарностью, предала ее и, завидуя тевтонскому государству по причине его успехов, стакнулась с язычниками. В 1410 г. она начала войну с орденом и, к сожалению, под Танненбергом победила армию крестоносцев. К победителям изменнически примкнули прусские сословия, которым был чужд дух христианского рыцарства. В следующей войне они поддержали польского короля и отдали изрядный кусок страны под польское правление. Но историческая справедливость существует: в XVII веке прусским королям удалось сбросить с себя польское господство, а в XVIII-м — вернуть ранее утраченные территории, избавляя их от польского беспорядка. А теперь, в XIX веке, Германия, взятая под прусскую эгиду, представляет собой высочайшее достижение государственного, военного и экономического искусства. Причем так уж оно и останется, потому что германский образ жизни, мышления и действия благотворен для всего мира...

Романтические легенды

У этой тривиальной историософии были свои литературные легенды. В то же самое время, когда Адам Мицкевич писал в уже царской Вильне «Конрада Валленрода» — не весьма рыцарский эпос о том, что цель освящает средства, а в борьбе с более сильным можно обманывать, натягивать на себя чужую маску и притворяться (как вождь херусков) другом, — в уже прусском Данциге Йозеф фон Эйхендорф, зачарованный историей Тевтонского ордена, готовился к реконструкции замка крестоносцев в Мальборке и писал историческую драму «Последний герой Мальборка». Оба писателя никогда не встречались и, скорее всего, не очень-то сумели бы договориться (хотя Эйхендорф знал польский язык, а Мицкевич — немецкий), потому что к одному и тому же материалу они подходили с совершенно противоположных сторон.

Пьеса Эйхендорфа начинается ровно в тот момент, которым кончаются «Крестоносцы» Сенкевича, — с битвы под Грюнвальдом. Но ее герои — вовсе не два литовца, польский король Ягайло и великий князь Витовт; ее герой — великий магистр Тевтонского ордена. С той лишь разницей, что это не Ульрих фон Юнгинген, а Генрих фон Плауэн, командир орденского замка в Шветце, защитник Мальборка и моральный победитель в поединке с польским королем.

С перспективы силезского поэта грюнвальдское поражение — это такой же шок, как если бы индейский вождь, скажем, какой-нибудь Сидящий Бык, победил всю американскую армию и неспешно двигался на Вашингтон. В эссе «Восстановление замка крестоносцев в Мальборке» Эйхендорф «вслушивается», как он сам пишет, в жизнь рыцарей-монахов, представляющих все провинции Германии, видит глазами воображения, как они лихо беседуют в стильной трапезной, «а каждый из них — это будущий князь, ибо в любую минуту его могут избрать великим магистром, причем все здесь побратались в высочайшей цели всех времен, которая даже самого обычного возносит над простонародьем...».

Самый блистательный период Тевтонского ордена, вздыхает Эйхендорф, — это времена великого магистра Винриха фон Книпроде (1352-1382). Этому поэту-романтику Мальборк представляется местом рыцарских повествований, великий магистр — Парсифалем, крестовые походы против язычников — путем в царствие небесное, а орден — одновременно элитарным и демократическим союзом христианских рыцарей, аристократов духа, дисциплинированных, глубоко вовлеченных

в свою миссию и не подчиняющихся никому, ни императору (тевтонское государство не было частью Священной Римской Империи), ни Папе Римскому, а только Богу и собственному уставу. Соседствующие с орденом литовцы — это «сарацины», как после Грюнвальдской битвы писал из Мальборка в орденские замки Западной Европы великий магистр. А христианский король Польши — узурпатор, в котором Альфред Римен, знаток творчества Эйхендорфа, обнаруживает тень Наполеона, незаконно короновавшегося императором и порабощавшего Пруссию и Европу, пока наконец не был низвержен союзниками в результате «освободительных войн». В общем, всё наоборот по сравнению с нами.

Противоположна и коллизия «Последнего героя Мальборка». Победа под Грюнвальдом до того ошарашила Ягайло, что целых два дня тот не мог поверить в свое счастье и не двинулся на Мальборк. За это время «один из рыцарей ордена с горсткой воинов своей дружины, весь покрытый пылью, влетел на полном скаку в ворота Мальборка, а на щите его красовался лев: то был граф Генрих фон Плауэн». Он оцепил замок, расставил людей, снес здания перед стенами и организовал оборону. В конце концов Ягайло приблизился и хвастливо повелел через герольдов открыть ворота, потому что право теперь воплощает он, но получил надлежащую отповедь: ему заявили, что монахи повинуются только Богу. Начинается проба сил, в которой Ягайло применяет нерыцарские методы, подкупает слугу, а на башне собора устанавливает пушку, из которой хочет попасть в колонну, поддерживающую свод трапезной, и похоронить монахов.

Святотатство не удается. Фон Плауэн, словно Кмитиц под Ченстоховой, организует вылазку из осажденного замка и наносит полякам тяжелый урон. Ягайло, вместо того чтобы судить Тевтонский орден, вынужден подписать мир. Хуже польского короля для Генриха фон Плауэна его внутренние противники — прусские сословия, настроенные эгоистически и материалистически и потому составившие заговор с чужим монархом, а также Михаэль Кюхмайстер, один из рыцарей, который отказывается арестовать заговорщиков и из эгоистических соображений отправляется на плохо подготовленную операцию против поляков: «Оказалось, что орден уже не понимает себя, громкие крики недовольства катились через всю страну, а чернь рвалась к кормушкам», — вздыхал Эйхендорф в своем эссе.

«Последний герой Мальборка» — одно из многих немецких литературных произведений, стремившихся создать романтический миф крестоносцев. Это не очень-то удалось, даже если Вильгельм II старался театрализовать память о Мальборке и тевтонском «Дранг нах Остен». Да и в Третьем Рейхе, где Гиммлер и Розенберг разжигали культ Мальборка, Танненберга и Тевтонского ордена, продолжателем которого якобы должны были стать отряды СС, этот культ не стал убедительным для многих нацистов самого высокого ранга, хотя бы Геббельса или даже самого Гитлера.

Остается вопрос, можно ли сегодня из двух этих взаимоисключающих национальных романтических традиций еще отцедить какое-нибудь универсальное послание, можно ли создать литовско-немецко-польский фильм, который расскажет что-то новое о тех людях и о нас самих, о государстве крестоносцев, о той Польше и той Литве, но также о сегодняшней Европе, которая именно сейчас возникает как единое целое — не из духа насилия, а из духа полюбовной договоренности и согласия. Только такой фильм и есть смысл снимать. Остальное — это умение набивать кошелек и кормиться на давно отзвучавших, отошедших в прошлое эмоциях. Достаточно вспомнить Югославию. В 1989 г. сербское празднование 600-летия битвы на Косовом поле стало детонатором распада этого государства и кровавой межплеменной войны, в которой исторические мифы стали питательной средой агрессивного национализма и этнических чисток.

Национальные мифы отнюдь не неизменны. Польский культ Грюнвальда тоже не всегда характеризовался одной и той же интенсивностью. Лишь бисмарковское и вильгельмовское трескучее пустозвонство придало Грюнвальду центральную роль и значение в польском сознании. А после 1945 г. в Польше не было, пожалуй, города на Западных землях, который не имел бы своей Грюнвальдской улицы и своего памятника с двумя мечами.

Сегодня, когда генеральный инспектор Бундесвера возлагает цветы на Вестерплатте, культ Грюнвальда несколько побледнел. Можно сказать, что исторически в польском обыденном сознании идет тихая война титанов. С одной стороны, в нем по-прежнему прочно и глубоко застряли давние карти-

ны исконной вражды, а с другой — появляются новые: мирное польско-немецкое сотрудничество в построении христианской Европы, символом которого служат гнезненский съезд 1000 года и дружба Оттона III с Болеславом Храбрым.

Это наше противоречивое отношение к польско-немецкой истории в какой-то мере отражает и две противоположные картины средневековья и христианства. С одной стороны, лучезарная, кроткая картина крещения как источника вдохновения, культуры и цивилизации, символами чего выступают набожные монахи, дальновидные гуманисты, трудолюбивые мещане и земледельцы, привлекаемые с Запада, дабы нести христианство. С другой — мрачная история христианизации Центрально-Восточной Европы огнем и мечом, история колониального завоевания и жестокого «культуроцида», которому подвергаются языческие племена, «обращаемые» в единственно правильную веру ценой их подчинения чужой власти, уничтожения их традиций и святынь, истребления под корень всей верхушки и фальсификации прошлого.

Младшая Европа

Почти в то же самое время, когда в Польше большой интерес возбуждала монография Ежи Клочовского «Младшая Европа» (1998), показывающая сходство путей Польши, Чехии и Венгрии, которые в X-XV вв. стали своеобразным субцентром европейской цивилизаци, в Великобритании Роберт Бартлетт в превосходной книге «Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950-1350 гг.» (1993, [русский перевод — 2007])» подробно показал оборотную сторону медали — рождение Европы тысячу лет назад из духа насилия, колониальной экспансии и бурных перемен, навязываемых окраинам тогдашнего христианского мира его романо-германским центром.

Лишь налагая друг на друга обе эти точки зрения и отодвигая в сторону рожденные в XIX веке мифы и картины как Сенкевича и Матейко, так и вильгельмовских пропагандистов, а также националистические инсценировки XX века авторства той и другой стороны, можно понять, насколько мощные напряжения сформировали нашу часть Европы.

В X-XI веках, когда на польских землях возникала государственность, латинское христианство расширялось по всем азимутам: из Испании вытесняли мавров, на севере охватывали Ирландию, Скандинавию и побережье Балтийского моря, на востоке — западнославянские земли и Венгрию. Вскоре в походы двинулись крестоносцы — не только против мусульман, но и против византийцев, славян и балтов. Латинское христианство, утверждает Бартлетт, было идеологией экспансии и модернизации общественного строя, а не только показателем обрядности и распространения авторитета Церкви.

Цивилизаторским «центром» Западной Европы были тогда — так же, как и сегодня, — территории северной Франции, Рейнской области и северной Италии. Вокруг них концентрически расходились периферийные «окраины». Для энергичного и экспансивного западноевропейского дворянства «неотесанными и необузданными» в равной степени представлялись как валлийцы, так и славяне, которым надлежало навязать современную форму правления. Завоевания гораздо больше возбуждали воображение, чем насаждение веры, они «формировали сознание князей, рыцарей и священников, пробуждая ожидания такого будущего, в котором можно силой создавать очередные объекты владычества и заселять очередные местности, дабы извлекать доходы с дани, налогов, аренды и десятины», — пишет Бартлетт, напоминая о возмущении дочери византийского императора Алексея Комнина и о латинских христианах как жадных и безудержных грабителях.

Военная техника: тяжелая кавалерия, лучники и укрепленные замки — давала «латинянам» ничуть не меньший военный перевес над «окраинами», чем тот, что был в 1999 г. у НАТО над Милошевичем. Но в расчет шли не только оружие и военная колонизация, а еще и более современная политико-экономическая модель, основанная на вассальной зависимости и ленах, или феодах. Римское католичество жестоко навязывало новую веру. Сегодня возбуждает смущение тот факт, что и Болеслав Храбрый грозил отрезать носы и выкалывать глаза тем, кто не соблюдает пост. Христианская «европеизация Европы» совершилась под сенью креста, но благодаря мечу. Это он вырубал пространство, где потом развивались города, торговля, ремесло, университеты, римское право, и обеспечивал колонизацию огромных территорий. «Европейские христиане, — считает Бартлетт, — которые в XV-XVI веках

добирались до побережий Северной и Южной Америки, Азии и Африки, были родом из общества, которое само прошло через отчетливые разновидности колонизаторского опыта. Та Европа, которая выступила инициатором одного из крупнейших в мире процессов экспансии, колонизации и преобразований, была продуктом такого процесса».

Однако модель «центр-периферия» не точна, доказывает Бартлетт. Случалось, что колонизируемые местности были, с одной стороны, подчинены центру, а с другой — сами представляли собой его копию. Кроме того Литва служит примером модернизации без христианства. В середине XIV века она была продуктивным государством, имеющим современное вооружение и умелую администрацию, которая действовала на «русском» языке*: «Боги были старые, но оружие — новое». Тем не менее государство крестоносцев было эффективнее, чем Литва или Польша. Его фундаментом были 120 заложенных городов и 1200 деревень.

Крестоносцы подобно другим тогдашним рыцарским орденам добивались успехов, потому что им удалось сплавить две стихии — дисциплинированных монахов с безжалостным, агрессивным рыцарством. Основанное на экспансии, самодисциплине и умелой администрации, государство крестоносцев не было, однако, оазисом культуры, источающей свой свет на соседей. Война со славянами и балтами служила рыцарям путем к карьере и самореализации. Мальборк был их плацдармом и воротами для вылазок, а также «нашим Иерусалимом» при походах против язычников-венедов — экспедициях, имевших целью завоевание, порабощение и изгнание славян с их земель. Тем самым на восточных окраинах западного христианства возникли «гарнизонные общества», управляемые — как тевтонское государство — чужой военной верхушкой, которая даже не предпринимала стараний интегрироваться с местным обществом. Избранным среди местных позволяли продвигаться на более высокие должности, но традиционная языческая культура уничтожалась. Этот «длинный пограничный регион католической Европы», доказывает Бартлетт, простирался от Испании до Финляндии. Да и Польша тоже была на первых порах «наполовину покоренной» страной. Пришлое духовенство, мещанство, крестьяне стали доминировать над местными. Эти последние начали обороняться, теряя, однако, во имя «самобытности» контакт с «иностранщиной», и вновь провинциализировались. Можно добавить, что лишь победа под Грюнвальдом означала цезуру, начало процесса, в ходе которого Польша и Литва выбились из статуса провинции на роль локального цивилизаторского и культурного центра западного христианства...

Мифы и факты

В действительности проблема крестоносцев с перспективы XXI века заключается в том, что на сегодняшний день ни одна из исторических легенд не выглядит убедительной. Остаются, разумеется, неизменные твердые факты из истории Тевтонского ордена, которые, однако, всегда будут толковаться по-разному. Дело в том, что история тевтонского государства представляет собой часть истории «младшей Европы» на славяно-германском стыке, и в зависимости от того, как складывалось это соседство, прочитывалась полная противоречий роль Тевтонского ордена.

Это правда, что Конрад Мазовецкий просчитался, а венгерский король оказался более предусмотрительным и удалил честолюбивую братию, хотя это, впрочем, не уберегло венгров от немецкого господства. Если бы вместо Тевтонского ордена Конрад призвал другой рыцарский орден, скажем, иоаннитов или тамплиеров, он тоже имел бы неприятности, и, скорее всего, в основанное ими государство со временем опять-таки больше тянулись бы немцы, чем, к примеру, французы, но не было бы столь тесного союза, как с Бранденбургским краем. Зато жестокостей при христианизации прусских земель случилось бы ровно столько, сколько их и оказалось, потому что такой была в тот период «культура крещения» и культура ведения войн. В этом крестоносцы не больно отличались от европейской нормы.

* То есть на древнебелорусском, официальном языке Великого Княжества Литовского. Лишь малая часть того, что автор именует Литвой (так сказать, «литовская Литва», и то не вся), была «без христианства». Белорусская и украинская части ВКЛ, которые и по площади, и по населению сильно превосходили литовскую часть, издавна были православными. Православные храмы были и в самом Вильнюсе за сто лет до «крещения Литвы». Только государственной религии в ВКЛ до принятия католичества не было. — *Прим. пер и ред.*

И это правда, что тевтонское государство в течение 300 лет своей истории находилось в экзистенциальном конфликте не со славянами в целом, а с польским государством, против которого оно многократно вступало, к примеру, в союз с Чехией. Однако этот конфликт отнюдь не был постоянным. Он бурно вспыхнул после кровавого захвата Гданьска в 1308 г. и продолжался несколько десятков лет вплоть до соглашения между орденом и Казимиром Великим в 1343 году. Потом на протяжении полувека отношения Польши с крестоносцами складывались мирно. Уния с Литвой (1385) была с польской стороны шагом, нацеленным не против Тевтонского ордена, а против Габсбургов и Москвы, так как Великое Княжество могло принять православие.

Правда, однако, и то, что польско-литовская уния поставила преграду тевтонскому государству. И, даже если бы крестоносцы отбились от Ягайло под Грюнвальдом, война всё равно продолжалась бы дальше. Государство Тевтонского ордена было, возможно, более современным и лучше организованным, чем Польша и Литва, но их людские потенциалы оставались несопоставимыми: около 300 тысяч против 4 миллионов.

Правда и то, что Грюнвальд был одной из самых важных битв в средневековой Европе, но более весомым оказался конфликт принципов, представленный в споре с Тевтонским орденом на Констанцском соборе (1414) —том самом, где за ересь сожгли Яна Гуса. Тогда Польша впервые в истории выступила публично на международном форуме (на чём-то вроде Генеральной Ассамблеи ООН) и представила новую доктрину — самоопределения наций.

Правда и то, что столь превосходно организованное государство крестоносцев, которое весьма многое внесло в материальную культуру южных областей Балтики, вписало совсем мало страниц в духовную культуру Европы. Лишь эмансипация прусских сословий, их освобождение из-под власти Тевтонского ордена и переход на польскую сторону создал условия, в которых мог блеснуть Коперник.

И, наконец, это правда, что половинчатое решение Ягеллонами вопроса о крестоносцах навлекло в XVIII веке на Речь Посполитую смертельную опасность и стало гвоздем в ее гроб. Но вовсе не обязательно должно было произойти именно так. Если бы контрреформация не забила шляхетские головы сарматской идеологией, то Польша не утратила бы контакта с Западной Европой. И тогда, возможно, не произошло бы шведского «потопа» и отрыва Восточной Пруссии, но это уже совсем другие небылицы и темы для совсем других кинофильмов...

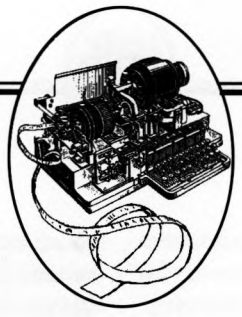
*

Вопреки легенде авторства Сенкевича и ПНР(обоснованной в XIX веке бисмарковской политикой германизации, а в 1960-е — непризнанием ФРГ границы по Одеру-Нейсе), конфликт между Польшей и крестоносцами в XV веке был не конфликтом между нациями или цивилизациями, но межгосударственным. Причем оба конкурирующих блока: и Польша с Литвой, и тевтонское государство, поддерживаемое императором и чешским королем, — были многонациональными.

Как-то нелегко и неловко стилизовать сегодня Грюнвальд — равно как и Тевтобургский лес — под символ «наследственной вражды». Зато вполне можно эту, что ни говори, одну из крупнейших битв средневековья признать символом перемещения «младшей Европы» из периферии к цивилизаторскому центру. А также символом тех эффективных союзных структур польско-литовской унии, которые в ту эпоху сумели выработать верхи общества, игравшие решающую роль для судеб польских «коронных земель» и Великого княжества. Именно память о них может быть нашим приданым, вносимым в Евросоюз. А выигранная битва под Грюнвальдом — это всего лишь доказательство менеджерской организованности. И будем надеяться, что именно такой 1410 год покажет нам большой художественный фильм о Грюнвальде, который как раз сейчас снимают литовцы...

DIALOG
Magazyn Polsko-Niemiecki

Адам Кшеминский — германист и публицист, журналист еженедельника «Политика», в 1987-1998 главный редактор журнала «Диалог», живет в Варшаве.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«В воскресенье президент Бронислав Коморовский открыл в Щецине, городе, где 30 лет назад были подписаны первые августовские соглашения, торжества в честь юбилея «Солидарности». В свою очередь в Гданьске цветы к памятнику судостроителям возложили премьер-министр Дональд Туск и бывший президент Лех Валенса. В Щецине Коморовский призывал к диалогу. «Солидарную Польшу нельзя строить вопреки друг другу», — подчеркнул он. Между тем председатель НСПС «Солидарность» Януш Снядек (...) заметил, что «экономическая и политическая элита не оправдала надежд»». *(«Жечпосполита», 30 авг.)***

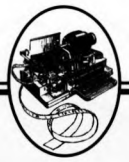
» «Можем ли мы действовать не друг против друга, но во имя высшей ценности — общего блага? Вот главное послание 1980 года», — сказал президент Бронислав Коморовский на юбилейном съезде НСПС «Солидарность» в Гдыне. *(«Польска», 31 авг.)*

» **«На съезде «Солидарности» разгорелись страсти (...) 30 лет назад Генрика Кшивонос, желая поддержать забастовку на судоверфи, остановила трамвайное движение в Тригороде. Вчера героиня августа 80-го не менее драматически прервала политическую атаку Ярослава Качинского на торжествах в честь юбилея подписания августовских соглашений в Гдыне. «Господин председатель, я вас очень прошу не натравливать людей друг на друга. Не знаю, что с вами случилось. Я вам очень сочувствую, но уж и вы, пожалуйста, пожалейте других и позвольте им нормально жить. Вы топчете достоинство Леха [Качинского]», — сказала Генрика Кшивонос Ярославу Качинскому (...) «Честно говоря, когда я вас слушала, господин председатель, меня чуть кондратий не хватил. Ведь вы оскорбляете всех нас. Чего мы достигли за эти 30 лет? Научились свистеть? Перестали уважать людей, которые там [на Гданьской судоверфи] были? Когда сюда вышел Дональд Туск и сказал, что работал среди вас, вы освистали человека, который тогда работал для вас, с вами, своего товарища», — продолжала Кшивонос (...) Дональда Туска собравшиеся освистали еще до того, как он вышел на трибуну (...) «Тогда «Солидарность» насчитывала 10 млн. членов. Что случилось с теми 9 миллионами, которые сегодня не чувствуют, что их место — среди вас?», — спрашивал Туск (...) Премьер напомнил песню Яцека Качмарского «Молитва на заре», в которой есть слова: «Но избавь меня от ненависти, от презренья спаси меня, Боже». «Это была просьба, чтобы с нами не случилось чего-то плохого, чтобы никто из нас не оказался во власти презрения и ненависти», — сказал Дональд Туск (...) Лех Валенса (...) доволен, что не участвовал в юбилейном съезде. «У меня нет ни малейшего желания переживать нечто подобное», — сказал он». *(Анджей Гжегжулка, «Польска», 31 авг.)***

» «Со вчерашнего дня Генрика Кшивонос — легенда не только августа 80-го, но и «Солидарности». Ее вторжение на трибуну и эмоциональное выступление вызвали лавину комментариев и одобрительных оценок в Интернете. Социологи объясняют это тем, что она искренне и эмоционально высказала то, что думает значительная часть общества». *(Барбара Щепула, «Польска», 1 сент.)*

» **Из интервью с Лехом Валенсой: «Я туда не поеду, потому что у меня нет возможности некоторые вещи исправить, а ломать я бы не хотел. Мне не нравится роль профсоюзов! Мне не нравятся епископы! Так что праздновать у меня нет никакого желания (...) Я не думал, что демократия — такое трудное искусство. Двадцать лет строим — и по-прежнему со скрипом». *(«Польска», 31 авг.)***

» «Сила первой «Солидарности» была в терпимости и открытости. Потом, в 90-е годы, воссозданный профсоюз начал закрываться. Были введены элементы христианской демократии, и это оттолкнуло часть людей. Этот профсоюз идеологически однозначен (...) Он прямо связал себя с одной партией — «Правом и справедливостью».



Раньше этого не было. У членов «Солидарности» были свои взгляды, но не было такого, чтобы председатель вместе со всеми профсоюзными органами поддерживал одну партию и участвовал в кампании ее кандидатов. 30 лет назад, когда забастовка закончилась и мы подписали [августовские] соглашения, у меня было такое чувство, что ничего более важного в жизни я уже не сделаю. Это была удручающая мысль для человека, которому всего 31 год. Но она оказалась верной! Депутаты, маршалы — всё это мелочи по сравнению с тем успехом», — Богдан Борусевич, маршал Сената. *(«Жечпосполита», 28-29 авг.)*

» **«30 лет назад я был на Гданьской судоверфи и в качестве советника Межзаводского забастовочного комитета помогал вести переговоры с правительственной комиссией по экономической части соглашения (...) Это был великий и драматический порыв народа к свободе (...) Величие «Солидарности» было в этой жажде свободы, но это не была ангельская организация. Она несла с собой не какую-то моральную революцию, а желание жить нормально (...) Когда она объединялась (в т.ч. и из страха) перед лицом общего врага, которым был коммунизм, она была прекрасна, и люди становились прекрасными (...) Однако, когда движение оставалось наедине с собой, (...) всё было совсем по-другому. «Солидарность» оказывалась клубком соперничества, конфликтов, внутренней борьбы, амбиций, карьеризма, своекорыстия, недоверия, ударов ниже пояса — всего, чем полна повседневная жизнь в каждом человеческом сообществе (...) В Польше до сих пор нет ни одной книги, которая попыталась бы показать сложную, не всегда привлекательную правду о движении, а не красивые мифы о нем. Это плохо, потому что мифология «Солидарности» служит образцом, с которым многие сравнивают период после 1989 г., показывая, какими мы когда-то были прекрасными и какими стали омерзительными, обретя свободу (...) Это ложь и мифология (...) Та «Солидарность» принадлежит тому времени и сегодня ей уже нечего нам сказать. А мы должны рассказать о ней правду, потому что правда освобождает, а миф порабощает», — Вальдемар Кучинский, министр в правительстве Тадеуша Мазовецкого, советник премьер-министров Влодзимежа Цимошевича и Ежи Бузека.** ***(«Жечпосполита», 30 авг.)***

» «В 80-е годы «Солидарность» была массовым движением с гигантской поддержкой. Опрос ЦИОМа показал, что в 1989 г. ее поддерживали целых 84% поляков. Сегодня это популистский профсоюз, стиль действий которого большинство поляков не одобряет». *(«Польска», 27-29 авг.)*

» **«По последним данным, НСПС «Солидарность» насчитывает около 685 тыс. членов. Отток людей из профсоюза продолжается, но на их место приходят новые: ежегодно в «Солидарность» вступают более 20 тыс. человек. Однако они думают не о политике, а о борьбе за работу и достойную зарплату».** ***(«Газета выборча», 30 авг.)***

» «Три шезлонга, пять столиков, чемоданы, маты, одеяла, десять термосов, несколько десятков бутылок для воды, зонтики, бело-красные флаги — всё это лежит у ворот министерства культуры и национального наследия. На шезлонгах отдыхают дежурящие здесь уже много дней «защитники креста». В середине августа сотрудники Бюро охраны правительства и полиции очистили территорию вокруг креста, стоящего перед президентским дворцом на другой стороне улицы. Теперь «защитники» кочуют перед воротами министерства культуры, напротив президентского дворца». *(Иоанна Насеровская, «Газета выборча», 28-29 авг.)*

» **««Нас отсюда не выгонят. Коморовский каждый день поневоле будет на мессе», — грозятся дежурные «защитники креста» возле президентского дворца (...) Со вчерашнего дня они продают публикацию «Смоленские тетради». «За 40 злотых можно узнать всю правду об убийстве президента и половины польского государства, — говорят они. — 10 сентября, когда исполнится 5 месяцев со дня смоленской трагедии, к кресту пойдет крестный ход из собора св. Иоанна Богослова. Нас будет две тысячи. Мы разослали по приходам во всей Польше призывы к паломничеству. Пусть идут к кресту — ведь это священное место. Мы хотим снова оказаться в непосредственной близости от креста. Если нас будет больше, мы пойдем прямо через ограждения».** ***(Иоанна Насеровская, «Газета выборча», 1 сент.)***

» «Обломок президентского Ту, разбившегося под Смоленском, драгоценные камни, ценные металлы, кусочки метеоритов и скал из грота в Назарете и с Голгофы, а также пластмассовые розарии и алюминиевые медальоны — из таких

разнообразных материалов сделан новый оклад чудотворной иконы Ясногорской Божией Матери в Ченстохове. В субботу оклад и новые короны освятил примас Польши архиепископ Тадеуш Ковальчик». *(«Газета выборча», 6 сент.)*

» «Прошло уже три месяца со дня трагедии, в которой погибли президент Польши и элита польского народа, а следствие, оказавшееся под контролем Путина при одобрении премьера Польши Дональда Туска, так ничего и не выяснило (...) По мнению офицера ЦРУ Джена Потита, Туск — это российская марионетка». *(Лешек Мисяк, Гжегож Вешхаловский, «Моя родзина», июль-август)*

» «ПиС из-за кулис руководит «защитой креста». Впрочем, и сам ПиС в адресованном мне письме (кажется, его получили и другие епископы) признаёт, что оказывал помощь людям, стерегущим крест (...) Пусть епископы занимаются вопросами веры и морали (...) Большинство [из них] одурманено ПиСом (...) Достаточно было посмотреть во время [президентской] кампании на настроения духовенства, которые отнюдь не с неба свалились (...) Это все идет через радио «Мария»», — сказал епископ Тадеуш Перонек, бывший генеральный секретарь Епископата Польши и ректор Папской богословской академии, ныне на покое. *(«Жечпосполита», 2 сент.)*

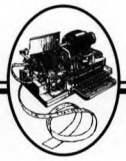
» «У меня такое впечатление, что часть общества уже не может спокойно смотреть на перемены, начавшиеся после 1989 года. Одна из политических партий сознательно мобилизует всех недовольных в стране и ради собственной выгоды провоцирует всё новые проблемы (...) В настоящий момент «Право и справедливость» нельзя назвать нормальной демократической оппозицией. Скорее это политическая секта со своим гуру, своими святыми. И с закрытым сознанием. Это смахивает на подрывное движение, которое хочет не столько реформировать Третью Речь Посполитую, сколько уничтожить ее», — Норман Дэвис, историк, профессор Лондонского и Оксфордского университетов. *(«Ньюсуик-Польша», 15 авг.)*

» «Чтобы понять Качинского, надо вернуться к июню 1992 года (...) Тогда в своем программном выступлении премьер-министр Ян Ольшевский (...) сказал, что неважно, какая будет Польша, а важно, чья она будет (...) Этот спор о том, «чья Польша», продолжается по сей день. Качинский считает, что она не должна принадлежать (...) тем, кто пошел путем компромисса «круглого стола» (...) Этот спор неправильно сформулирован, ложен по своей сути и будет сбивать нас с пути. Он будет раздирать Польшу (...) [Качинский] этого уже не остановит, это слишком далеко зашло. Помогут лишь время и развитие Польши. Если Польша будет развиваться, это подтвердит, что августовские соглашения, «круглый стол», Третья Речь Посполитая имеют смысл. Если бы, не дай Бог, наступил кризис, то популисты, экстремисты, ПиС и Ярослав Качинский воспользовались бы им в своих целях (...) Но я верю в позитивный сценарий», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. *(«Газета выборча», 1 сент.)*

» «В Церкви создается нездоровая ситуация, напоминающая напряженность в верхах ПОРП, где прагматиков называли либералами, подрывающими т.н. идейно-политическое единство партии. Между тем партию погубили не разногласия, а ее политика. На этом фоне зарождается антиклерикальное движение — впервые после 1989 г., с массовым использованием Интернета в качестве средства мобилизации (...) Церковь сплачивает ряды, не придает значения акциям протеста. Председатель Конференции Епископата архиепископ Юзеф Михалик называет призывы к «автономии государства» и секуляризму идеологическим «угаром от марксизма-ленинизма»». *(Адам Шосткевич, «Политика», 28 авг.)*

» «В этом году перед президентской кампанией профессор Познанского университета им. Адама Мицкевича Юзеф Банячек провел опрос среди 955 гимназистов из городов и деревень, посвященный отношению к религии и Церкви. Три четверти подростков считают, что Церковь активно участвует в общественной жизни (...) 70% высказываются за аполитичность священников. 62% интерпретируют уроки Закона Божия в школах как проявление силы Церкви». *(Куба Капишевский, «Пшеглёнд», 5 сент.)*

» «Мы хотим, чтобы в публичных местах рядом с государственным гербом не было распятий, чтобы вместо Закона Божия в школах была этика. Мы требуем ликвидировать Церковный фонд и повысить налоги на духовенство. Мы хотим также смягчить ст.196 Уголовного кодекса, в которой говорится, что можно получить приговор до 2 лет лишения свободы за оскорбление религиозных чувств. В публичном пространстве слишком много рели-



гии, о чем свидетельствует спор о кресте перед президентским дворцом. Испания — хороший пример страны, которая сумела отделить государство от Церкви», — заявила зам. председателя Союза демократических левых сил (СДЛС) Катажина Пекарская. ***(«Польска», 30 авг.)***

» Согласно опросу ЦИМО, проведенному 9 сентября, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 52% поляков, ПиС — 25%, СДЛС — 20%, крестьянскую партию ПСЛ — 2%. *(«Жечпосполита», 11-12 сент.)*

» **«Согласно августовскому опросу ЦИМО, у премьер-министра Дональда Туска столько же сторонников, сколько и противников — по 46%. Правительство поддерживают 35%, а критикуют 56% опрошенных».** ***(«Дзенник — Газета правна, 1 сент.)***

» Согласно опросу ЦИОМа, избрание Бронислава Коморовского президентом восприняли с удовлетворением 57% поляков. Отрицательно к нему отнеслись 30% опрошенных. Неуверенность выразили 12%. О намерении проголосовать за Коморовского заявило на 6% больше избирателей, чем поддержало его в действительности. В то же время в симпатии к Ярославу Качинскому призналось на 10% меньше избирателей, чем проголосовало за него на выборах. *(«Польска», 12 авг.)*

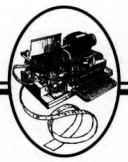
» **«О подробностях недельного отдыха президентской пары в Литве рассказал «Супер-Экспрессу» директор пансионата: «Они завтракали вместе со всеми нашими постояльцами. Традиционная литовская кухня пришлась им по вкусу. Обслуживающий персонал виллы заметил, что Коморовский охотно ел салаты, горячие рыбные блюда, но пива не заказал ни разу»».** ***(«Политика», 4 сент.)***

» «Свой первый заграничный визит глава государства (...) нанес в Брюссель. Сегодня он будет в Париже, завтра — в Берлине (...) В Брюсселе на совместной пресс-конференции с председателем Европарламента Ежи Бузеком Бронислав Коморовский, в частности, сказал: «Польша предлагает активизировать сотрудничество в рамках Веймарского треугольника, который хорошо зарекомендовал себя во время наших переговоров о вступлении в ЕС (...) Сегодня мы видим, что Веймарский треугольник оживает прежде всего как место, где можно выяснить и согласовать множество вопросов, например касающихся восточной политики»». *(«Польска», 2 сент.)*

» **«Я был и остаюсь прежде всего государственным чиновником... Впрочем, пожалуй, я все-таки немного становлюсь политиком, но политиком опять-таки государственным. Государственный политик руководствуется интересами государства, а не политической партии, работает для государственного института, а не для одной из партий (...) Если бы мне удалось преобразовать Канцелярию президента во внепартийный, современный, четко работающий институт (...) это было бы замечательно», — Яцек Михаловский, начальник Канцелярии президента, член Клуба католической интеллигенции с 1975 г., сотрудничал с Комитетом защиты рабочих, в 1980 г. вступил в «Солидарность», был членом «Демократической унии».** ***(«Жечпосполита», 23 авг.)***

» «Вчера Главное статистическое управление (ГСУ) сообщило, что во втором квартале ВВП вырос на 3,5% (...) Такого результата ожидали только самые большие оптимисты. Высокого роста ВВП удалось достичь благодаря растущему потреблению, увеличению объема государственных инвестиций и хорошей конъюнктуре у наших западных соседей (...) «Благодаря средствам из ЕС мы много тратим на государственные инвестиции (...) Зато значительно хуже обстоит дело с инвестициями в частном секторе (...) В долгосрочной перспективе именно они влияют на рост ВВП», — говорит проф. Анджей Казимерчак, член Совета монетарной политики». *(«Дзенник — Газета правна», 31 авг.)*

» **«Деньги, которые поступают в польскую деревню из Брюсселя и из государственного бюджета, не привели к модернизации сельского хозяйства. В Польше по-прежнему проживает почти 18% крестьян Евросоюза. Им принадлежат 9% европейских земельных угодий, однако наша доля в сельскохозяйственном производстве ЕС составляет лишь 5,7% (...) За последние 10 лет число крестьян в новых странах-членах ЕС уменьшилось на 31%. У нас — лишь на 11%. Это даже меньше, чем в старом Евросоюзе, где с сельским хозяйством расстались 17% занятых в нем работников (...) Доходы фермеров в старом ЕС уменьшились почти на 10%, а в Польше выросли почти на 107%. Хотя у нас много земли и неплохие климатические условия, вместо того чтобы кормить Европу, мы становимся ее скансеном».** ***(Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 19 авг.)***



» «Еврокомиссия утвердила помощь в размере 390 млн. евро на увеличение объема польских газохранилищ. В результате повысится безопасность поставок (...) Газохранилища будут предоставляться всем фирмам, конкурирующим на польском рынке». *(«Газета выборча», 1 июля)*

» «В первом полугодии Польша импортировала из России 5,5 млрд. кубометров газа и стала третьим по объему рынком «Газпрома» в ЕС, — сообщил российский концерн в своем отчете за второй квартал. В Евросоюзе больше российского газа закупили только Германия (19,6 млрд. кубометров) и Франция (6,1 млрд.). Польша была единственным крупным покупателем «Газпрома», не получившим скидки». *(«Газета выборча», 1 сент.)*

» «По мнению чиновников Европейской комиссии, достигнутое и парафированное газовое соглашение между Польшей и Россией не соответствует законодательству ЕС (...) В то же время представители Еврокомиссии предложили польскому правительству помочь привести газовый договор с Россией в соответствие европейскому законодательству (...) Брюссель полон решимости исправить этот договор». *(«Газета выборча», 31 авг.)*

» «До завершения переговоров с Россией газ в Польшу будет поставлять немецкая компания «ЭОН-Ругаз». Фирма готова поставить столько газа, сколько потребуется, — сказал представитель немецкого концерна Адриан Шафранец». *(«Польска», 6 сент.)*

» «Министерство охраны окружающей среды выдало 70 концессий на разведку нетрадиционного газа (связанного и сланцевого). 11 концессий выданы на разведку только такого газа, остальные 59 касаются разведки как традиционных, так и нетрадиционных углеводородов». *(«Польска», 24 авг.)*

» «По мнению геологов, результаты разведки сланцевого газа станут известны лишь через 3-5 лет. Если добыча окажется рентабельной, эксплуатация месторождений начнется приблизительно через 10 лет». *(«Дзенник — Газета правна», 31 авг.)*

» «Эксплуатация (...) связана с высокой потребностью в воде (...) Около половины воды выходит обратно на поверхность, неся с собой из недр земли растворенные соли, тяжелые металлы, а также (в зависимости от грунта) такие радиоактивные вещества, как радон. В воду, используемую для процесса добычи, кроме песка, в качестве вспомогательных веществ добавляют также химикалии, в т.ч. растворители (например, бензол или толуол), антикоррозионные средства и бактерициды для устранения микроорганизмов, которые могут затруднить движение газа. Эти токсичные вещества тоже частично проникают обратно на поверхность». *(«Форум», 16-22 авг.)*

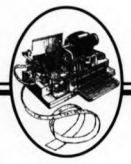
» «ЕС обязывает нас в течение 10 лет удвоить объем энергии, добываемой из возобновляемых источников. Чтобы выполнить эту задачу, мы должны до 2020 г. построить несколько десятков тысяч ветряных, геотермальных и гидроэлектростанций, биогазовых станций и солнечных коллекторов. В общей сложности это обойдется нам в 60 млрд. злотых. До 2013 г. Евросоюз может выделить нам на это 7 млрд. евро». *(«Дзенник — Газета правна», 30 июля)*

» «Шум, который не дает спать ночью, а днем отвлекает и вызывает головную боль, — так будет выглядеть жизнь, если вблизи домов появятся гигантские установки с вращающимися винтами. Однако люди опасаются не только этого. Инфразвуки, которых человек не слышит, могут влиять на внутренние органы и приборы, вживленные в организм, — например кардиостимуляторы (...) С каждым днем в Великопольше всё больше тех, кто заявляет: стоп ветрякам! Люди не хотят, чтобы они строились на расстоянии 300, 500 или 700 м от домов (...) Жидово, Душники (...) Желязно, (...) Голанч (...) Липно (...) Список протестующих великопольских населенных пунктов значительно длиннее». *(Каролина Стерналь, «Польска», 24 июня)*

» «Исчезло 2,4 млн. автомобилей (...) Скелеты машин массово выбрасываются в леса или реки (...) Никто не проверяет, идут ли машины на слом. А владельцам брошенных машин не грозят никакие санкции». *(«Дзенник — Газета правна», 24 авг.)*

» «Экономисты удивлены: рост числа непогашенных в срок кредитов сопровождается ускорением экономики и ростом занятости (...) Пять поляков из ста погашают свои финансовые обязательства несвоевременно. Их число составляет уже 1,92 млн. человек. Они внесены в список недобросовестных должников Бюро кредитной информации и практически лишены возможности получить какой-либо банковский кредит». *(«Польска, 3 сент.)*

» Согласно опросу ЦИОМа, спиртные напитки пьют 76% опрошенных поляков. 65% из них делают это редко (в 2007 г. такой ответ выбрали 57% респондентов). 17% пьют водку (в



2007 г. — 24%), 21% — вино (в 2007 г. — 20%), а 52% — пиво (в 2007 г. — 44%). («Жечпосполита», 16 авг.)

» «Согласно исследованиям «Ипсос», август принес самое значительное за последний год ухудшение потребительских настроений. В связи с планируемым повышением ставок НДС растут опасения за будущее польской экономики. Индекс потребительского доверия упал на 4,2 пункта и составил 92,6 пункта (...) Однако августовский уровень индекса по-прежнему выше лучшего прошлогоднего результата; в августе 2009 г. он составлял 87,2 пункта». *(«Польска», 1 сент.)*

» **«Почти 60% опрошенных ЦИМО с 5 по 8 августа видят будущее в темных тонах. По сравнению с июлем число оптимистов уменьшилось на 15%. Только каждый третий респондент считает, что польская экономика развивается (...) По оценке 41% опрошенных, в течение ближайших трех лет условия жизни в нашей стране ухудшатся. Об улучшении говорит лишь каждый пятый поляк, каждый третий ожидает перемен». *(«Польска», 3 сент.)***

» «Более половины польских учеников заявляют, что в школе им скучно. За год их число выросло на целых 10% (согласно опросу проф. Януша Чапинского, проведенному в 2009 г.) (...) Поколение, которое не знает мира без компьютера и Интернета, — это дигитальные туземцы, чьи мозги сформировались под влиянием новых технологий (...) Они по-другому учатся и по-другому усваивают информацию (...) Благодаря интенсивным контактам с новыми технологиями они более креативны (...) За последние 50 лет IQ жителей наиболее развитых стран мира вырос на 5-25 пунктов (...) Нынешняя молодежь гораздо хуже развивает свои общественные навыки. Всё больше людей испытывают проблемы с сочувствием, так как не умеют правильно понимать и интерпретировать чувства других (...) А эти способности можно развивать только путем общения (...) в реальном мире». *(Мажена Жилинская, «Политика», 4 сент.)*

» **«Перед началом учебного года отделы образования выдают учителям сотни разрешений на преподавание предметов, которых те преподавать не в состоянии». *(«Жечпосполита», 5 июля)***

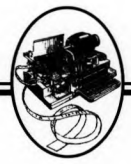
» «Согласно опросу Агентства основных прав ЕС, проведенному (...) в 27 странах Евросоюза в 2008 г., (...) 76% польских цыган подвергались дискриминации (...) Министерство внутренних дел сообщает, что (...) среди них распространены неграмотность, бедность, безработица, затяжные болезни (...) По данным министерства, в школу ходят 84% цыганских детей». *(«Жечпосполита», 8 авг.)*

» **«Польское общество «Праведников народов мира» празднует свой 25-й юбилей. Вначале оно насчитывало около 1250 членов, сегодня — лишь 450-500 (...) Медалью и дипломом «Праведника народов мира» награждаются люди, спасавшие евреев в годы II Мировой войны. Эта награда присуждается с 1963 г. иерусалимским институтом «Яд-Вашем». Из 20 тыс. награжденных более 6,2 тыс. — поляки». *(«Газета выборча», 28-29 авг.)***

» «В пятницу чешский министр внутренних дел открыл в Праге обелиск в честь Рышарда Сивца и его протеста против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году (...) 8 сентября 1968 г. во время праздника урожая на [варшавском] стадионе Десятилетия [ПНР] в присутствии партийных лидеров, дипломатов и 100 тыс. зрителей Сивец облил себя растворителем, а затем поджег, крича: «Протестую!» Перед самосожжением он разбросал на стадионе листовки». *(«Газета выборча», 21-22 авг.)*

» **«Польские ветераны войны в Афганистане живут на пенсию по инвалидности 1,3 тыс. злотых, месяцами борются за компенсацию, а работы для них нет (...) По независимым от армии подсчетам Общества раненых и пострадавших на зарубежных миссиях, с 2003 г. (...) инвалидами стали более 400 военнослужащих. Председатель общества — старший рядовой Даниэль Кубас, раненый в Ираке в 2004 г. (у него повреждены позвоночник и череп) (...) Как негодный к службе (...) он получил разовое пособие (1000 зл.), а компенсацию — лишь спустя год. Ему платят пенсию по инвалидности — 1700 зл., на которые он покупает лекарства и оплачивает восстановительное лечение (...) Когда он ходатайствовал о повышении пенсии, ему сказали: «Лучше бы ты там погиб». Семьи погибших получают пенсии и стипендии для детей, а вдовы — работу в армии». *(Мартин Гурка, «Газета выборча», 27 авг.)***

» «Православный крест, вырастающий из могильной плиты, и 22 штыка, символизирующие число солдат, — так выглядит памятник, который откроется в Оссуве. Памятник стоит на месте, где в 2008 г. была обнаружена могила солдат Красной



армии, погибших в 1920 году (...) В ходе Варшавской битвы (...) погибло 25 тыс. красноармейцев». *(«Газета выборча», 14-15 авг.)*

» **«Скандалом закончилась попытка открыть в Оссуве под Варшавой памятник погибшим там в 1920 г. красноармейцам. На надгробной плите кто-то намалевал красные звезды [Об этом акте вандализма мы писали в прошлом номере — Ред.] (...) Против торжественного открытия памятника протестовало несколько десятков человек (...) На могиле лежит плита с надписью по-польски и по-русски: «Здесь похоронены 22 солдата 235-го и 236-го стрелковых полков 79-й бригады Красной армии, павшие в боях за Оссув 14 и 15 августа 1920 г.» (...) Следующий срок открытия памятника не назначен».** ***(«Газета выборча», 16 авг.)***

» «В церемонии должен был участвовать посол России (...) «Я со стыдом вынужден был сообщить ему, что церемонию придется отменить (...) 27 июля я принимал участие в торжествах в честь 10-летия открытия польского воинского кладбища в Катыни. Их организовала российская сторона», — говорит Анджей Кшиштоф Кунерт, секретарь Совета по охране памяти борьбы и мученичества». *(«Газета выборча», 17 авг.)*

» **«Строительство [надгробного] памятника убийце-агрессору до возведения памятника, который увековечил бы самопожертвование и героизм наших соотечественников, защищавших Родину, противоречит порядку любви. Поэтому я считаю, что все, кто принимал деятельное участие в строительстве этого памятника, совершили публичный грех, если это люди верующие, (...) или подлость, если неверующие», — свящ. Юзеф Май, капеллан Фонда строительства памятника польской победе 1920 года.** ***(«Польска», 19 авг.)***

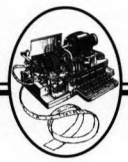
» Из письма: «С глубоким прискорбием воспринял я протест против открытия памятника солдатам Красной армии в Оссуве (...) В городке Кривичи в Белоруссии есть могилы польских солдат, павших в 1918-1920 гг., т.е. во время войны с большевиками (...) Памятник как стоял там до войны, так и теперь стоит. Могилы не тронуты, территория огорожена (...) Там были свечи, которые поставили люди, приехавшие из Польши, но были и свечи от местных (...) Фамилия автора известна редакции». *(«Газета выборча», 26 авг.)*

» **«Вчера начальник Генерального штаба ВС России генерал Николай Макаров встретился с начальником польского генштаба генералом Мечиславом Ценюхом. Это была первая подобная встреча со времени вступления Польши в НАТО».** ***(«Газета выборча», 25 авг.)***

» «В этом году Россия посвятила удивительно много внимания годовщине Варшавского восстания. Государственное агентство «РИА Новости» организовало в Москве дискуссию, а по интернет-телевидению показало уличный опрос о том, что́ знают в России о восстании. Радио «Эхо Москвы» 1 августа выпустило в эфир часовую дискуссию с участием посла Польши в Москве Ежи Бара, перепечатанную затем газетой «Известия». «Мы должны лучше понять польскую чувствительность к вопросу Варшавского восстания — ведь это одна из горьких страниц польско-российской истории», — сказал Сергей Бунтман, который вел дискуссию на «Эхе Москвы». На выставке «Варшавское восстание 1944 года глазами фоторепортеров», открывшейся в Петербурге, нет упоминаний о политике: в частности о том, намеренно ли Сталин остановил фронт на Висле после начала восстания». *(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 27 авг.)*

» **«Московская прокуратура хочет объявить незаконным неосталинское движение Юрия Мухина (...) «Мухин — типичный неосталинист (...) С одной стороны, я очень рад, что его деятельность наконец осуждена, но с другой — меня беспокоит, что это делается административными методами, что противоречит принципу свободы слова», — говорит проф. Ежи Помяновский, главный редактор «Новой Польши» и член польско-российской Группы по трудным вопросам».** ***(«Газета выборча», 23 авг.)***

» «Проф. Ричард Пайпс стал почетным доктором Варшавского университета. Он одним из первых разглядел в советской системе тоталитарные черты. Но никогда — ни как историк, ни как политик — он не допустил ни малейшего проявления русофобии. Так говорила вчера о Пайпсе проф. Виктория Сливовская из Польской Академии наук (...) Проф. Пайпс родился в 1923 г. в Тешине в ассимилированной польско-еврейской семье. Молодость провел в Варшаве. «Проходя мимо зданий университета на Краковском предместье, я представлял себя студентом этого вуза», — говорил по-польски проф. Пайпс. В США он уехал с



семьей в 1939 году (...) Написал монументальную трилогию: «Россия при старом режиме», «Русская революция» и «Россия при большевистском режиме» (...) Был личным советником президента Рональда Рейгана по внешней политике». *(«Газета выборча», 1 июля)*

» **«Мне кажется, что нынешнее качественное улучшение российско-польских отношений свидетельствует о возвращении в исторически обусловленную плоскость, в русло общих тенденций развития Европы и мира», — сказал министр иностранных дел России Сергей Лавров в день своего прибытия в Польшу.** ***(«Газета выборча», 1 сент.)***

» «В марте 2009 г. в Варшаве побывал Лев Пономарев, один из создателей Общества «Мемориал», помощник Андрея Сахарова, основатель организации «За права человека», член федерального политсовета российского движения «Солидарность». Я спросила его тогда, каким образом ему удается что-то делать, несмотря на травлю его организации. Он ответил: «Нормально» (...) Сразу же после возвращения в Москву его так избили, что он несколько недель пролежал в больнице», — Кристина Курчаб-Редлих, автор книг о современной России и документальных фильмов о Чечне. *(«Жечпосполита», 2 сент.)*

» **«Министр Сергей Лавров приехал в Польшу на ежегодное совещание польских послов. Год назад с аналогичным визитом в Польшу прибыл министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер (...) «Мы будем стремиться к демилитаризации отношений с Россией в пользу их экономизации», — заявил министр Радослав Сикорский (...) Сергей Лавров благодарил Польшу за поддержку российских усилий по отмене виз ЕС для граждан РФ. Он сообщил также, что Сикорский обещал поддержать в Евросоюзе российский проект соглашения об отмене виз. Опытным полигоном должен стать (...) договор о малом приграничном движении с Калининградом (..) Лавров подтвердил, что готовится визит в Польшу президента Дмитрия Медведева (...) Относительно Катыни Лавров сказал: «При всех нюансах и различиях основные цели в этом вопросе у России и Польши совпадают, обе стороны хотят правды»».** ***(«Газета выборча», 3 сент.)***

» «В польской восточной политике наметились фундаментальные изменения. По собственному выбору, а также под влиянием событий мы делаем ставку на Москву и ее ведущую роль в организации постсоветского пространства. Вслед за крупнейшими государствами ЕС мы хотим видеть в ней стратегического партнера, который, не имея другого выхода, будет модернизироваться по европейскому образцу (...) Субъектом польской восточной политики осталась лишь Россия и ее концепции выстраивания отношений на постсоветском пространстве (...) Главная цель Москвы — отказ Польши от роли самостоятельного субъекта на постсоветском пространстве (...) Во имя реализма польское правительство близко к тому, чтобы учесть это требование. От этого прагматизма в польской политике повеяло холодом, который многих может привести в оцепенение». *(Мирослав Чех, «Газета выборча», 4-5 сент.)*

» **Из интервью с президентом Бронславом Коморовским: «Украина была, есть и будет пространством, где наши интересы и мнения не совпадают с российскими (...) Но при всех этих различиях в польско-российских отношениях необходимо искать точки соприкосновения. А вот попытка заботиться вместо украинцев об их национальных интересах перед лицом России кажется мне трудноосуществимой (...) Мы не должны отказываться от своих целей, но не должны и заменять украинцев в формировании их отношений с Россией (...) Во взаимоотношениях с Россией я был и остаюсь сторонником политики долгого пути (...) Этот процесс уже начался (...) Россия приняла к сведению, что Польша — член ЕС, и поняла, что (...) мы оказываем существенное влияние на европейско-российские отношения (...) Подтверждая наше влияние на европейскую политику, мы должны выступать с положительными для России инициативами (...) Мы упускаем из виду троекратный рост товарооборота между Польшей и Россией (...) Важным событием была встреча премьер-министров Путина и Туска в Катыни (...) Следует учесть и награду Анджею Вайде. В настоящее время 40% российского общества знает, что Катынское преступление — дело рук НКВД (...) Мы должны вместе позаботиться о том, чтобы не исчезла та особая атмосфера, которая создалась после смоленской катастрофы, когда мы явственно ощущали сочувствие и понимание польской трагедии со стороны как властей, так и российского общества».** ***(«Жечпосполита», 19 авг.)***

» «Однако, несмотря на положительные сигналы, дела обстоят не лучшим образом. «Газпром» не дает нам скидок, предоставляемых другим европейским странам. Не спешит он и заключать с нами спотовые контракты на поставки газа, хотя практикует это с другими партнерами из ЕС. Кроме того, он требует сохранить монополию на транспортировку сырья на Запад и считает, что законодательство ЕС не распространяется на газопровод Ямал—Европа, так как он был построен до принятия либеральных законов. В торговле между нами лежит пропасть в виде импорта, в четыре раза превышающего экспорт. Пока Россия не ратифицирует договоры о взаимной защите инвестиций, не вступит во Всемирную торговую организацию и не начнет вести конструктивную таможенную политику, на перелом трудно рассчитывать», — Павел Свебода, директор исследовательского Центра европейской стратегии «Демос-Европа». *(«Газета выборча», 11-12 сент.)*

» **«Всемирный конгресс украинцев на этот раз хвалит Польшу и хочет, чтобы киевские власти установили с нами более тесное сотрудничество. «Роль Польши как адвоката Украины в ее европейских устремлениях очень важна», — так Дмитрий Павлычко, бывший посол Украины в Польше, убеждал вчера делегатов Всемирного конгресса украинцев в Перемышле. Конгресс, объединяющий несколько десятков украинских организаций со всего мира, впервые проходил в Польше». *(«Жечпосполита», 24 авг.)***

» Новым главой правления института «Yalta European Strategy», поддерживающего европейскую интеграцию Украины, стал Александр Квасневский (...) По мнению политологов, он должен помочь в создании положительного образа Украины на Западе. *(«Пшеглёнд православный», июль)*

» **«Пшеглёнд православный» отмечает свое 25-летие. На сегодняшний день у него самый большой тираж из всех выходящих в Польше журналов меньшинств. «Через православие он объединяет белорусов, лемков, русских, украинцев, поляков, а также довольно многочисленных в Польше греков и македонцев», — пишет Петро Мурьянка-Трохановский. *(«Пшеглёнд православный», июнь)***

» «Белорусы в Подлясье — быстрее всего полонизирующееся меньшинство. Число прихожан в подлясских церквях стремительно уменьшается (...) Белорусский язык учат 3300 учеников в 36 школах», — говорит вице-президент Белостока Ян Зентюк. *(«Пшеглёнд православный», июнь)*

» **«Белорусский офицер польской национальности Ян Печинский дал Богу обет восстановить замок Радзивиллов (...) в поселке Любча на берегу Немана (...) Студенты Архитектурного факультета Белорусского национального технического университета (...) как и он сам, работают бесплатно (...) Архитекторы и ученые бесплатно разработали проект реставрации, одобренный министерством культуры Белоруссии (...) Печинский не скрывает своей обиды на семью Радзивиллов, которая (...) до сих пор не обратила внимания на беспрецедентное в Белоруссии достижение, каким стала общественная инициатива под названием «Любчанский замок»». *(Анджей Писальник, «Жечпосполита», 15 июня)***

» «Детектористы — это владельцы детекторов металла (...) В Польше их несколько десятков тысяч (...) В каждый погожий день они, словно саперы, терпеливо обследуют все доступные закоулки (...) Они выкапывают и присваивают тысячи более или менее ценных, а также не имеющих никакой ценности предметов, потерянных или закопанных нашими близкими и далекими предками (...) Они перекапывают всё: доисторические могильники и заброшенные довоенные кладбища, древние городища и недавно покинутые дома, поля, луга, леса и болота (...) У кладоискателей есть свои журналы, организации, сайты (...) Огромное их большинство действует противозаконно (...) Разграбление национального наследия идет вовсю», — проф. Пшемыслав Урбанчик, член Комитета пра- и протоисторических наук ПАН. *(«Газета выборча», 29 июня)*

» **«Неформальное движение Urban Guerilla Gardening, т.е. Городское партизанское садоводство, возникло в Соединенных Штатах (...) С недавнего времени оно действует и в Варшаве. В акциях участвуют как студенты, так и пожилые люди с садоводческим опытом. Вместе они сажают декоративные растения и овощи на улицах и в скверах, разбивают клумбы в новых микрорайонах и благоустраивают парки, не дожидаясь разрешения властей». *(Роман Павловский, «Газета выборча», 21 июля)***

» «В настоящее время Беловежский национальный парк занимает лишь одну шестую часть польской пущи. В последний раз его территорию

удалось расширить 15 лет назад. С тех пор (...) все попытки очередных министров охраны окружающей среды заканчивались поражением (...) В ст.10-2 действующего в Польше закона об охране природы говорится, что для создания нового национального парка или расширения старого необходимо согласие органов местного самоуправления всех уровней на территориях, которые должны войти в состав парка (...) До 1989 г. было создано 22 национальных парка, а в Третьей Речи Посполитой — только один», — Анджей Крашевский, министр охраны окружающей среды. *(«Жечпосполита», 1 сент.)*

» **«Трехдневный протест активистов «Гринписа» на крыше министерства охраны окружающей среды дал результат: министр Анджей Крашевский (...) обещал приостановить вырубку деревьев [в Беловежской пуще] до конца сезона гнездования».** ***(«Тыгодник повшехный», 22 авг.)***

» «Закон о защите животных не работает. Следователи прекращают дела об издевательстве над бездомными четвероногими (...) В приютах, содержащихся за счет государства, пропадают без вести тысячи собак. Однако прокурорам редко удается выяснить, что с ними случилось (...) В 2009 г. полиция зафиксировала 1386 случаев издевательства над животными (...) Ежегодно собачники отлавливают в польских гминах 100 тыс. бездомных собак. В Польше зарегистрировано 140 приютов для животных (...) В декабре 2009 г. депутаты из парламентской группы друзей животных призвали министра юстиции проверить, почему наказания за несоблюдение закона о защите животных занижаются или вообще не выносятся». *(Анна Монкос, «Дзенник — Газета правна», 30 июня)*

» **«Жители Лодзи заметили ее на кладбище два года назад — у могилы хозяина. Недоверчивая к людям маленькая черная собачка не позволяла к себе подойти. Лишь несколько дней назад ее удалось поймать женщине, которая пыталась завоевать ее доверие уже много месяцев (...) Некоторые люди приносили ей еду и воду, но были и такие, которые бросали в нее камни (...) Ветеринары назвали собачку Субботой, потому что в субботу она была наконец поймана (...) Суббота — маленькая дворняжка с большими добрыми глазами. У нее белая мордочка и черная шерсть (...) Ее лечение финансирует Фонд «Нежеланные и забытые». Желающие взять Субботу к себе могут обращаться в фонд».** ***(Иоанна Барчиковская, «Польска», 19 авг.)***

» Пан Вальдемар, 57 лет, бизнесмен из Бытова, на заграничные сафари ездит уже полтора десятка лет: «Это было убийство ради убийства, неприятная штука, — ведь от этой слонихи я ничего не мог взять. У меня не было разрешения (...) Я подстрелил прекрасного слона, 6 тонн живого веса (...) Можно стрелять в мозг, но тогда должна быть очень хорошая видимость: голова у слона больше стола, а вот мозг маленький (...) Зато сердце у слона такое большое, что нет риска промахнуться (...) Он издал невероятно громкий крик. Похоже кричит раненый в сердце буйвол, но слон еще громче (...) Я взял только клыки (превосходные), уши, хобот, ноги, хвост и половину шкуры (...) Я видел очень красивые высокие стулья из слоновьих ног». *(«Газета выборча», 31 авг.)*

» **«Если страдание, боль и страх — зло для нас, то они такое же зло для кита, крысы, свиньи, гориллы (...) Мы причиняем другим боль, когда отключаем сострадание. Не было бы геноцида в Руанде или резни в бывшей Югославии, если бы люди не отключали сострадание к другим, если бы их не обесчеловечивали (...) У нас нет уполномоченного по «правам» животных (...) Еще несколько лет назад никто не обращал внимания на то, охотится Влодзимеж Цимошевич или нет. Сегодня это уже имеет значение (...) Перед первым туром [президентских] выборов «Газета выборча» разослала в избирательные штабы кандидатов вопросы, касающиеся отношения к действиям в пользу животных (...) Часть ответила, часть — нет, но только ПСЛ дало понять, что вообще не намерено отвечать. В распоряжении крестьян высокие технологии, европейские дотации и власть в органах местного самоуправления (...) В результате истребление природы в свободной Польше идет быстрее, чем во времена ПНР», — Анджей Эльжановский, профессор Института зоологии ПАН, член Комитета эволюционной и теоретической биологии ПАН.** ***(«Жечпосполита», 10-11 июля)***

Михал Флорысяк

9 мая 1945 — 9maja.pl.

Память и примирение

Воскресенье. 8 августа. Прошло пять месяцев после годовщины окончания II Мировой войны. Варшавское кладбище-мавзолей советских солдат по улице Жвирки и Вигуры. Прекрасный солнечный день. Самое время для прогулки. Я прохожу между могилами, зажженные в мае лампады давно выгорели. Кое-где рядом с номером и поблекшей красной звездой на надгробном памятнике виднеется фамилия, воинское звание, иногда даже фотография.

Я совсем один на открытом пространстве в компании 21-метрового обелиска, стройного и остроконечного. Из-за деревьев доносятся радостные восклицания прохаживающейся воскресной публики. Молиться я не умею. Поэтому лишь вытаскиваю очередную сигарету и еще сильнее сутулюсь.

Потом сажусь на автобус, идущий к центру. Свободных мест немного. Устраиваюсь напротив парня с тяжелым взглядом и стрижеными «ежиком» волосами. Пожалуй, это один из тех, кого не хотелось бы встретить после наступления сумерек.

Звонит телефон. Парень вытаскивает его из кармана. Голос у него приятный, звонкий. Говорит по-русски.

Я отрываю взгляд от пола и смотрю прямо на него. Улыбаюсь.

*

Тот выходной день на варшавском кладбище советских солдат, видимо, не отличался от любого другого. Да и атмосфера на кладбище в Варшаве не разнилась от той, которая царит в каждом из примерно 700 мест, где увековечена память о гражданах СССР, погибших во время II Мировой войны на территории Польши. Вот уже 20 лет как отступлением от нормы стал скорее интерес к этим местам, чем его отсутствие. На протяжении последних пяти лет во всей стране не зафиксировано ни единого случая вандализма. Там, где металлические детали могил годились на продажу, уже раньше нашлись желающие вынести их с кладбищ. Эти декоративные элементы заменили другими, не представляющими ценности для «знатоков» кладбищенского искусства. В Цыбинке Любушского воеводства часть латунных звезд уступила место пластмассовым. Где возможно, доступ к могилам охраняют ворота с висячими железными замками.

Некоторые кладбища, в частности, хотя бы только что упомянутый некрополь в Цыбинке, закладывались еще фронтовыми частями Красной армии. Большинство возникло, однако, лишь в 1948-1954 гг., когда производилось перезахоронение тел около 400 тыс. советских воинов. Очередные могилы обустраивались в 1957-1958 гг. Сегодня говорится о 600 тыс. красноармейцев, павших на территории Польши. Это число возрастет в два раза, если вспомнить российских воинов, погибших в боях на территории Польши во время I Мировой войны, и красноармейцев, погибших на войне 1920 года.

Отметим, что солдаты, похороненные на этих кладбищах, — это не только жертвы непосредственных боевых столкновений, но еще и умершие военнопленные, равно как и те, кто погиб при попытках бегства из лагерей для пленных. Часть из них нашла место упокоения на участках, выделенных на уже существовавших тогда коммунальных и конфессиональных кладбищах. В нескольких десятках мест сообща погребены солдаты советских вооруженных сил и других армий — прежде всего Войска Польского.

Преобладающее большинство советских солдат, погибших на территории Польши в ходе II Мировой войны, — это жертвы боев с германской армией в 1944-1945 гг. Больше всего их могил находится в восточной части страны, в Люблинском и Подлясском воеводствах, — в эти районы Красная Армия вступила около 20 июля 1944 года. Последние из павших в Польше — это военнослужащие, которые участвовали с середины апреля 1945 г. в боях весеннего наступления на Одере и Нейсе.

В Браневе Поморского воеводства на площади 6 гектаров похоронено наибольшее число советских воинов — 31 365. Рядом с 750 братскими могилами там находится всего лишь 20 индивидуальных. А наибольшую площадь — в общей сложности свыше 19 гектаров — занимает варшавское кладбище-мемориал на улице Жвирки и Вигуры. Здесь похоронено 21 668 военнослужащих. Из них в индивидуальных могилах покоится лишь 294 человека — иными словами, и тут число опознанных остается тревожно низким. Такая пропорция — печальная норма для всех подобных кладбищ.

В ПНР забота о безымянных могилах была обязанностью. В качестве «братского» государства Польше полагалось демонстрировать надлежащую заботу о местах захоронения освободителей. Эпоха ПНР как раз и есть тот период, когда построили все кладбища, а на них — памятники, увековечившие погибших солдат. Памятники, которые сегодня коробят своей холодностью. Соцреалистический монументализм не вызывает теплых чувств. И таковых явно не хватало на кладбищах. Посещение подобных мест, работы по поддержанию порядка были бездушным ритуалом, не вытекавшим из нравственного порыва, из глубины сердца. А потому они нередко вызывали сопротивление.

Многие из поляков, относясь к умершим с уважением, не могли при этом избавиться от болезненных воспоминаний о солдатах, которые должны были нести освобождение от немецкой оккупации, а прокладывали путь режиму принуждения. Быть может, один-единственный раз, в период подъема, связанного с «Солидарностью», когда бунт против коммунистической системы начал выражаться настолько открыто, как никогда до сих пор, люди вспомнили, что ненависть, направленная на умерших, — это абсурд. Осенью 1981 г. в Перемышле кто-то облил памятник советским солдатам красной краской. И тогда не кто иной, как Лех Валенса, с засученными рукавами смывал краску, показывая, что борьба с системой ведется отнюдь не на этом фронте.

Когда с 1989 г. мы начали в полной мере вкушать свободу, кладбищами советских солдат перестали интересоваться. Однако они сами напоминали о себе, вписанные в архитектуру многих городов (часто их строили в центральных пунктах), но ни на ком уже не лежала обязанность проявлять забо-

ту об умерших «русских братьях». Собственно говоря, проявлять безразличие не могли одни лишь работники коммунальных учреждений, которым поручалось по случаю каких-то дат или событий наводить порядок, подстригать траву и т.д. В масштабах страны память о кладбищах ежегодно сводилась к сумме около нескольких миллионов злотых, которые уже в «новой» Польше расходовались в рамках соглашения с Российской Федерацией от 22 февраля 1994 года.

Несколько лампадок, букет цветов — так вспоминали о существовании некрополей официальные лица и чиновники отдельных городов. Традиционно свечи там горели 1 ноября, в День поминовения, а иногда и 9 мая. В Кракове на Раковицком кладбище — еще и 18 января, в Бельско-Бялой — 11 февраля, то есть в годовщины освобождения этих городов от немецкой оккупации.

Места, где на протяжении этих 20 лет искреннюю заинтересованность судьбой советских солдат проявляли обыкновенные люди, можно посчитать на пальцах одной руки. В Щецине группа энтузиастов создала сайт www.pomorze1945.com (Поморье1945), чтобы помочь в опознании как можно большего числа эксгумируемых останков. В Хелмже Роман Пипковский, учитель истории неполной средней школы, дает своим ученикам уроки на могилах красноармейцев. В силезских Богушицах, где Красная армия устроила массовую бойню тамошнего населения (скорее всего, приняв силезцев за немцев), уже 15 лет священник местного прихода проводит крестный ход, который начинает на «русском кладбище». За крестом движутся многие из родственников людей, перебитых в 1945-м. «Кто прощает, избавляется от бремени обид», — утверждает ксендз.

«Газета выборча» знакомит с теми, кто помнит и вместе с тем простил:

Гертруда («Во мне уже нет гнева») — за мать, пятерых братьев и сестер, которых в сарае продырявила очередь из пулемета. И за отца, днем раньше застреленного во дворе.

Кароль Матушек («Потому что у христианина нет другого выхода») простил за родителей и трех сестер, но в первую очередь — за трехлетнюю Герду: ее смерть спасла жизнь ему. Она сидела у него на коленях, когда красноармейцы выломали дверь в погреб, где пряталась их семья. Стреляли вслепую. Пуля, которая убила девочку, Кароля только ранила.

*

Спустя неполный месяц после катастрофы президентского Ту-154 группа частных лиц опубликовала в интернете призыв к соотечественникам:

«После смоленской катастрофы 10 апреля 2010 года русский народ искренним и подкупающим способом выражает свою солидарность с польским народом. Проявляемое русскими сочувствие, их желание оказывать помощь, а также готовность вести дискуссию о трагических событиях нашей совместной истории дают надежду на новую открытость в двусторонних отношениях.

В знак признания этой солидарности зажжем 9 мая лампадки на кладбищах советских солдат, на могилах русских людей и представителей других национальностей, которые тоже погибли вдали от дома, вдали от близких. Мы не хотим релятивизировать историю. Мы лишь призываем, чтобы во имя памяти обо всех, кто трагически погиб, родилось примирение между Польшей и Россией».

Тогда же митрополит Люблинский, архиепископ Юзеф Жицинский обратился к своим верующим со сходной инициативой.

Когда под письмом в поддержку акции «9 мая. Память и примирение» первым поставил подпись Анджей Вайда, события стали набирать темп. Призыв поддержали самые разные личности, известные в публичной жизни Польши, в том числе Даниэль Ольбрыхский, о. Адам Бонецкий, Мария Янион, Агнешка Холланд и другие. Медиальным покровителем инициативы стала «Газета выборча», а какую-то информацию об акции, пусть и короткую, поместило каждое СМИ в Польше, желающее, чтобы с ним считались. И, о чудо, политики независимо от партийной принадлежности и мировоззрения тоже восторженно (в меньшей или большей степени) восприняли эту идею. По прошествии 20 лет вопрос о кладбищах советских солдат, погибших во II Мировой войне, был вырван из небытия и стал общенациональным делом.

Даже если это звучит патетически, то именно так оно и должно звучать. Ведь речь же идет о примирении между народами. И факт, что мысль об этом возникла над могилами, тоже не должен удивлять, особенно поляков. Путь к польско-немецкому примирению вел через такого же рода символические жесты, среди которых, быть может, наиболее памятно то, как в 1970 г. Вилли Брандт поклонился героям варшавского гетто перед их памятником. Над могилами защитников Львова новую главу польско-украинских отношений открывали Александр Квасневский и Виктор Ющенко. Путь к примирению с Россией точно таков же. Достаточно вспомнить катынские могилы: они не только памятник истории, но еще и одно из дел, которым неустанно занимаются обе стороны.

*

Раз уж 20 лет кладбища красноармейцев в Польше не вызывали хоть сколько-то заметного интереса, следовало бы ожидать, что призыв зажечь свечки на советских могилах большинство поляков воспримет довольно спокойно, чтобы не сказать — с безразличием. Оказалось, однако, что здесь хватало эмоций, — было достаточно всего лишь маленького импульса, чтобы их активизировать. Причем в дебатах вокруг инициативы «9maja.pl» проявились не только позитивные чувства, но и негативные тоже, и куда более демонстративно.

Не должно вызывать удивления, что эта проблема становится дополнительным стимулом к многочисленным разногласиям. Ибо по сей день в Польше идут дебаты о том, кем на самом деле были для нас в 1945 году солдаты Красной Армии. Вопрос, который поставил «Тыгодник повшехный» в историческом приложении по случаю 65-й годовщины окончания II Мировой войны, пожалуй, лучше всего формулирует эту проблему: «Освобождение или новая оккупация?» Историки доказывают, что масштаб преступлений против поляков, совершенных Советским Союзом, соотносится с преступлениями нацизма, как 1:5. Однако можно ли вообще оценивать страдания по числовой шкале? Важны и чувства самих советских солдат к полякам, вытекающие не только из того факта, что они сражались на одной и той же стороне — против фашизма. Как русские, так и поляки в равной степени представлялись немцам недочеловеками. В коммунистической идеологии столь ясно выраженного презрения не существовало — более того, было бы трудно добиться его наличия среди красноармейцев, когда в армию брали и многих поляков. Тем не менее легко противопоставить этому доводу индивидуальные переживания тех, кто пострадал от красноармей-

цев. Легко также опознать преступления НКВД, совершённые после того, как прошла солдатская волна, которая для Сталина была только пушечным мясом. Перед лицом индивидуальной боли никакой довод не выглядит достаточным, тем не менее боль отдельного человека не может отягощать национальную память. В этом месте следует высказать банальное утверждение, что война — это ад, который не щадит никого, а больше всего — тех, кто невольно оказался в ее водовороте, и неважно, по какую сторону.

Эта насквозь христианская точка зрения позволила многим полякам зажечь лампадки у могил простых солдат, но в то же время не обязывала их ни к какой релятивизации истории.

9 мая. Краков. Михал Филек с пятилетним сыном около могилы, обозначенной красной звездой: «Мы объясняем сынишке, что памятник поставлен очень храбрым солдатам, которые давным-давно сражались с немцами. Через несколько лет мы расскажем ему, чем был коммунизм. Чтобы он умел отличать добро от зла».

9 мая. Ченстохова. Пан Збигнев, 85 лет: «Война — это жестокая машина. Тем молодым парням, которые здесь лежат, полагается свет».

Список разногласий с каждой минутой увеличивался. Не умолкали обвинения в политической подоплеке акции. «Речь здесь идет не о простых солдатах», — писал журналист «Политического богословия» Матеуш Матышкович, трезво отмечая, что «ни индивидуальная сердечность, ни разовые жесты не влияют на отношения между нашими государствами». Пытаясь блеснуть в противостоянии людям, поддерживающим акцию «9maja.pl», он не заметил, однако, что даже среди наибольших ее энтузиастов тщетно было бы искать таких наивных, что верят, будто зажженная свечка приведет к немедленной перемене в польско-российских отношениях.

Нельзя отказать в правоте и тем, для кого этот жест оказался слишком трудной задачей («Кому я должен зажигать свечку??? Тем, кто летом 1944-го вывез моего деда за Урал?» — эмоционально комментирует «удивленный житель» Люблина). Как справедливо заметил в интервью «Газете выборчей» о. Миколай Хайдученя, священник торунского православного прихода: «Открыть сердце другому человеку — это большое дело». Иногда травма, вызванная трагическими воспоминаниями, может, однако, оказаться непреодолимой. Проблема в том, что редкими были голоса тех, кому приходится с нею бороться. Зато охотно высказывались люди, которые по возрасту могли ощущать ее в лучшем случае косвенно. Они, пожалуй, бессознательно умаляли весомость собственных аргументов, облекая свои слова в сарказм, пренебрежение или попросту в презрение. Лукаш Важеха, журналист крупнейшего польского таблоида, написал у себя в блоге о серьезном риске, который мог быть связан с посещением кладбища советских солдат 9 мая. И проделал тут грубое (таблоидное?) упрощение действительности:

«Эти обыкновенные ребята пили, насиловали и грабили. Зажигая лампадку на могиле любого из них, я рисковал бы тем, что воздаю почести какому-нибудь калмыцкому насильнику, а на подобный риск мне идти не хочется».

Не больше чувства и чутья обнаруживали те, кто саркастически призывал зажигать лампады и на могилах «простых парней» из СС. Особенно трудно было проглотить слова Артура Базака, журналиста «Политического богословия», который критике данной акции предпослал информацию о том, что готовил ее, заодно читая мистический дневник святой Фаустины Ковальской. Разные оттенки есть у христианского подхода:

«Зажжем 1 сентября огонек храбрым парням из СС! А 1 августа — мужественным ребятам Оскара Дирленвангера, которые, невзирая на опасности, очистили изрядный кусок Варшавы во имя права своего народа на господство. (...)

И пусть этот жест переродится в круглогодичную, систематическую и всеобщую общественную акцию. Будем современными! Не каждый же в состоянии лично отправиться на кладбища «обычных парней». Поэтому предложим всем людям доброй воли виртуальный огонек на интернет-порталах. А на уроках истории станем побуждать нашу любимую молодежь, чтобы она вспоминала всякие истории из жизни «обычных парней»».

Могло бы показаться, что есть возможность покрыть такие голоса гробовым молчанием, обойти их, но они отнюдь не были голосами единичными и мало значащими. Такие точки зрения выражают пласт еще более низких эмоций, иными словами, исходят от тех, кто склоняет людей называть подписавших письмо в поддержку акции «9maja.pl», «изменниками и преступниками».

«Неужто Вайда и Ольбрыхский совсем оподлились или это у них всего лишь старческое слабоумие? Мне кажется, тут перевесили иудины сребреники!» — пишет «krysia».

«Есть, однако, в этой акции и кое-что положительное! Мы все УВИДИМ, КТО СОСТОИТ В СЕКСОТАХ!» — радуется «kony4».

И этого еще мало. Эмоции тут настолько сильны, что перехлестывают за рамки интернета в так называемый реал. «В Олеснице на одну из фигур памятника, увековечивающего память о [советских] солдатах, кто-то надел мусорную урну и написал: «За Качинского, смерть русским!»», — сообщает «Жечпосполита». Так, вероятно, выражается мнение лиц, убежденных в том, что Леха Качинского убили русские.

В Люблине появились букеты цветов, перевязанные широкими лентами с надписями: «Неизвестным насильникам — польское общество» и «Владельцам часов наших дедов». А в Гданьске в том момент, когда другие зажигали свечки на могилах, группка лиц развернула транспарант с надписью: «Не зажигайте лампад на могилах оккупантов». Здесь эмоции передались и тем, кто хотел почтить солдат. Дело дошло до словесных перепалок и стычек. Вмешательство полиции выглядело на кладбище необыкновенно гротескным, но и печальным.

*

Вечером 9 мая во всех информационных программах можно было увидеть репортажи с кладбищ советских солдат, разбросанных по всей Польше. В Варшаве на улице Жвирки и Вигуры уже к полудню не было могилы, возле которой не горела бы лампадка. Не пропустили ни единого кладбища, памятника или даже одиночной могилы, как, скажем, той, что в глубине Буковой пущи, к которой в тот день продирались харцеры.

Неделю спустя в «Тыгоднике повшехном» Войцех Пентак написал:

«Не будет польско-российского примирения, если связанные с Россией польско-польские споры будут выглядеть так же, как дискуссия вокруг призыва к полякам посещать 9 мая российские кладбища. Хотя обе стороны этого спора располагали аргументами, обе они сделали многое для того, чтобы врезать противникам «моральной дубиной»».

Если свести всю совокупность размышлений по поводу лампадок на кладбищах к конфликту между «агентами российского империализма» (теми, которые зажгли свечи) и «генетическими русофобами» (теми, кто на кладбищах не появлялся, молча или вслух протестовал против акции), то вышеприведенное замечание окажется всецело справедливым. Более того, оно нашло подтверждение в событиях, которые произошли в последующие недели: в процессе президентских выборов («Газета польска» писала фамилию Бронислава Коморовского кириллицей, намекая на его подчиненность московской политике) или же во время войны за крест, поставленный перед президентским дворцом в память о смоленской катастрофе (его защитники охотно говорят о российском преступлении, которым руководил воспитанник КГБ Владимир Путин). Атмосфера для примирения и размышлений над трудными вопросами — в самый раз.

8 августа, когда я проходил между могилами на варшавском кладбище советских солдат, всё оставалось на своем месте. Революция в польско-российских отношениях не наступила. Противоречивые интересы, различия в понимании и практической интерпретации демократического устройства остались. Польское правительство не выделило с ходу дополнительных миллионов на уход за кладбищами красноармейцев (впрочем, не хватало ведь вовсе не денег). Историю не написали заново.

Что же в таком случае подверглось изменению? Ответ даст каждый из нас, от себя. Завтра. Может, немного позже. А те, кто уже лежат в земле, проявят терпение, на которое не способен никто другой.

Для получения более подробной информации о кладбищах и самой акции есть смысл обратиться в Интернет: www.9maja.pl/rus/, www.9maja.pl/files/cmentarze_zol_radzieckich.pdf, www.radaopwim.gov.pl/article_details/57/wydzialy-grobownictwa-wojennego-urzedow-wojewodzkich/

Автор — студент отделения социологии Института прикладных общественных наук Варшавского университета.

Игорь Мельников

КАТЫНЬ. СЛОВО ЗА БЕЛАРУСЬЮ

В конце июня этого года исполнилось 69 лет трагическим событиям, связанным с массовыми расстрелами заключенных советских тюрем в 1941-м году. Среди сотен тысяч безвинно расстрелянных тогда людей были представители многих национальностей. Бесспорно, значительный процент их составляли бывшие граждане Второй Речи Посполитой, так называемые «западники», которые по большевицкому определению механически зачислялись в категорию врагов советской власти. Читая воспоминания полковника литовской армии Йозаса Тумаса «Дорога на Червень», книгу Юзефа Мацкевича «Катынь» или исследования польского историка Иоанны Станкевич-Янущак «Марш смерти. Эвакуация заключенных из Минска в Червень 24-27 июня 1941 г.», невольно приходишь в неописуемый ужас от осознания того, как бесчеловечно и жестоко уничтожали людей. Да еще в таких огромных количествах? Человеческая жизнь не стоила и ломанного гроша. Для нас, выросших в тепле и достатке, слава Богу, не знающих войн описанные в данных книгах ужасы звучат как-то неестественно. Мы цинично воспринимаем эти сотни трупов поляков, белорусов, евреев, русских, украинцев как некую отстраненную статистику. Словно коробок спичек сожгли, а пепел растоптали по земле. А ведь это был страшный, беспощадный конвейер смерти. Вот лишь небольшая выдержка из книги Юзефа Мацкевича, которая иллюстрирует тот ужас, который пришлось пережить людям, ставшим заложниками бесчеловечной сталинской системы: «Когда после бегства большевиков открыли тюрьму в Вилейке, глазам местных жителей представилась страшная картина убитых энкаведистами заключенных. В одной камере висел на колючей проволоке труп человека, повешенного за челюсти; в другой — несколько голых мужчин и женщин без ушей, с выколотыми глазами. В саду по соседству с тюрьмой привлекла внимание свежевзрыхленная земля. Ее раскопали и нашли сотни человеческих трупов. Это были жертвы массового истребления людей органами НКВД».

Книга, из которой взята эта цитата, не какая-то антикоммунистическая пропагандистская агитка. Она написана человеком, который сам прошел через ужасы бесчеловечной сталинской системы и писал только то, что видел собственными глазами. Символом этой общей для белорусов, поляков, украинцев и русских трагедии стало мало приметное местечко в Смоленской области — Катынь. На прошедшем недавно в Москве научном семинаре «Польша и Россия: в поисках взаимопонимания», организованном представительством Польской Академии Наук в Москве и посольством Польши в Российской Федерации, катынская тематика была одной из главных. И это не случайно, ведь на мероприятии собрались ведущие российские ученые-полонисты, влиятельные общественные персоны современной России, а также представители научного и политического мира Польши.

Гости встречи были едины в мысли, что невозможно построить многогранное и эффективное сотрудничество сегодня, если не извлечь уроки из прошлого. Выступавший в рамках семинара главный редактор ведущего польского издания «Газеты выборчей» Адам Михник подчеркнул необходимость развития контактов между интеллектуальной элитой стран Восточной Европы. По его мнению, именно обмен мнениями между думающими людьми может способствовать нашему сближению.

По мнению участников данного семинара, важнейшее значение для улучшения взаимопонимания между странами региона имеет ликвидация «белых пятен» в совместной истории. Последние события, связанные с 70-й годовщиной катынских расстрелов, трагедия польского борта №1 под Смоленском, удивительным образом повлияли на сближение российского и польского общества и политических элит этих стран. Жесты доброй воли со стороны президента России, решившего передать ряд документов по катынскому делу полякам, с воодушевлением встречено в Варшаве.

А что же Беларусь? Мы пока молчим, а между тем у нашей страны, возможно, есть важнейший аргумент в разрешении многих противоречий по данному вопросу. Речь идет о «белорусском катынском списке», который, кстати, довольно часто вспоминали участники упомянутого выше научного семинара. По мнению историка Натальи Лебедевой этот документ должен содержать около 4 тыс. фамилий расстрелянных на территории БССР польских граждан.

В 1994 г. в Украине был обнаружен и передан польской стороне «украинский список». Он содержал фамилии тех польских граждан, которые были расстреляны НКВД в Харькове, Киеве, Херсоне и других украинских городах. Что же касается «белорусского списка», то его судьба до сих пор неизвестна. По мнению некоторых российских исследователей, его следы нужно искать в Архиве правопреемницы КГБ — ФСБ России. Всё та же Наталья Лебедева в одном из интервью «Газете выборчей» отметила, что список репрессированных польских граждан может находится в документах 15-й конвойной бригады войск НКВД. По ее мнению, согласно приказу от 22 марта 1940 г., подписанному Лаврентием Берией, весь «польский контингент» из тюрем в Бресте, Вилейке, Пинске и Барановичах (ок. 3000 человек) должен был в течение двух недель быть переведен в Минск. Перед этапированием составлялись подробные списки всех идущих по этапу. Этот документ должен был оказаться в Москве.

Впрочем, многие выступают в поддержку идеи о том, что «белорусский список» до сих пор хранится в архивах КГБ Беларуси. По мнению сотрудника польского научно-исторического центра «Карта» Анны Дзенкевич польским госучреждениям, Институту национальной памяти необходимо обратиться к белорусским властям с просьбой о помощи в поиске документов по «катынскому делу», находящихся в белорусских архивах. Вацлав Радзивинович, шеф-редактор московского бюро «Газеты выборчей» в беседе со мной также высказал уверенность, что «белорусский катынский список» находится в наших архивах. «Если белорусские власти проявили бы активность в поиске этого документа, это бы очень позитивно сказалось на внешнеполитическом имидже страны. Тем более сейчас, когда «катынская» тема настолько актуальна». По мнению историка и политолога Польской Академии наук Войцеха Матерского, «белорусский список» стал бы не только последним звеном в изучении истории катынской трагедии, но и сыграл бы важную роль для людей, чьи родственники были расстреляны в те страшные годы. Многие из ныне живущих людей даже не представляют, где покоится прах их близких.

Справедливости ради стоит отметить, что многие факты свидетельствуют о том, что «белорусский катынский список», если все же и хранился в Минске, мог быть уничтожен еще в июне 1941-го. Слишком уж быстро столица советской Беларуси стала прифронтовым городом, а потом и вовсе была оккупирована нацистами. Такие документы сотрудники НКВД обычно уничтожали в первую очередь. Впрочем, наверняка в архивах белорусского КГБ находятся другие документы, связанные с репрессиями против бывших польских граждан в конце 1930-х — начале 1940-х, и они, как резонно замечают польские исследователи, тоже могут пролить свет на многие, до сих пор мало изученные страницы «катынской трагедии». Современная Беларусь и ее народ не несут ответственность за преступление сталинского режима, нам нечего боятся этих пожелтевших бумаг. А жест доброй воли белорусских властей в виде передачи полякам документов, связанных с этой проблематикой, мог бы оказать солидный положительный импульс на улучшение белорусско-польских отношений. Мы ведь соседи, и у нас во многом общая история. Пора учиться уважать друг друга. В общем, слово за нами.

Марек Майле

МОЯ ЛЕГЕНДА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

(О Яцеке Березине)

Яцек Березин был поэтом и жил как поэт, интенсивно, хотя, как говорится, поэтом можно лишь *бывать*. Он будто бы знал, что его роман с судьбой продлится недолго. Погиб в Париже 26 мая 1993 г. в шесть часов утра, попав под машину. Ему было 46 лет.

В 1971 г. Яцек был осужден по делу группы «Рух». Выйдя на свободу, примкнул к демократической оппозиции и всегда старался быть там, где происходило что-то важное, о чем власти хотели бы умолчать или солгать. Принадлежал к числу активнейших сотрудников Комитета защиты рабочих. В 1977 г. Березин с друзьями основал «нерегулярный ежеквартальный» литературный журнал «Пульс» — издание слегка скандальное и полушутливое, что отличало его от более солидного «Записа». 13 декабря 1981 г. был интернирован. В сентябре 1982 г. впервые в жизни получил загранпаспорт и выехал в Париж в качестве опекуна близкого ему человека, направлявшегося туда на лечение. Счел такую форму выезда за границу во время военного положения единственно возможной с моральной точки зрения.

Слишком уж монументальный образ складывается из фактов биографии Яцека Березина. Не будем слепо доверять фактам.

Яцек был прежде всего замечательным товарищем, обаятельным шалопаем, кочевником, охотно гостившем у приятелей, а особенно — у приятельниц.

Был неизлечимым соблазнителем, который бросался на колени перед женщинами и читал им стихи, свои и чужие. Любил женщин и был ими любим. Были у него романы и с дамами постарше его, и с молодыми. Однажды, в ходе очередной неудачной попытки завершения своих этнографических штудий в Лодзинском университете, Яцек заявил, что у него были романы с 63% его младших сотрудниц. Эту «бухгалтерию» он привел мне с очень серьезным видом.

Он умел всех на свете втянуть в свои сердечные дела. В то время, когда его родная Лодзь еще не имела прямой телефонной связи с Францией, он звонил моей жене и умолял, чтобы она позвонила одной даме в Париж и сообщила, что «Яцек умирает от любви».

Для мужчин у него имелся немного другой репертуар, хотя стихи он им тоже читал. Яцек был спортсменом. В молодости занимался бегом, боксом и плаваньем. Потом его пленили горы.

Яцека можно назвать соблазнителем *par exellence*. Ему было недостаточно затащить женщину в постель или в одной связке с товарищем покорить гору. Он хотел еще и привить им свои убеждения, чтобы в любой жизненной ситуации кто-нибудь был на его стороне. Дружа с Яцеком, можно было набить себе шишек.

Потом он бросал свои «трофеи», но всегда оставался лояльным по отношению к ним. С теми, кого считал близкими товарищами, был очень терпимым. Остальные видели в нем радикала. Людей из «мира культуры» Березин был склонен упрекать в оппортунизме.

Был одним из столпов «новой волны», поколенческой формации, которая сумела сломить в польской поэзии тенденции, связанные с «малой стабилизацией» 1960-х. Поэты поколения 1968–1972 гг. приняли вызов своего времени. Поэтический язык они сделали инструментом описания действительности, который позволил поэзии в некотором смысле занять пустующее место независимой публицистики.

Поэзия становилась полем битвы с режимом. Встречи поэтов «новой волны» с общественностью напоминали революционные митинги. Стихи Рышарда Крыницкого, Адама Загаевского, Юлиана Корнхаузера, Станислава Баранчака, Яцека Березина и некоторых других поэтов изменили образ польской литературы и, самое главное, стали для их читателей школой противостояния окружающему злу и примером нонконформизма.

Только первую книгу Березина «Уроки лирики» удалось легально издать в Польше. Остальные книги, начиная со сборника «Вам», были выпущены парижским «Институтом литерацким» (издательством «Культуры») или выходили в самиздате.

Около двадцати лет назад он писал: «В чужом городе в номере гостиницы с двумя выходами — через дверь на лестницу и через балкон на мостовую все тревоги которыми жил и благодаря которым жил возвращались в течение той ночи в течение всех часов острых как бритва о которых нет сил рассказать».

Стихотворение называлось «В середине жизни». Тогда я счел это название поэтическим преувеличением. Не знал, что настанет такая минута, когда мне откроется его буквальность.

В 1982 г. Яцек Березин исчез из моего поля зрения. Через некоторое время он получил в Париже что-то вроде стипендии от Барбары Пясецкой-Джонсон. Тогда же побывал в Америке. В Нью-Йорке познакомился с американской кинозвездой Микки Рурком. Сходство характеров и, до некоторой степени, жизненного опыта очень тесно сблизило их. Всю ночь они выпивали в Центральном парке и расстались друзьями.

По возвращении во Францию Яцек постоянно испытывал финансовые затруднения. Звонил через океан женщине, в которую был влюблен, а потом не платил по счетам. Жил под Парижем. Через несколько лет поисков работы стал спасателем и инструктором по плаванью. Однако даже это не очень престижное место было для поэта-эмигранта достижением.

Приезжал в Польшу в 1989-м, но не захотел остаться.

— Я писатель, а не политик. Считаю, что писатель обязан всегда быть против власти. Даже если это была бы власть наших коллег, — сказал он в интервью еженедельнику «Политика». — У меня нет ментальности бойца. Моя легенда только начинается.

О политической жизни Польши говорил поверхностно и неохотно.

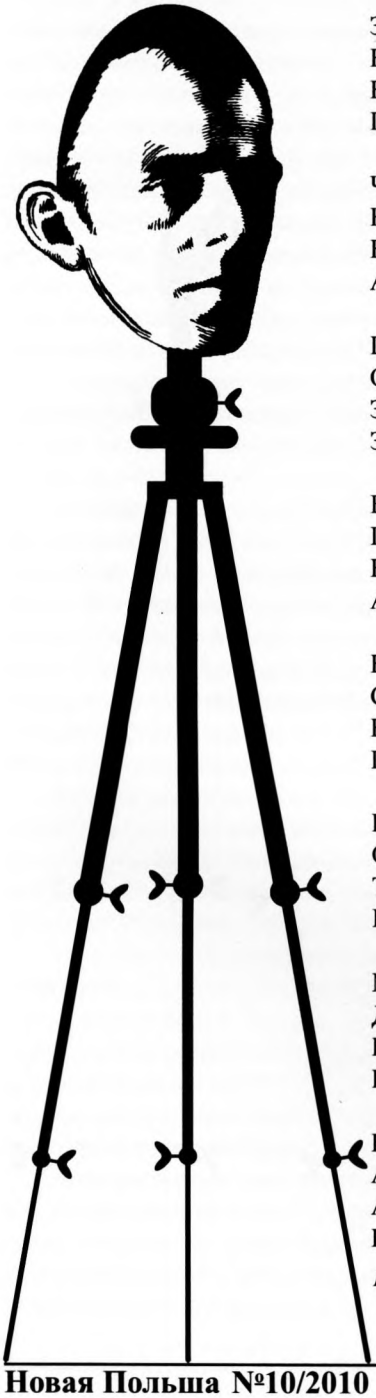
— Я знаю, что вернувшись, должен был бы в любом случае встать на сторону одних старых друзей против других старых друзей. И этот выбор меня совершенно не устраивает.

Беседу в «Политике» сопровождало стихотворение. Быть может, последнее. Я каждый раз читаю его как завещание.

Яцек Березин

Перевод Игоря Булатовского

СТИХОТВОРЕНИЯ



Мандельштам

Заговор темноты. В поезде давка.
Бледны дневные сны.
Всё исчезает. Морозный блеск,
Поезд, и сон, и мы.

Черепаха-лира, солнце Эпира,
Нищее время гонит вас.
Блаженных острова, небо Эллады...
А завтра — пот и страх.

Шум самовара. Ропот кипящей ночи.
Остановленный бег часов.
Зовут, как звали ахейских му́жей,
Золотое руно и кровь.

Есть остров святой, где гудит Енисей,
Где волк не умрет как волк.
Выйдет противу лжи о свободе и жизни,
А вокруг пустота. Ничего.

Время пришло волкам-приятелям
Сердечно руку протянуть,
Вырвать лицо из сетей усталости,
Глаза отвагой обмануть.

Ночь от слов густа. У женщины на картине
Окрыленный и легкий шаг.
Тело ее открыто. Колпак фригийский
Канет в людской визг и мрак.

Молчанье — знак непрепинания.
День срезал веки у сна.
Вороны, липкие от крови, стерво
Рвали клювами дотемна.

Вот и Владивосток. Последняя остановка.
А вагоны всё катятся мимо.
А мне всё снятся отроги Пиэрии,
Каменной, неоспоримой.

1970

Многомесячные кризисы

То безбрежное, важное, лирически умудренное
презрение во взгляде художника С., который подсел в кофейне,
дыша на меня четырехдневной библиотечной пылью:
как же — он в галстуке, а я в подпитии,
он засупонен, застегнут, а я в последней рубашке,
рваной на груди, вроде раны! Чистая достоевщина!

Многомесячные кризисы. Знаю, стыдно за них с тех пор,
как пошло по наклонной: тоже мне честь — иметь в биографии
развод, отклонения, уклонения, вредные привычки,
сломанный нос, психиатрическое лечение, бурные романы,
полно(чисто)кровный надрез вен; какие-то переливчатые скандалы
вместо сереньких *faux pas*; хандру длиной в полгода

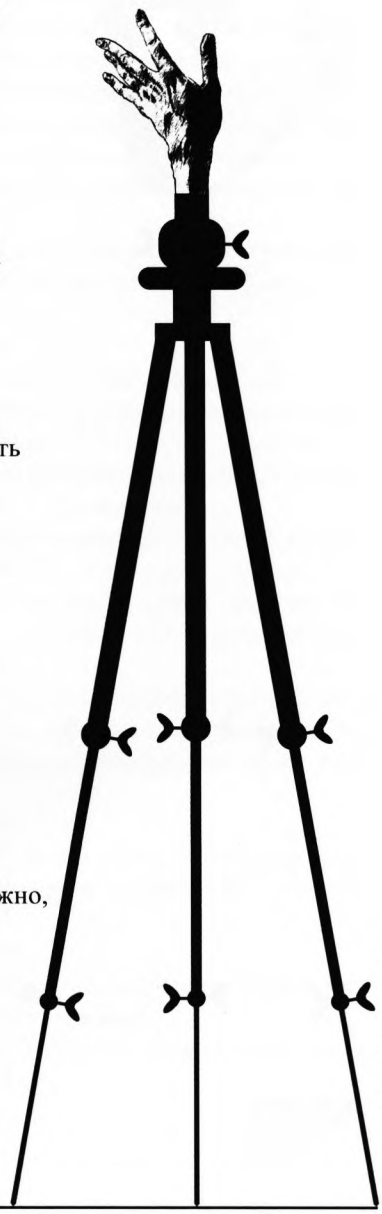
вместо почтительного шепота: «Б. стал
профессором в Гарварде»; настойчивые ночные звонки
приятелям с просьбой выслушать новые стихи,
или дать взаймы на выплату штрафа, или найти в жизни
место для целого меня; к тому же — письма с криком
«На помощь!», без эвфемизмов типа: «Что-то я нынче не в форме».

Знаю, это материал для мифа, культа, легенды,
фильма с Робертом Де Ниро, Микки Рурком, *marines*, рингом
и битьем стекол. В какой момент я, неизлечимый хулиган,
ступил на эту кривую дорожку? Откуда это болезненное желание
производить впечатление, заниматься спортом, постоянно разрушать
преграды и декорации? От уверенности в том, что меня

с моим криком и так никто не расслышит в хоре
профессионально-звонких ответвлений серости?
Или от храбрости? От невыносимо отчетливого
сознания того, что нельзя всю жизнь
повторять: «Что-то я нынче не в форме»?
От противоречивого желания нарушить покой спасателей

или от наивной веры в их спасительные таланты?
От смирения перед напиханным в меня злом?
Или от смирения перед чьей-нибудь недосягаемой жертвой
своих пустот и темнот, которая втягивает в их замкнутую систему
других, не думая при этом: эх, если бы я не упустил все, что возможно,
разве хватило бы вам отваги поведать о том, о чем вы молчите?

Париж, декабрь 1989



rys. Dmitrij Szewionkow-Kismielow

Алексей Корольков

СИБИРСКИЕ ПОЛЯКИ ИЗ ВЕРШИНЫ

Сибиряки — народ талантливый, крепкий, умелый, терпеливый, неприхотливый и отчаянный. Вообще у нас принято хорошему человеку желать «крепкого сибирского здоровья»... Общеизвестно, что в Сибири самые красивые женщины. Вероятно, от смешанных браков... Столичные звезды, приезжающие в Иркутск, неизменно отмечают особый душевный микроклимат, открытость и высокую нравственную культуру людей. Более 140 национальностей проживает в Иркутской области, и каждая нация без особых проблем нашла «свою экологическую нишу». Многолетнее совместное выживание в суровых климатических условиях сформировало самый толерантный народ России. Но при этом здесь сохранились культурные традиции и обычаи отдельно взятой нации. Удивительно! Несмотря на каторги, ссылки, депортации, многочисленные переселения «по вербовке» и принудительно-добровольные переезды в Сибирь на грандиозные стройки... Честное слово, слезы восторга вызывают праздничные выступления самодеятельных сибирских артистов различных национальных центров, подобные большому концерту в филармонии, который был посвящен 60-летию Победы над Германией...

Но мы еще плохо знаем научный, технический, ремесленный, купеческий, культурный и нравственный вклад и потенциал представителей каждой национальности в самоорганизацию сибирского народа. Такие знания взаимно обогащают, сближают народы, нередко, восхищают и вызывают уважение друг к другу.

«Огниво». На русский язык это слово переводится как «звено», что символично указывает на многогранную связь с далекой Польшей. Польская культурная автономия (ПКА) «Огниво» г. Иркутска осенью 2010 г. будет отмечать 20-летие со дня образования. Сибиряков польского происхождения много. Естественное стремление к консолидации живущих в Прибайкалье и Забайкалье далеких и близких потомков поляков не ослабевало никогда. Существовало в царской империи и при советской власти, хотя после различных коллизий в нашем обществе многим нелегко восстановить свою родословную. Не так давно даже польскую фамилию было иметь опасно. Слава Богу, времена изменились. Однако многие люди так долго скрывали свои корни, что привыкли считать себя просто сибиряками. И всё же упоминание о далекой прародине необъяснимо трогает сердца...

Первый сопредседатель ПКА «Огниво» Изольда Эдуардовна Новоселова, энергичная, смелая и обаятельная женщина, вспоминает: «Мною был поставлен вопрос о привлечении людей польского происхождения. Приглашение к объединению поляков и людей польского происхождения было опубликовано в газете «Восточно-Сибирская правда», на что обратили внимание многие энтузиасты Иркутска. Приехали также поляки из деревни Вершина и из города Улан-Удэ...».

Так в Иркутске узнали о чудом сохранившемся компактном проживании большой группы поляков в сибирской деревне, расположенной в окружении бурятских сел, которые разговаривают в семьях с краковским акцентом, но с трудом читают и пишут по-польски. Таким образом, 2010 год — юбилейный и для открытия Вершины сибирской Полонией. Парадокс, но сейчас в Польше о сибирской деревне Вершина знают больше, чем в Иркутске. Был даже снят документальный фильм польскими журналистами, показанный по центральным каналам далекой прародины поляков-сибиряков... который помог полякам Вершины найти родственников в Польше.

Малопольские крестьяне в Сибири. В 1910 г. приехали в Иркутскую губернию по своей воле, как утверждают их современные потомки, несколько десятков семей крестьян, ранее проживавших возле древнего Кракова. Осенью 2010 г. исполнится 100 лет со дня основания польской деревни в сибирской глуши! Сейчас трудно понять причины этого переселения. Польша накануне первой мировой войны была разделена на три части между Германией, Австрией и Россией. Краков входил в

Австрию, но граница с Россией располагалась всего в 20 км от него. Переселенцы, основатели сибирской деревни Вершины, были ранее шахтерами Домбровского угольного бассейна, которые имели маленькие земельные участки и жили в населенных пунктах на территории России.

По огромной Российской империи прокатилась в 1905-1906 гг. волна забастовок, вооруженных столкновений, разбуженных войной с Японией. Особенно упорными они были на западных окраинах и в центре. В Польше они приобрели еще и национально-освободительный оттенок. Среди сельского населения особенно большой размах получили восстания беднейшей части — батраков. Но революционные выступления были подавлены. К 1910 г. особенно усилилась реакция. Начался голод. Вероятно, шахтеры из-под Кракова решились переехать в холодную Сибирь, подальше в тайгу, в поисках относительной свободы, плодородных земель, возможно, соблазненные обещаниями легкой богатой жизни. Историки считают, что основной причиной переезда в Сибирь небогатых поляков была агитация сторонников реформ Петра Столыпина. В любом случае, это были смелые люди!..

Для жительства выбрали самое отдаленное место тайги в верховьях реки. Поэтому и деревню назвали Вершина. Из Польши привезли все, что смогли, вплоть до различных инструментов и кухонной утвари. Но жить было негде. Вначале выкопали землянки, постепенно построили дома, раскорчевали землю... Какой мучительный труд!

Иркутяне, родившиеся в Вершине. Современным городским жителям, потомкам переселенцев из-под Кракова, представить такие испытания сложно. Но глубокое уважение к своим предкам у родившихся в Сибири поляков согревает душу и помогает преодолевать современные трудности. Дети, внуки и правнуки тех польских крестьян живут в Иркутске рядом с нами. Кто они? Какие они? Каких вершин достигли?

На эти и другие вопросы ответили: Петр Фигура (П.Ф.), Станислав Янашек (С..Я.), Ольга Гаврилова (О.Г.), Болеслав Кустос (Б.К.).

Расскажите кратко о себе

П.Ф. Родился в селе Вершина, образование высшее, закончил Иркутский государственный университет, кандидат физико-математических наук. В настоящее время занимаюсь предпринимательской деятельностью. Жена русская, двое детей. В партии не состоял и не состою.

С.Я. Руководитель представительства авиакомпании «Сибирь» в г. Шэньян, Далянь Китайской Народной Республики.

О.Г. Учитель русского языка и литературы МСОУ VIII вида специальной (коррекционной) общеобразовательной школы №1 г. Иркутска, имею высшую квалификационную категорию.

Б.К. Шофер-профессионал.

Считаете ли себя поляком-сибиряком?

П.Ф. Особым поляком-сибиряком себя не ощущаю. Считаю себя россиянином.

С.Я. Вопрос не понятен.

О.Г. Мои родители родились и выросли в деревне Вершина Боханского района. Это польская, как говорят, деревня. Хотя там живут разные национальности: буряты, украинцы, татары и другие. Здесь говорят по-русски с сильным польским акцентом.

Б.К. Да, конечно. Нас и в Польше так называют.

Каково отношение коренных сибиряков и вообще людей других национальностей к вам?

П.Ф. Отношение коренных сибиряков и людей других национальностей, живущих в регионе, вполне нормальное. Чувствую себя с ними на равных. Никаких притеснений или ограничений на национальной почве никогда не было.

С.Я. Поскольку я никогда не позиционировался ни в каком обществе как поляк-сибиряк, то и отношение ко мне никогда не определялось исходя из принадлежности к моей национальности или моим корням. Нормальное отношение...

О.Г. Нормальные.

Б.К. Нормальное отношение.

Чем отличается польский характер?

П.Ф. Непонятно. Что такое польский характер? Есть характер отдельного человека.

С.Я. Да ничем он не отличается. Характер определяется личным мировоззрением каждого конкретного человека, а не его принадлежностью к той или иной нации. Принадлежность к нации может накладывать некоторые ментальные особенности, но не более. А поскольку я все-таки большую часть своей сознательной жизни провел среди русского населения, то и ментальность, в основном, русская. Хотя я стараюсь всегда делать так, чтобы ментальные особенности не проявлялись.

О.Г. Затрудняюсь ответить.

Б.К. Ничем он не отличается.

Хотели бы вернуться или просто съездить на свою историческую родину?

П.Ф. Побывать — да. Вернуться — нет. Что меня интересует о Польше, я могу прочитать, посмотреть по телевизору или при необходимости в интернете.

С.Я. Поехать на историческую родину... Наверное, да... Хотя не больше и не меньше, чем в любую другую страну. Вопрос — в цели такой поездки.

О.Г. В Польше у меня живет много родных. Может, не очень часто, но мы, по возможности, встречаемся. Сейчас теснее стал контакт, моя дочь учится в Польше, чаще встречается с ними.

Б.К. Я недавно ездил...

Есть ли в Иркутске своеобразное землячество людей из Вершины?

П.Ф. Не знаю, есть или нет.

С.Я. Встречаюсь только с родственниками.

О.Г. Землячества нет, но встречаемся с родственниками и с друзьями в ПКА «Огниво».

Б.К. Встречаюсь с родственниками.

Ваше отношение к лицам польской национальности?

П.Ф. Вполне нормальное, дружелюбное как к людям, приехавшим с родины моих предков.

С.Я. Нормальное.

О.Г. Смотрите ответ к вопросу 6.

Б.К. Нормальное, дружелюбное.

Помните ли о каких-то культурных традициях, обычаях?

П.Ф. Традиций не знаю, соответственно их не придерживаюсь. Что делать? Такое было воспитание.

С.Я. Не помню никаких традиций.

О.Г. Пасха. В детстве мы мало понимали смысл этого праздника, но чувствовалась его радость. Кулич, крашеные яйца, праздничный стол, гости. Все христосовались, дарили друг другу яйца. А с Рождества Христова начинался Новый год. 1 ноября — День Всех Святых. Обязательно вспоминаем усопших, бываем на кладбище.

Б.К. Не помню.

Что можете сказать о католической вере?

П.Ф. Неверующий, хотя к религии отношусь с уважением. А к людям, которые в свое время «слепо» верили в идеалы партии, а теперь готовы разбить лоб в молитве, отношусь крайне отрицательно.

С.Я. Католическую веру уважаю, впрочем, как и любую другую.

О.Г. Поляки — глубоко верующий народ. Именно с польским костелом связано самое светлое. С приездом отца Игнация в наш город начала с дочерью посещать воскресные мессы. Для нашей семьи отец Игнаций стал духовным наставником на многие годы. Открылся кафедральный собор в 2000 году. Это было тоже очень важное событие, так как вера стала еще сильнее, крепче. Вера делает людей сплоченнее.

Б.К. Веру уважаю. В деревне Вершина костел и раньше был, его даже не разрушили во времена гонений на религию, только загородили с улицы другими домами, чтоб в глаза не бросался. Отремонтировали и восстановили после приезда отца Игнация.

Чем помогают в жизни польские корни?

П.Ф. Ничем не помогли, не помогают.

С.Я. Ничем они не помогают.

О.Г. Очень благодарна своим родителям, прародителям. Они не потеряли свою национальность, не изменили ее в паспорте. Благодаря моим родственникам я знаю свою родословную от самого начала, то есть с того момента, когда они приехали в Сибирь, чем занимались, как жили. Благодарна также за то, что они смогли сохранить свой родной язык, родственные отношения. Дома мы говорим по-польски.

Б.К. Не помогают.

Мешали или нет карьере польские корни?

П.Ф. Не мешают.

С.Я. Не мешают.

О.Г. Нет, не мешают.

Б.К. Не мешают.

Какие цели ставите?

П.Ф. Работать, развивать бизнес на будущее детей.

С.Я. Цели — это слишком личное. Об этом говорить не буду.

О.Г. Работать, воспитывать детей.

Б.К. Работать.

Личные впечатления. Мне посчастливилось ближе познакомиться с поляками-сибиряками из Вершины... в Польше. Вместе ездили в города Люблин, Краков, Ченстохову, Варшаву... Они составляли примерно половину нашей группы. Очень любопытно было узнать их поближе, ведь и моя мама была из польской деревни. А в разговоре этих людей то и дело встречались такие знакомые мамины словечки...

Первое впечатление: неужели внешне не очень похожие друг на друга люди — дальние и близкие родственники? Хотя из разговоров частично это подтвердилось, но главное не это. Позже на ум пришло простое объяснение. Наверное, в разных семьях деревни Вершина — сходный уклад жизни.

В этих людях видна крестьянская основательность, уверенность, приспособленность и... усталость от городской спешки и суеты. Нет заносчивости, но в то же время нелегко их втянуть в разговор.

Решение возникающих во время поездки проблем сначала земляки из Вершины искали в своем родном коллективе, а потом его сообщали всем остальным. Возникал вопрос: может, они никому не доверяют? Или тут что-то другое?...

Вероятно, многолетний опыт самобытного деревенского коллектива, сумевшего сохранить язык и какой-то особый уклад жизни, неизбежно должен был выработать самодостаточность у каждого жителя, сплоченность друг с другом. Трудные вопросы решались отцами, дедами и прадедами прежде всего внутри общины. Удивительный рефлекс! Современные их потомки невольно поступают так же!

Жители деревни Вершина обостренно реагировали на любую несправедливость, требовали ясности от руководителя группы по всем вопросам. Наверное, так всегда в хорошей большой деревенской семье.

А как они пели польские, украинские и русские песни. Дружно, легко переходя на два голоса. Позже посмотрел польский фильм о Вершине. До чего задушевно «о коханом» поют в этом фильме две пожилые женщины на деревянном крылечке родного сибирского дома! Жаль, что слов не запомнил... — но искреннее сильное чувство красивые голоса продемонстрировали превосходно.

Точность и обязательность — как мы отвыкли от этих простых понятий. Поляки, по-моему, впитывают их с молоком матери. В Польше и в Иркутске не устаю восхищаться этими чертами характера. Если мы договаривались о встрече с кем-то из жителей Вершины, виновников опозданий среди них не было... Попросили для дочери на один год книгу в деревню для подготовки диплома. Передал и забыл... Вдруг через год звонок из Вершины: как вам ее вернуть? Как таким людям не доверять.

Совместная поездка 2004 года принесла много друзей из сибирской Полонии, которые часто приглашают в гости... Жители Вершины — на свой маленький островок деревенской Польши среди моря необъятной сибирской тайги, где чудом остался старый польский язык и обычаи прародины. В такой сохранности — единственный среди Восточной Сибири. И это греет душу!

Презентация. 19 апреля 2006 г. состоялась презентация научно-популярного иллюстрированного журнала «Тальцы» — 2005, №4 (27). Издается архитектурно-этнографическим музеем г. Иркутска. Этот номер целиком посвящен полякам деревни Вершина Боханского района Иркутской области. Такие специализированные выпуски стали уже традицией. Ранее вышел из печати успевший стать библиографической редкостью журнал «Тальцы» — 2004, №4 (23), посвященный голендрам, исповедующим католическую веру жителям села Пихтинск Заларинского района Иркутской области.

На презентации присутствовали авторы нового журнала, представители администрации Иркутска, польского консульства, католической Церкви, ПКА «Огниво», специально приехавшие в Иркутск жители деревни Вершина, журналисты и многочисленные гости.

По адресу директора архитектурно-этнографического музея «Тальцы», кандидата культурологии Владимира Викторовича Тихонова и авторов статей прозвучало много слов благодарности за подвижническую деятельность по сохранению истории, этнографии, культурных ценностей различных народов, осваивавших Восточную Сибирь, потомки которых живут среди нас...

Эта презентация всколыхнула у присутствовавших много затаенных струн. Задушевный обмен впечатлениями продолжался долго.

Комментарии. Вероятно, читатели искали в тексте статьи характеристик каких-то особых вершин, которых достигли эти люди. Но проживающие в Иркутске потомки поляков деревни Вершина — обычные сибиряки...

Они охотно отправляют своих детей учиться в старинные университеты на свою историческую прародину. У многих там есть родные.

Уважают католическую веру, особенно женщины. В равной степени уважают и любую другую истинную веру.

Самая надежная поддержка в жизни у сибирских поляков Вершины — родственники и семья. Это самая ценная вершина, которую сумели удержать при всех переселениях, революциях, войнах и перестройках. Она понятна и близка каждому народу.

Иногда говорят, что поляки не любят русских, а их сибирские потомки стремятся эмигрировать в Польшу. Думаю, в анкетах бывших жителей Вершины, обосновавшихся в Иркутске, читатели найдут отрицательный ответ на это стереотипное мнение. Необязательность, лень, пьянство, грубость, лицемерие осуждают, как и многие другие народы. Но у поляков Вершины корни прочно вросли в землю Сибири. Они поляки-сибиряки, этим все сказано! Далекая родина предков вызывает любопытство, восхищает, возбуждает желание перенести на сибирскую землю как можно больше хорошего. Для того дети жителей Вершины обучаются в польских вузах, с легкостью осваивая литературный польский язык (это и неудивительно!) и впитывая западные культурные традиции.

Так хочется, чтобы образованные люди возвращались и приносили в Сибирь всё лучшее, что есть на Западе. Работы всем хватит, лишь бы была стабильность и взаимопонимание в обществе. Мира всем нам!

Автор благодарит своих друзей из Вершины за искренние ответы.

Автор — доцент Иркутского государственного университета, член президиума, пресс-секретарь ПКА «Огниво».

Магдалена Байер

ДОМ КАТОРЖАН

Уже в самом начале разговора с Неводничанскими — доктором Юстиной Блиновской (урожденной Неводничанской) и профессором Ежи Неводничанским, председателем Государственного агентства по атомной энергии, — мне стало понятно, что не удастся рассказать обо всех значительных представителях этой «ученой династии», очень многочисленной, записавшей в историю Польши немало славных имен еще со времен Великого княжества Литовского.

*

В семейном архиве до 1944 г. хранился офицерский патент Павла Неводничанского, подписанный стольником Великого княжества Литовского Станиславом Понятовским, впоследствии последним польским королем. От Павла Неводничанского начинается история этого рода, сохранившего память о поколениях военных и врачей, об инженере Викторе Неводничанском — дедушке моих собеседников, который был специалистом по машинам для сахарной промышленности и начал работу в Поволжье, где познакомился со своей будущей женой, дочерью немецких колонистов. Истоки другой ветви рода, Есманов, восходят к началу XVI века, когда Якуб Есман женился, «как это не раз бывало в Великом княжестве», на своей дальней родственнице — из рода Неводничанских.

Интеллигенты в империи

Предки Неводничанских по женской линии, Правохенские и Свентожецкие, после восстания 1863 г. изгнанные из родовых имений и сосланные в Сибирь, благодаря учебе в русских университетах оставались интеллигентами. Дед по матери, Роман Правохенский, сын и внук врачей, сначала изучал медицину, затем сельское хозяйство, чтобы добиться желанной им специализации в зоотехнике и в дореволюционной России сделать крупную карьеру, стать основателем селекционного рысистого коннозаводства. До I Мировой войны он побывал в Кембридже, где познакомился с авангардными тогда методами и техникой селекции. Еще раз он побывал в Великобритании уже как профессор, в межвоенные годы.

В 1939 г. немцы арестовали его в ходе Sonderaktion Krakau*, а в 1945-м «третьи большевики» лишили профессора Правохенского права преподавать. К преподаванию он вернулся только после того, как маршал Буденный спросил у членов находившейся в Москве делегации польских ученых о «том, кому мы обязаны нашими рысаками». Быдгощская Агротехническая академия носит ныне имя Романа Правохенского.

Жена Романа Правохенского Елена, урожденная Свентожецкая, дочь ссыльного инженера, была первой польской выпускницей Смольного института благородных девиц. Много лет спустя, уже в Польше, пожилая дама помогала внукам Ежи и Юстине изучать алгебру. Ее брат был профессором ихтиологии в Люблине.

Дальнейшие судьбы семьи — это судьбы того слоя польской интеллигенции, которая сохранила традицию (по сей день живую в этих семьях, усвоенную младшими поколениями) — традицию чести и служения: открытость миру и людям, чувство гражданского долга и, благодаря исследовательскому интересу ко всему окружающему, убежденность, что образование открывает возможность найти оптимальный жизненный путь.

* «Краковская специальная операция», в ходе которой гитлеровцы интернировали ректоров и многих профессоров высших школ Кракова, отправив большинство в концлагерь Заксенхаузен. — *Прим. пер.*

Сельское хозяйство, журналистика, языки

Профессора Неводничанского, когда он еще учился в школе, часто спрашивали, не сын ли он журналистки, которая ведет «Сельскохозяйственную радиогазету»? Дочь Романа Правохенского окончила, как и отец, сельскохозяйственную академию, затем была ассистентом профессора Тадеуша Ветуляни в Виленском университете, где и познакомилась со своим будущим мужем. Академическую карьеру прервала II Мировая война. Пани Ирене, хорошо владевшей несколькими языками, пришлось зарабатывать частными уроками. После войны она поступила в университет на английскую филологию, но отделение вскоре закрыли. Пани Новохенская «с ходу» перешла на русистику и по этой специальности получила второе высшее образование, а затем много лет преподавала русский язык, а также работала переводчиком. Она преподавала в высших учебных заведениях Кракова, который стал колыбелью и отчим домом для молодого поколения Неводничанских, физиков.

Перед тем, как начать разговор о самом известном в роду — Генрике Неводничанском, я спросила его детей: что из детства запомнилось больше всего и что они считают самым важным. Оба единодушно ответили, что главное (возможно, во всей семейной традиции) — это «верность правде», о чем бы, наверное, не задай я такого вопроса, не сказали. Потому что эта верность была в самой атмосфере дома, в том воздухе, которым они дышали, воплощалась в знаках поддержки или неудовольствия, улыбках одобрения на лицах родителей, а прежде всего в том, что от детей ничего не скрывали. «О Катыни я знал с первого дня, — рассказывает профессор. — О том, что во время войны у нас укрывались евреи, я узнал только после войны, но тот факт, что отец был противником «скамеечного гетто в аудиториях»*, формировал мое отношение к другим».

Кембридж, Голембья, Броновице

Генрик Неводничанский, родившийся в 1900 г., еще до войны прославился в области атомной физики открытием так называемого дипольного излучения свинца, за что получил премию от президента Мостицкого, на которую приобрел небольшой земельный участок на Троцком озере. Он окончил университет им. Стефана Батория (до этого участвовал в войне с большевиками), далее учился в Тюбингене. Затем аспирантура, защита докторской и «полной» докторской диссертаций. Недолго заведовал кафедрой в Познанском университете. Недолго, потому что поступило приглашение от лорда Резерфорда в его лабораторию в Кембридже. Польский исследователь прибыл туда уже после смерти Резерфорда, в прославленной лаборатории проработал два года и там заинтересовался ядерной физикой. Первого сентября 1939 г. он вступил в должность заведующего кафедрой Виленского университета, начав свою преподавательскую деятельность... на подпольных курсах.

«Семнадцатым эмигрантским эшелоном» семья Неводничанских, в которой уже было два сына, выехала в 1945 г. из Вильнюса, чтобы на год осесть во Вроцлаве, где профессор получил работу в университете, тогда включавшем в себя политехническую школу, медицинский, сельскохозяйственный и другие факультеты, ныне ставшие самостоятельными вузами.

Вроцлав стал недолгим эпизодом — в 1946 г. Генрика Неводничанского «похитил» Ягеллонский университет. Физическая лаборатория на улице Голембей была, как и всё остальное, опустошена после войны. «Отец получил возможность „грабить во имя науки»», — в шутку говорит профессор Неводничанский-младший. То есть он ездил по заводам и складам университетов в Германии, чтобы там взыскивать утраченное или покупать за консервы и другие ходовые товары ценную научную аппаратуру. Такие экспедиции, насколько это было возможным, держались в тайне от союзников.

Вскоре в Польше началось создание атомной энергетики, основой которой послужили два подарка от Советского Союза: реактор и циклотрон. Оба устройства должны были разместить в Варшаве. Стараниями профессора Неводничанского циклотрон оказался в Кракове. Решающим стало то, что именно в Кракове Неводничанский построил первый в Польше, совершенно оригинальный малый циклотрон, который успешно работает уже более 50 лет. А новый, большой циклотрон стал базой, на которой вырос центр ядерной физики — Институт имени Генрика Неводничанского в Броновице.

* Введенное в 1935 г. в Львовском политехническом институте, а затем во многих польских университетах правило для студентов-евреев садиться на скамьи в отдельной части аудитории. — *Прим. пер.*

Основатель и глава института умер в 1968 г., оставив после себя много трудов и многочисленных учеников, о чьем интеллектуальном и духовном росте неустанно заботился. В памяти учеников сохранились удивительное трудолюбие наставника, его забота о сотрудниках, студентах и аспирантах, скромность и передающаяся окружающим увлеченность в познании тайн материи.

Потомки

Физикой по сей день занят средний из трех детей ученого — мой собеседник, профессор Ежи Неводничанский. Отец хотел, чтобы дети пошли по его стопам. Ежи, завзятый турист, сначала гид по Кракову, а затем проводник в Татрах, интересовался более науками о Земле, его притягивали путешествия, возможность узнать мир. Когда в Горно-металлургической академии было организовано отделение геофизики, он как раз прочел посвященную этой науке книгу Эдварда Стенцеля и... стал геофизиком. «Заниматься физикой» — это он помнил с детских лет, когда семья жила неподалеку от института на улице Голембей, как нечто удивительное и увлекательное, как, например, выдувание стекла для разных приспособлений, которые тогда было невозможно купить.

У профессора Ежи Неводничанского много научных трудов, он член многих международных научных обществ, с 1992 г. руководит Государственным агентством по атомной энергии. В 1980 г. вступил в краковскую «Солидарность», а затем в Демократический союз.

Старший его брат Томаш хотел стать судостроителем. Однако окончил физический факультет, защитил диссертацию в Цюрихе, ненадолго вернулся в Польшу и сбежал за границу. Год работал в Гейдельберге, затем три года в Дармштадте, где построил ускоритель тяжелых ионов — устройство, которое высоко оценили физики. Когда же после запуска ускорителя получил предложение заниматься его эксплуатацией, стать «этаким главным сантехником», Томаш Неводничанский предпочел работать на своего тестя, владельца немецкой пивоварни, и занялся бизнесом, а один из его сыновей теперь «дипломированный пивовар». Сегодня доктор Томаш Неводничанский «в полном смысле ученый», как говорит пани Юстина, младшая в семье. Он собирает старинные польские карты и располагает едва ли не самой обширной их коллекцией, коллекционирует другую «полонику». Недавно он передал Польше значительную часть своего собрания. Оставаясь по призванию исследователем, он выступает с «чисто научными» докладами на конгрессах коллекционеров, а все предметы своей коллекции тщательно изучает; в соответствии с семейной традицией интересуется Землей, горами, а от матери унаследовал интерес и к гуманитарным наукам.

Пани Юстина родилась после войны. Когда девушка решила поступать на юридический факультет, отец возмутился: «Правоведением нельзя заниматься в стране беззакония!» И предложил вот что: раз один сын физик, второй — геофизик, то почему бы дочери не стать... астрофизиком. Пани Юстина защитила в Ягеллонском университете диссертацию по физике твердого тела, занималась научной работой в Варашаве и в Австрии. Но, став матерью троих детей, поняла, что с семейными обязанностями трудно сочетать многочасовые опыты в лаборатории. Сегодня пани Юстина занимает высокий пост в Фонде им. Стефана Батория* (отзвук интереса к юриспруденции?). Недавно умер муж пани Юстины — Ян Блиновский, профессор физики Варшавского университета.

Дети в семьях нынешнего старшего поколения Неводничанских продолжили фамильную академическую традицию. Большинство, как и родители, любят Татры. Профессор Генрик Неводничанский построил в горах дом, куда вся родня могла приезжать в редкие свободные дни. «Там мы могли общаться с отцом. А поскольку физике вход не был запрещен, то бывали там и его коллеги, ученики, не один Нобелевский лауреат».

«Наш дом был домом каторжан», — это общее мнение семьи. Отец с утра до ночи пропадал в институте (правда, заходил домой пообедать). Мама почти всегда работала на две ставки. Дети видели, что надо ценить время, не тратить его зря. Сыну Ежи, который много читал художественной литературы, отец советовал уделять побольше внимания научно-популярным книгам, раз для научных книг еще не пришло время.

* Фонд имени Стефана Батория создан для поддержки общественных начинаний в построении гражданского общества. — *Прим пер*

Но никогда в доме не жалели времени для друзей — краковских интеллигентов. Одним из самых близких был Антоний Голубев*, который всегда приходил с женой. «Именины отца, — вспоминает пани Ирена, — проводили в три приема. В один день — друзья по Вильно и «приравненные к ним», во второй — часть физиков, которая не слишком симпатизировала другой части, а в третий — семья и иногда еще другая часть коллег».

Генрика Неводничанского помнит научный мир и все, кто с ним встречался. Сын ученого говорит, что знаки этой памяти — всегда повод задуматься, какие именно черты отца запечатлелись так надолго, представляются главными в его образе.

Мне кажется, что это те черты, которые характеризуют поколение ученых, родившихся в начале века, воспитанных в атмосфере обретенной независимости, познавших насилие бесчеловечной утопии и всегда готовых на борьбу, на труд, на работу во имя других, готовых ответить на все вызовы, которые бросает история. Наверное, какие-то черты меняются со временем, но главные — остаются, передаются новым поколениям.

* Антоний Голубев (1907-1979) — известный польский историк, писатель, публицист.

Ярослав Маркевич

Перевод Андрея Базилевского

ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ

* * *

Часто в начале я знаю то, чего не знаю потом.
У меня проблемы с временем —
оно вытекает из неизвестного родника.

rys. *Paulina Zielona*

* * *

Я начинаю,
а тут уже начато,
иду вперёд
и вижу, как
иду, идя,

и день, как океан,
впадает мне в глаза,
и вроде я никогда здесь не был,
но в колыханье волн
и гуле вод есть нечто,
знакомое мне так же хорошо,
как собственный карман,
в котором — пустота.

* * *

В ореоле огня, светясь как мёртвая,
ласточка подлетает к моему окну
и перед самым стеклом — возвращается в смерть.

Я тайно наблюдаю танец ласточки,
уже умею много, и однако — не умею ничего.

* * *

Возносится запах теорий и сказок,
и приходит любовь неизвестно откуда.

* * *

Говорю: море отступило,
а говоря о море —
слышу, что говорю о себе.

fig.1

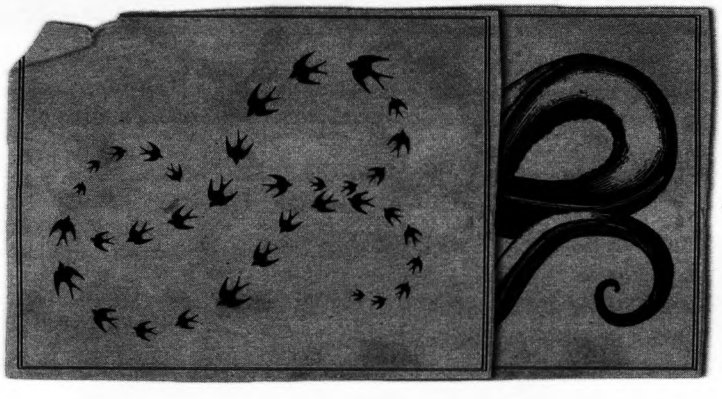


fig.2

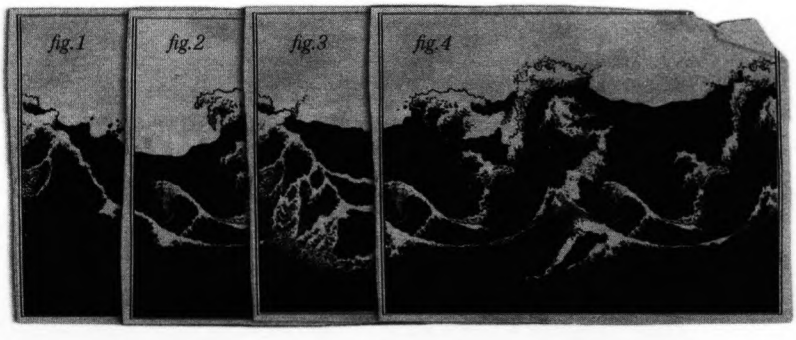
* * *

Дороги лежат в поле,
на холмах и в долинах,
заросшие лесом,
окутанные травой.

Там нет никаких дорог,
говорят карты,
но сны знают лучше.

* * *

Они приходят не за тем, за чем приходят,
ищут не то, чего ищут,
говорят не то, что говорят.



Надгробие на реке

Я не был слеп, у меня было лицо.
Не знал я ни часа рожденья, ни часа смерти.
Были у меня отец и мать.
Я так и не разобрался, насколько
поддаётся передаче исторический опыт,
поэтому ты никогда не узнаешь,
как я жил.
И совершишь те же ошибки.
Для реки,
текущей сквозь тебя,
реки, где я воздвиг подвижное надгробье,
ты будешь пытаться найти русло вне себя самого.
И умрёшь —
если умрёшь —
от избытка пустых занятий.

Выход

Я открываю двери,
за ними — ***двери.***
я открываю ***двери***,
на меня, как баран на ворота,
смотрят ***двери***,
в конце концов
я открываю ***ДВЕРИ***,
которые держат ключ,
готовый меня открыть,
открываю и вижу:
за ними стою я,
не зная ничего,
с ребёнком на руках,
с неясной памятью о том,
как сам я был ребёнком,
я плачу,
и этот плач,
о котором я знаю столько,
что уже не могу заплакать,
— уносит меня

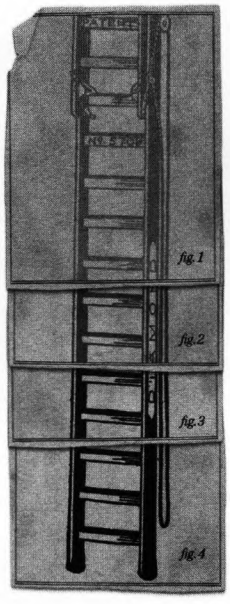
* * *

В центре города ночью лает собака
и никто не знает о чём
до самого утра я вслушивался в лай
и только на рассвете понял
что она смеётся

не знаю есть ли тут хоть какая-то связь
но когда я услышал смех
собака перестала лаять

* * *

Бумажный барабан
заговорил на крыше,
и всё стало ясно как день —
словно в день того дня,
когда дни ещё не жили
у меня в мозгу
и были свободны.



Сейчас же

Давайте сделаем всё, что осталось
сделать, чтобы не быть среди тех,
кто уже есть.
Те, кого нет, кто вырастет
из наших клеток,
кого мы выпустим из себя на свободу, —
не рассчитывают на нас,
никогда не рассчитывали и рассчитывать не будут.
Давайте подумаем, что надо сделать,
чтобы и нам оказаться среди тех, кто придёт.

* * *

С теми, кого ты понимаешь и кто
понимает тебя — тебе не нужны слова.
Вы понимаете друг друга, видя и слыша
то, что есть.
С людьми, которых ты любишь, ты выходишь далеко
за пределы всякого языка, за пределы мысли
и всего, что видно и слышно, —
и при этом в тебе нет тревоги,
Но если понимание — вне языка,
вне того, что видно и слышно, вне того, что есть, —
его можно лишь пережить
и нельзя передать.
Читая эти строки,
пойми:
от меня ты не берёшь ничего,
ты можешь взять всё от самого себя.
Всё дело в том, чтоб ты захотел это понять.

fig.2 *fig.1*

И всё-таки я хотел бы об этом сказать

Ты родился не в первый раз,
ты несомненно был и прежде.
Иначе с какой стати то, что есть, —
это то, что уже было.
Человек беззубый,
кто ты для молотка,
выбивающего зубы?
Те, кто идёт на смерть,
до последнего вздоха кричат:
да здравствует заступ,
который нам роет могилы!
То, что когда-то было понятно,
перестаёт быть разумным.
Пережди в себе эту минуту,
эту вечность.
Вслушайся в голос утра,
о котором не вспомнят
на страницах истории:
птица твоего кулака не поёт,
птица твоего кулака набита
опилками.
Есть и такие, кто говорит:
все мы боксёры, вот почему
набиты опилками
стиснутые птицы наших кулаков.
Как признаться в том,
что птицы наших кулаков
перестали петь
ещё до того, как их
набили опилками?

* * *

То, что рождается, рождается не из милости,
не возникает в изнурительных спорах,
в жизнь его выталкивает смерть,
и потому оно о себе ничего не знает,
а едва обретя сознание,
перестает быть тем, чем было.

И только память,
тучная, как епископ,
проходит, шелестя на ветру знаменем,
на котором — знаки тьмы.

* * *

Одни скучают, другие — скучны.
Умрут и те и эти.
Вы, кто вечно живёт в них, должны
помнить об этом.

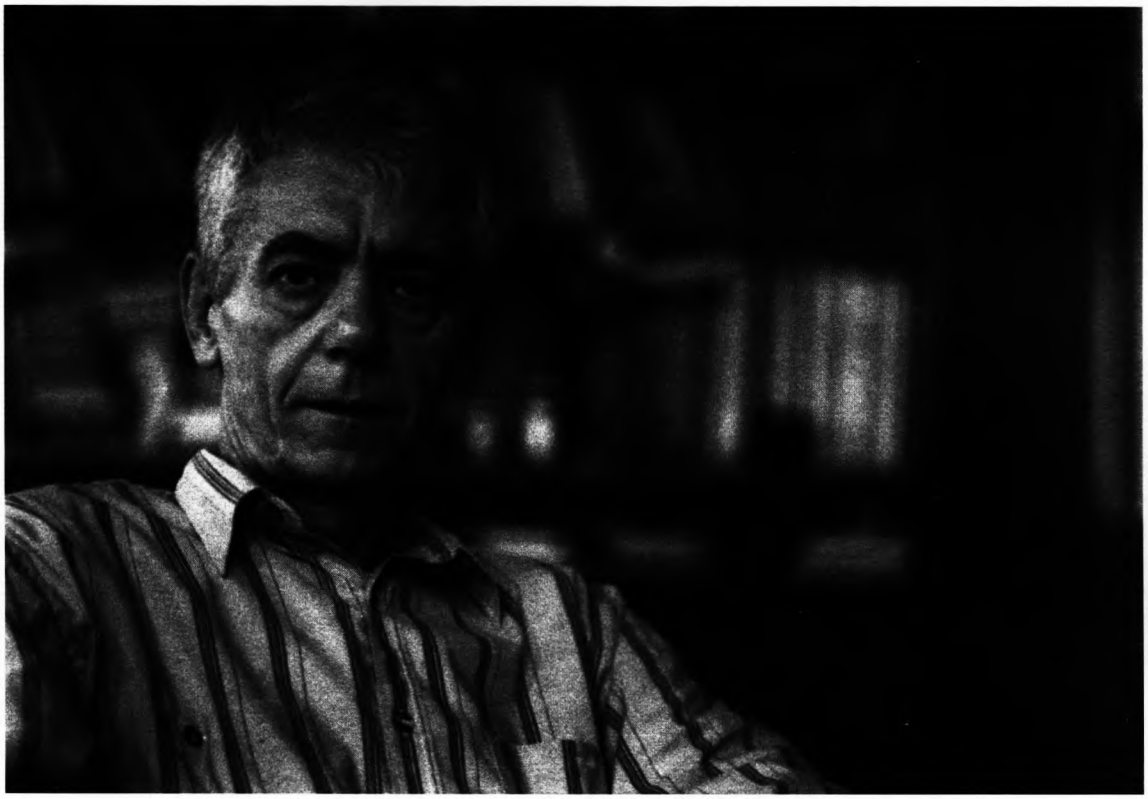
Одни умны, другие хотят быть умны.
Эти тоже умрут.
Вы, кто вечно живёт в них, должны
помнить об этом.

Одни умирают, другие вновь рождены.
У этих есть надежда.
Вы, кто вечен вне жизни и смерти, должны
помнить об этом.

Лешек Шаруга

ЯРОСЛАВ МАРКЕВИЧ

(1942-2010)



Когда в 1970 году Станислав Баранчак в книге «Недоверчивые и самоуверенные» анализировал сборник Ярослава Маркевича «Я пришел спросить о собственном имени времени, которое вношу» (1968), он писал так: «Эти стихи доказывают... что возможно развитие личности поэтов, которые тратят свои — в ряде случаев несомненные — таланты на культивирование классицистической «самоуверенной лирики». Маркевич вправе считать себя одним из самых эффективно действующих разрушителей поэтического догматизма. Его призыв: «Сделаем всё, что было нужно, что осталось / сделать, чтобы не быть среди тех, / кто уже есть» («Перекличка павших»), — звучит напоминанием как минимум в двух смыслах: его можно отнести к людям будущего и будущим поэтам».

Это сказано в контексте дебютов двух других авторов — Кшиштофа Карасека и Рышарда Крыницкого. Скоро и они, и сам Баранчак окажутся в кругу поколенческой формации, получившей название «новая волна». Эта группа сосредоточилась на поэтической диагностике реальности, ее творчество быстро оказалось вне официальной литературной жизни ПНР. Подмеченное Баранчаком родство поэзии «новой волны» с экспрессионизмом вскоре оказалось дополнено не чуждым части этой формации влиянием сюрреализма. Так, во второй книге стихов Маркевича под значащим названием «Поддерживая радостную видимость продолжения марша» (1971) находим стихотворение «Ирония перешла в экстаз»: «Быть может, вселенная / это просто дыра в зубе какого-нибудь чудовища. / Быть может. Надо яростно всё выедать / из дупел своих зубов, особенно забытые / речевые обороты, ба-

нальность, вкусную, как струдель, / особо акцентируя открытые двери, / которые медленно закрываются, вписываясь в раму / во сне — эти двери спят, / этот старец спит, / этот старец, этот юнец, этот мальчонка, / так начинается заново завтрашний день».

Потом Маркевич нашел собственную тропу в пространствах психоделической зачарованности: наиболее полным выражением этого опыта стал сборник «i» (1980), отразился он и в живописи поэта. В самой поэзии все больше значила очарованность поэтикой парадокса, открывающей простор для метафизических, а может быть, и мистических поисков. В то время Маркевич все больше производил впечатление человека, оторванного от действительности, погруженного в сферу тонкого бытия, нырнувшего в мир, который важнее мира.

В первые недели военного положения он случайно оказался в нашей компании (Ивона Смолька, Томаш Яструн и я). Мы ожесточенно дискутировали. Все сходились на том, что для сохранения духовного равновесия следует создать литературный журнал; одной из главных проблем было: как печатать. Яструн убежденно доказывал, что в это не следует втягивать ресурсы подпольной «Солидарности», так как они и без того перегружены и служат делам поважнее, чем стишки. Маркевич внимательно к нам прислушивался и вдруг спросил: «Ну ладно, с печатью как-нибудь уладится, но скажите мне, кто такой Солженицын, которого вы то и дело упоминаете?»

Мы посмотрели на него так, словно он был существом с другой планеты. Никто из нас, в том числе, конечно, и он сам, тогда не предполагал, что это не только начало издания подпольного еженедельника «Везване» («Вызов»), но и импульс для создания одного из самых интересных в смысле небанальной литературной программы подпольных издательств. Это было издательство «Пшедсвит» («Перед рассветом»), основанное Маркевичем и Вацлавом Холевинским; два его ответвления продолжали работать и после 1989 года. Здесь вышли такие известные книги, как «Они» Тересы Торанской, «Начало» Анджея Щипёрского, а кроме того — роман Генрика Ванека «Берлинские дзяды», сборник стихов Эвы Липской «Камера хранения тьмы», поэтический дебют Петра Мицнера...

Маркевич сосредоточился прежде всего на редактировании поэтической серии «Варшавская книгопечатня художников и поэтов», в томиках которой были представлены не только стихи, но и графика. В этих его занятиях поражало одно: он относился к ним как к чему-то очевидному, что делается просто-напросто потому, что должно делаться, ибо это часть пути, который дан человеку. Записав в стихотворении, озаглавленном «14.12.1981»: «У страха глаза всегда велики», — он продолжал: «Но при этом не исключено, / что за чёрными очками генерала / нет глаз. // Там могут оказаться только двери, тщательно запертые / на ключ, каждая дверь с отдельным глазком-иудой, / а ключи от них потерял сверхгенерал, / когда купался в Каспийском море».

Когда все двери наконец распахнулись, Маркевич вернулся в свой мир, тот, что был важнее мира, чтобы в новой книге стихов «Бумажный барабан» (1996) написать: «Чёрные знаки букв / это знаки земли. / Выпал снег, / небо засеяло землю».

Сергей Горбатенко

ПЕТР I И ПОЛЬСКАЯ АРХИТЕКТУРА XVIII ВЕКА

Историки русской культуры и, в частности, архитектуры давно дали высокую оценку роли Польши как проводника новых общеевропейских тенденций в Россию второй половины XVII века. Известно, сколь важную роль это сыграло в становлении стиля нарышкинского барокко с его ренессансно-маньеристским белокаменным резным декором. Изучалось значение Украины и Белоруссии в качестве культурных связующих звеньев на оси «запад-восток»: чаще всего именно через эти страны польская архитектура оказывала влияние на русскую. Одновременно сама Польша воспринимала новые веяния из Италии — как напрямую, от приезжавших в нее итальянских мастеров, так и через посредство других европейских стран.

В петровскую эпоху влияние Польши на русскую архитектуру стало угасать: ее место заняла Голландия, северная и центральная Германия и, конечно, Франция. Но, тем не менее, архитектурные впечатления, полученные во время пребываний Петра I в Польше, сыграли свою роль при строительстве Санкт-Петербурга и загородных резиденций царя.

Впервые Петр побывал в Польше в 1698 г., возвращаясь в Россию в составе Великого посольства из своего первого большого зарубежного путешествия. Одной из первых на его пути предстала древняя польская столица Краков, однако Петр I отказался от ее посещения, спеша в Россию и не желая привлекать к себе внимания. Рядом с этим городом он получил известие о подавлении стрелецкого бунта, что сняло с него напряжение последних месяцев. Вслед за тем царь осмотрел соляные копи в Величке с их подземными церквами и присутствовал на крестном ходе вокруг костела. Следуя дальше, Петр наряду с небольшими городами видел загородные замки польских магнатов Радзивиллов, Любомирских, Потоцких.

В Раве Русской состоялось личное знакомство Петра со своим будущим союзником, саксонским курфюрстом и польским королем Фридрихом Августом II. Впоследствии благодаря этой дружбе соприкоснутся архитектурные судьбы трех европейских столиц — Петербурга, Варшавы и Дрездена. Вероятно, царь обратил внимание на регулярную планировку «идеального» города Замость, построенного в конце XVI — первой половине XVII века по проекту итальянского зодчего Бернардо Морандо. Здесь он был принят княгиней Замойской в ее замке.

Впрочем, архитектура и другие искусства не входили в круг интересов молодого Петра. Положение стало меняться в середине 1700-х годов, когда уже строился Санкт-Петербург, который стал его любимым детищем. В 1706 году царь просил прислать ему книги о Версале, о фонтанах, а также о берлинском «Люстгартене» (Увеселительном саде), что несомненно было связано с планами строительства этого города. В следующем, 1707 году, Петр во время военных действий на территории Польши побывал во многих ее городах. Он провел около четырех месяцев в Жолкве близ Львова и около двух — в Варшаве, где стоял в Замке (немало пострадавшем за это время). О проявленном им в ту пору интересе к польской архитектуре свидетельствует запись в «Походном журнале» о посещении костела в Венгрове: «В том местечке костел зело изрядного здания, сделан архитектурою, в котором изволил быть и смотрел».

Другие попавшие в журнал сведения такого рода относятся к 1709 году. После Полтавской победы Петр 23 сентября посетил загородный дворец Виланов под Варшавой. «Походный журнал» характеризует его уже более детально: «Зело изрядный каменный дом и огород, убранный фонтанами и прочими украшениями». Ансамбль, возведенный в 1680-1694 гг. по проекту и под руководством итальянского архитектора Агостино Лоччи, должен был породить у Петра I приятные ассоциации:

он был построен покойным польским королем Яном Собеским, чтимым Европой как победитель турок и освободитель Вены. Теперь сам русский царь разгромил казавшуюся непобедимой армию Карла XII. Возможно, именно этот визит обусловил сходство планировочной схемы заложенного около этого времени Большого дворца в Петергофе с планировкой дворца в Виланове. Здесь и далее даты приводятся в соответствии с «Походными журналами» (по юлианскому календарю)

Именно в этот промежуток времени (1707-1709 гг.) из Польши были вывезены мраморные статуи, которые до сих пор находятся в Летнем саду. Датский посол Юст Юль в своих «Записках», относящихся к 1709-1710 гг., упоминал об этом саде, в котором «стоит с лишком 30 больших мраморных статуй художественной работы, в том числе бюсты покойного короля Польского Собеского и его жены. Статуи эти вывезены из садов Польских магнатов. Вообще, большая и изящнейшая часть предметов роскоши, находящихся у Петербургских вельмож, Польского происхождения». Автор первого описания Санкт-Петербурга, опубликованного в 1713 г., указывал: «Сам сад довольно велик и хорошо разбит, однако я не увидел в нем чего-либо особенно достопримечательного, помимо нескольких статуй и бюстов из белого мрамора, особенно изображающих короля Польши Иоанна Собеского и его супругу... А в оранжерее растет несколько апельсиновых, лимонных, лавровых деревьев, гвоздичных кустов и т.д. Говорят, они доставлены из Польши». Год спустя пленный швед Л.Ю.Эренмальм указывал: «Здесь я видел 4 изображения, или статуи, из мрамора, которые были привезены в Петербург из Варшавы в Польше; среди них особенно ценными были изображения короля Яна Собеского и королевы Кристины...»

Причастность к гению прославленного польского короля Петр ощутил и в Яворове близ Львова, где пробыл с отлучками с 16 апреля до 1 июня 1711 года. Запись в журнале гласит: «...которое место любимое Яна Собеского, где есть и огород зело хороший, украшенный хорошими деревьями и першпективами, лежит сей огород при озере... и на нем есть изрядные небольшие островки; и по тому озеру Его Царское Величество изволил часто гулять на боту (который сам изволил сделать) с князем Радзивилом...» Возможно, царь хотел увидеть доброе предзнаменование в том, что проводил время в доме знаменитого победителя турок, да еще во время Прутского похода, в который он отправился с тяжелым сердцем, словно предчувствуя неудачу.

После несчастливого сражения на Пруте царь направился в Западную Европу решать дипломатические вопросы и поправлять здоровье в Карлсбаде на водах. По пути он посетил множество городов и местечек, увидел десятки усадеб польских магнатов, вновь побывал в Варшаве.

И, наконец, 1716 годом датируются содержащиеся в журналах сведения о посещениях Петром садов в Штеттене (Щецине) и Данциге (Гданьске). В Данциге, кроме того, царь был в цейхгаузе, в монастыре в Оливе, в загородной усадьбе некоего шляхтича.

В том же 1716 г. гравером А.Зубовым была выполнена гравированная панорама Санкт-Петербурга. В числе изображенных на ней зданий есть одно, совершенно не похожее на другие, — трехчастное, увенчанное фигурными аттиковыми этажами с вазами и гирляндами. Это дом сибирского губернатора М.П.Гагарина. Здание типично для архитектуры нидерландского ренессанса и барокко. В городах северной Польши, особенно в Данциге, много домов подобного стилистического направления. Возможно, именно польскому влиянию следует приписать появление проекта, столь необычного для северной столицы России.

Несомненно, дальнейшие исследования помогут выявить новые польские объекты, вызывавшие интерес Петра.

Среди источников, содержащих важную информацию по истории петровского Петербурга, важное место занимают два описания, принадлежащие перу польских авторов. Один из них — член польского посольства, посетившего город в 1720 г., который известен в русской историографии как «поляк-очевидец». Второе описание появилось через год после смерти Петра и называется «Диариуш (т.е. дневник. — *С.Г.*) пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем его светлейшей милости господина Сапеги, старосты бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск». Оба представляют значительную ценность и часто используются российскими исследователями.

Мастером украинского происхождения, связанным с Петербургом и привнесшим в преимущественно «протестантскую» архитектуру этого города ноту польско-католического барокко, нам представляется Иван Зарудный. Особенно он отличился в изготовлении иконостасов, наиболее вы-

дающимся из которых является доныне сохранившийся иконостас собора Петропавловской крепости. Кроме того, в мастерской Зарудного были изготовлены иконостасы церквей на острове Котлин и в Ораниенбауме царского фаворита князя А.Д.Меншикова, иконостас Преображенского собора в Ревеле, церкви Архангела Гавриила в Москве. Сейчас считается доказанным, что Зарудный был в первую очередь подрядчиком, руководителем большой артели, включавшей резчиков, позолотчиков, других специалистов. Однако стилистическая близость произведений, вышедших из его мастерской, позволяет предполагать, что он, по меньшей мере, принимал непосредственное участие в разработке их художественного образа и композиции.

Иконостасы, вышедшие из мастерской Зарудного, означали принципиально новый подход к решению этого важнейшего элемента церковного интерьера. Типичный русский иконостас второй половины XVII века, ведущий свое происхождение от древнейшего тяблового, представлял собой многоярусную композицию с иконами, расположенными рядами и объединенными резным позолоченным обрамлением. Иконостасы мастерской Зарудного — по преимуществу архитектурные произведения. Ордер здесь — композиционная основа, которой подчинены все остальные элементы. Такие черты в полной мере присущи польским католическим алтарям эпохи барокко. Это отметил еще И.Э.Грабарь: «В построении... иконостаса он исходил из тех сложных декоративных композиций, которые, будучи завезены из католической Польши на Украину, шли вразрез с традициями православных иконостасов Руси».

Архитектор, принесший свои знания и навыки из Санкт-Петербурга в Варшаву, — итальянец Гаэтано Киавери. Он был принят на русскую службу в 1718 г. одновременно с другим итальянским зодчим — Николо Микетти. Микетти стал главным архитектором в русской столице; Киавери выступал в качестве его помощника, в частности на строительстве загородных дворцов в Екатеринентале (Кадриорге) в Ревеле и в Стрельне под Санкт-Петербургом. Затем он по доработанному им проекту достраивал здание Кунсткамеры, заложенное немцем Г.И.Маттарнови, — после того как от дела был отстранен Н.Ф.Гербель, принявший стройку после смерти последнего.

Киавери составил замечательный проект для церкви в имении царской супруги, селе Коростине под Новгородом. Ее возвели по другому, упрощенному проекту, однако выполненному, вероятно, тоже Г. Киавери: об этом свидетельствует типичный «борроминиевский» изгиб главного фасада, повторение приема, примененного Н.Микетти в Стрельне. Впоследствии Киавери еще раз применил его в архитектуре дрезденской католической Хоф-кирхе, выдающегося произведения, составившего ему бессмертную славу. Черты стрельнинского дворца просматриваются и в нереализованном проекте нового дворца саксонского курфюрста.

Однако эти постройки были еще впереди. Уехав из Петербурга в 1727 г., Г.Киавери начал работать в Варшаве. Предполагается, что он возвел там костел Визиток, ранее приписывавшийся К.Байе. Но наиболее известное его произведение — выходящий к Висле корпус варшавского Замка, спроектированный в 1740 году. Особенности его композиции позволяют и в этом случае предполагать влияние школы Н.Микетти, в частности, архитектуры дворца в Стрельне.

Ансамбль Стрельны был заложен Петром I в 1720 г. на побережье Финского залива. Он должен был стать «русским Версалем», триумфальным выражением нового исторического пути России, победившей в Северной войне и вышедшей на европейскую арену. Закладка производилась в присутствии польского посла. Упоминавшийся выше «поляк-очевидец» описал эту церемонию так: «... После обеда пошли осматривать место, где вводят реку в другое русло, а потом пошли в другое место, где закладывают очень большой дворец. Первый камень положил сам его царская милость, а второй — господин посол, и мы, находившиеся там, положили камни. Его царская милость затем пил за скорое окончание строительства».

Таким образом, в основе сегодняшней петербургской резиденции президента России, Дворца конгрессов, до сих пор лежат камни, положенные русским царем и полномочными представителями дружественной ему Польши.

Краков и Санкт-Петербург. Наследие столичности. Kraków: International Cultural Center, 2009.

Павел Яблонский

МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА ШОПЕНА В ПЕТЕРБУРГЕ

В шопеноманском Петербурге обнаружено неизвестное сочинение Шопена, а также установлен бюст Шопена, копия парижского, и открылась невиданная выставка

Началась череда всевозможных событий, связанных с 200-летием великого польского композитора Фридерика Шопена — культурного символа Польши в мире. 2010 год решением ЮНЕСКО и Совета Европы объявлен Годом Шопена.

Сначала в день рождения Шопена, 1 марта, в Фонде Михаила Шемякина состоялся концерт с участием известного композитора Сергея Слонимского и пианиста, профессора Петербургской консерватории Павла Егорова с его студентами. Оба — петербуржцы польского происхождения.

Консерватория активно включилась в эти события, тем более что здесь давно сформировалась выдающаяся пианистическая школа и среди профессоров много известных исполнителей музыки Шопена с международным признанием. Исторически Шопен пришел в Россию через Петербург. Поэтому здесь родился и новый творческий проект — Фестиваль-конкурс «Шопен-2010», организатором которого стала Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А.Римского-Корсакова при поддержке отдела культуры генерального консульства Польши в Санкт-Петербурге.

В Малом зале им. А.К.Глазунова на большом эмоциональном подъеме прошел концерт-открытие фестиваля с участием членов жюри конкурса — профессоров Петербургской консерватории и Университета музыки им. Ф.Шопена в Варшаве. Автор идеи и куратор проекта — заслуженный деятель искусств Лидия Волчек.

А перед тем произошли два весьма заметных события: торжественное открытие бюста Шопену в Малом зале и представление уникальной выставки редких документов, связанных с именем Шопена, из фондов Научной музыкальной библиотеки консерватории. Надо заметить, что документы из этого фонда вообще выставляются впервые. Так Шопен разбередил к своему юбилею Петербургскую консерваторию.

Приехавшие из Польши профессора приняли участие и в Международной научной конференция «Шопен в контексте европейской музыкальной культуры», а известная польская певица Ядвига Раппе дала петербургским студентам мастер-класс.

Кстати, победителям конкурса, которых польская сторона удостоила трех дипломов и премий, предстоит недельная поездка в Польшу по местам, связанным с именем Шопена, организованная отделом культуры польского консульства, и участие в двух концертах, запланированных в ее рамках.

На церемонии открытия бюста Шопена, переданного польским государством в дар консерватории, с проникновенными словами о композиторе выступили заместитель польского министра культуры Томаш Мерта (и это были последние сказанные в России слова трагически погибшего пана Мерты), ректор Петербургской консерватории Сергей Стадлер и почетный председатель Петербургского Шопеновского общества Сергей Слонимский. Этот бюст, выполненный в Польше из камня, — копия известного бюста Шопена, находящегося в Париже в Люксембургском саду.

С.Стадлер напомнил об исторических нитях, связывающих Петербургскую консерваторию с Шопеном. 26 апреля 1841 г. в Париже Шопен играл большой концерт, на котором присутствовали Гейне, Мицкевич и... 11-летний Антон Рубинштейн. Концерт произвел на мальчика такое впечатление, что он принял твердое решение стать профессиональным музыкантом.

С.Слонимский, выступая возле бюста композитора, отметил: «Шопен когда-то, смешно сказать, считался салонным композитором, который музицировал в душных гостиных аристократов. Но прошло 200 лет, и оказалось, что десятки миллионов людей обожают музыку Шопена, оказалось, что сегодня

это самый массовый из всех серьезных композиторов. Все пианисты обожают Шопена. Он величайший новатор, и об этом важно сейчас писать. Ныне нет молодого пианиста, который не стремился бы играть Шопена. Но, к сожалению, в эти юбилейные времена мне не удалось пока встретить какую-либо новую музыковедческую монографию о Шопене. Хотя Год Шопена еще впереди, время есть. Пусть вечно молодеет всегда юная и прекрасная музыка Шопена — благородное сердце Польши!»

Ректор консерватории уже на открытии фестиваля-конкурса подчеркнул, что в Петербургской консерватории очень большие фортепьянные традиции и связаны они прежде всего с музыкой Шопена. С.Стадлер вручил польским гостям копию автографа-рукописи Шопена, что хранится в консерватории, и торжественно объявил, что обнаруженное недавно сочинение Шопена «исполняется в этот день впервые в мире!».

Суть уникального события в том, что в рукописном отделе консерваторской библиотеки недавно была обнаружена миниатюра Шопена в неизвестной редакции Т.Лешетицкого, профессора Санк-Петербургской консерватории середины XIX века, под названием «Sehnsucht» («Томление», нем.). Она и была исполнена молодыми вокалистами консерватории в программе большого концерта-открытия фестиваля-конкурса 15 марта.

— Отношения между народами бывают очень сложными, запутанными, но есть то, что существует вне этого, над этим, — культура, — сказал Томаш Мерта. — И, конечно, особое место в культуре принадлежит музыке, ибо это искусство не требует перевода и доступно любой человеческой душе. Шопен, его музыка — то, что способно волновать и объединять людей, подвига*т*ь нас на замечательные вещи, чему свидетельство — это наше сегодняшнее собрание в этом зале. Мы говорим о Шопене как о необыкновенном композиторе. Как мне кажется, в нем особо ценно то, что он композитор непредсказуемый, когда и не догадаешься, как будет у него развиваться та или иная музыкальная тема. Шопен в этих стенах — это история, традиции исполнения, обучения, но я надеюсь: Шопен — это и будущее. Не случайно мы сегодня открываем и конкурс молодых исполнителей.

Томаш Мерта вручил Сергею Стадлеру увесистую пачку юбилейного польского издания сочинений Шопена, а также маленький бюст композитора. Теперь он разместится в кабинете ректора вместе с барельефом Шопена, подаренным Милию Балакиреву на родине польского композитора в Желязовой-Воле. Балакирев преклонялся перед Шопеном и любил играть его сочинения.

В программе концерта-открытия выступили члены жюри конкурса пианистов — известные музыканты, профессора и доценты Петербургской консерватории: Е.Мурина, Т.Загоровская, В.Вишневский, А.Сандлер, В.Мищук, А.Иванович. Специально для участия в Фестивале-конкурсе и в концерте приехали польские музыканты — профессора Университета музыки им. Шопена в Варшаве пианисты Е.Стерчинский и М. Рутковский и певица Я.Раппе.

А итоги конкурса оказались таковы:

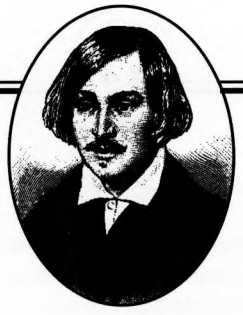
I премия — Сергей РЕДЬКИН (1 курс, класс проф. А.М.Сандлера)

II премия — не присуждена

III премия — Василий ПОПОВ (IV курс, класс проф. Е.А.Муриной)

III премия — Юрий ПОЛОСЬМАКОВ (III курс, класс проф. П.Г.Егорова)

Теперь эти лауреаты поедут к Шопену в Польшу.



Рената Смирнова

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ ГОГОЛЯ

В киевском Институте рукописей при Национальной библиотеке имени В.И.Вернадского НАН Украины, в отделе «Гоголиана», хранятся уникальные документы о семье и предках великого писателя. В 1920 г. их передал на хранение Василий Яковлевич Головня, сын его младшей сестры. Сохранился лист из метрической книги Спасо-Преображенской церкви местечка Великие Сорочинцы Миргородского повета Полтавской губернии. В нем записано: *«Марта 20. У помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен 22-го. Молитвовал и крестил священно-наместник Иоанн Беловольский. Восприемником был господин полковник Михаил Трахимовский»*.

Сбережены листы «Ведомости учеников 1 класса высшего отделения Полтавского поветового училища за 1819 год». В этом списке под номером 40 значится Николай Яновский, под номером 41 — его младший брат Иван Яновский, который вскоре умер.

В Институте рукописей имеются страницы «Дневника», заполненные рукой классных учителей Нежинского лицея в 1821 году. Фамилия непоседливого 12-летнего Николая Яновского чаще других упоминается среди пансионеров, которые «получили достойное наказание за их худое поведение» и оставлены без обеда. Август Аман донес: «Н.Яновский за то, что он занимался во время класса Священника с игрушками, был без чаю».

Некоторые свои письма к родителям в это время подросток подписывает — Н.Яновский.

Сегодня копии всех этих документов представлены в первом зале восстановленного в 1984 г. дома родителей писателя в селе Гоголево Шишацкого района Полтавской области. В экспозиции находится и копия «Ревизской сказки» (переписи населения) за 1782 год по хутору Купчин, которым владел дед писателя — Афанасий Демьянович Яновский. Он получил это имение как приданое за своей женой. Рядом экспонируется документ, написанный ее рукой: «Доношение Татьяны Семеновны Яновской в Голтвянский суд с хутора Купчин 1 июня 1782 года».

Вскоре их усадьба стала именоваться Яновщиной, а позже по имени их единственного сына Василия Афанасьевича (будущего отца писателя) — Васильевкой. В народе до сих пор сохранились эти два названия.

В экспозиции музея есть копия «Послужного списка А.Д.Яновского» за 1788 год. В нем сказано, что дед Гоголя родился в 1738 году. Выходец из польской шляхты. Окончил Киевскую Духовную Академию. Свободно владеет пятью языками: русским, латинским, греческим, немецким и польским. Служил в Генеральной войсковой канцелярии на должности полкового писаря. (Сегодня это соответствует должности начальника штаба военной части полка.) Вышел в отставку в звании секунд-майора.

Здесь же представлена копия «Свидетельства о дворянском происхождении», выданного А.Д.Яновским своему двоюродному брату Ивану в 1792 году.

В «Свидетельстве», в частности, говорится: «...А как выше значащийся Иван Карпов сын Яновский точно есть произошедший от моей фамилии, то для получения ему с его семейством от кого следует по его жительству дворянского достоинства имеет неоспоримость, в чем за подписом моим и господ дворян припечатал ему Ивану Яновскому сие свидетельство».

Впервые фамилия деда писателя с прибавкой «Гоголь» появилась в «Дворянской грамоте», которую он получил 15 октября 1792 года.

В ней сказано: «Рассмотрев предъявленные от него Гоголь-Яновского о Дворянском его достоинстве, признали оные согласными с предписанными на то правилами, в следствие коих по силе семьдесят седьмой статьи объявленной Грамоты, он и род внесен в Дворянскую родословную Киевской Губернии книгу, в Первую ея часть...»

В эту книгу записывали только коренных дворян, а не тех, которые приобрели это звание за военные, государственные заслуги или по нобилитации 1661 года.

В Санкт-Петербурге многие литераторы знали юного гения Украины под двойной фамилией или просто как Яновского. 22 февраля 1831 года Петр Александрович Плетнев писал Александру Сергеевичу Пушкину: „Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в «Северных цветах» отрывок из исторического романа, с подписью ОООО, также в «Литературной газете» — «Мысли о преподавании географии», статью «Женщина» и главу из малороссийской повести «Учитель». Их написал Гоголь-Яновский... Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение...»

Близкий друг и постоянный корреспондент Котляревского, литератор Орест Сомов сообщил 9 ноября 1831 года Михаилу Максимовичу: „Я познакомил бы вас, хотя заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком — Пасечником Паньком Рудым, издавшим «Вечера на хуторе», т.е. Гоголем-Яновским, которому дуралей и литературный невежда и урод Полевой решился сказать: «Вы, сударь, москаль, да еще и горожанин...» Неправда ли, что Полевой совершенно оправдал басню Крылова: Осёл и Соловей?»

Знаменитый русский поэт Евгений Баратынский, получив от 22-летнего Гоголя экземпляр «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с автографом, сразу же написал в апреле 1832 г. в Москву Ивану Киреевскому: „Я очень благодарен Яновскому за подарок. Я очень бы желал с ним познакомиться. Еще не было у нас автора с такою веселою весёлостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей «Страшная месть» он не однажды был поэтом. Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому».

«Однокорытник» гения по Нежинскому лицею драматург Николай Кукольник вспоминал: «В гимназии Гоголь, как между товарищами, так и по официальным спискам, Гоголем не назывался, а просто Яновским».

6 февраля 1832 г. Николай Васильевич отправил из Санкт-Петербурга в родную Васильевку весточку своей матери Марии Ивановне Гоголь-Яновской, урожденной Косяровской: «Ваше письмо от 19 января я получил. Очень жалею, что не дошло ко мне письмо ваше, писанное по получении вами посылки. *В предотвращение подобных беспорядков впредь прошу вас адресовать мне просто Гоголю, потому что кончик моей фамилии я не знаю, где делся. Может быть, кто-нибудь поднял его на большой дороге и носит, как свою собственность. Как бы то ни было, только я нигде не известен здесь под именем Яновского, и почтальоны всегда почти затрудняются отыскивать меня под этою вывескою*» (выделено мной. — *Р.С.*).

Свое предыдущее письмо к матери от 4 января 1832 г. писатель заканчивает словами: «Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия». В 1833 г. его старшая сестра Мария вышла замуж за польского чиновника 12 класса из Кракова Павла Осиповича Трушковского.

Писатель начинает подписывать все свои новые произведения и письма к родным и знакомым только первой частью своей фамилии — Гоголь.

20 июля 1832 г. он сообщает из Васильевки в Москву поэту карамзинской школы 72-летнему баснописцу-патриарху Ивану Ивановичу Дмитриеву: «...чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные».

Хорошо известно, что в 1833 г. Гоголь хотел занять кафедру всеобщей истории в Киевском университете, который только начали организовывать. В декабре он пишет из Санкт-Петербурга своему другу Михаилу Александровичу Максимовичу, вскоре первому ректору этого университета: «...туда, туда! В Киев, в древний прекрасный Киев! Он наш, он не их, — не правда? Там или вокруг него деялись дела страны нашей... Да, это славно будет, если мы займём с тобою киевские кафедры, много можно будет наделать добра. А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами...»

Но после польского восстания 1830-1831 г. (кстати, где один из руководителей был генерал В.Яновский!), в Российской империи было строго запрещено брать поляков на государственную службу. Попечитель Киевского учебного округа вычеркнул фамилию Гоголя-Яновского из списка представленных ему на рассмотрение кандидатур будущих преподавателей университета. Ему документально были известны польские корни кандидата. Знал он и то, что мать писателя, Мария Ивановна Косяровская, воспитывалась до 14 лет, до раннего замужества, в доме родителей своего двоюродного брата — генерал-майора Андрея Андреевича Трощинского, женатого на внучке последнего короля Польши Станислава Понятовского.

Польские корни Гоголя замалчивали пятьдесят лет. Только в 1902 г. в «Полтавских губернских ведомостях» №36, в статье «К вопросу о предках Гоголя», было коротко сказано, что род Гоголь-Яновских ведет свое начало от Ивана Яковлевича (фамилии в документе нет), выходца из Польши, который в 1695 г. был назначен к Троицкой церкви г. Лубен «викарным «священником. (...) Продолжателем рода и преемником духовной власти был его сын Дамиан Иоаннов Яновский, священник кононовской Успенской церкви. Далее родословная Яновских идёт по двум параллельным линиям: 1) Сын о. Дамиана — Афанасий Дамианович, уже Гоголь-Яновский, секунд-майор, сын его Василий, внук Николай, писатель; 2) Кирилл Дамианович Яновский, священник кононовской церкви; его дети: Меркурий и Савва, оба священника...»

Николай Васильевич Гоголь по линии бабушки со стороны отца — Татьяны Семёновны Лизогуб (1743-1835) был кровно связан со знатными казацкими родами на Украине времен гетманщины. Он был потомком наказного гетмана Михаила Дорошенко и правобережного гетмана Петра Дорошенко, потомком наказного гетмана Якова Лизогуба и левобережного гетмана Ивана Скоропадского. Писатель — потомок четырех полковников: черниговского — Ефима Лизогуба, нежинского — Степана Забелы, киевского — Михаила Танского, переяславского — Василия Танского. Он внук секунд-майора Афанасия Гоголя-Яновского и внук офицера лейб-гвардии Измайловского полка Ивана Матвеевича Косяровского. По женской линии Гоголь состоял в родстве с Мазепой, Павлом Полуботком и Семеном Палием.

Но биографам великого писателя показалось недостаточным такое высокое родство гения. Они хотели, чтобы его предки и по линии Гоголей были непременно украинскими гетманами. Известный писатель, историк, критик и фольклорист Пантелеймон Александрович Кулиш в своей книге «Записки о жизни Н.В.Гоголя» (Спб, 1856) счел возможным дать в предки писателю как основоположника рода — Остапа Гоголя, сподвижника гетмана Петра Дорошенко. Биограф сообщает, что этот полковник в 1674 г. сдал свою Могилевскую крепость Речи Посполитой и перешёл на службу к польскому королю Яну Казимиру, за что получил от него деревню Ольховец.

Необходимо подчеркнуть, что, во-первых, в летописях упоминается Евстафий Гоголь, а не Остап Гоголь, собирательный художественный образ, а во-вторых, король за шесть лет перед тем отрекся от престола и поэтому не имел ни права, ни возможности раздавать земли никому, даже полковникам!

В полемику с первым биографом вступил знаменитый украинский историк Михаил Александрович Максимович. Он писал: «Господин Кулиш от себя дает в предки нашему поэту — известного полковника и гетмана Евстафия Гоголя. Такая замена одного лица другим показывает своевольное обхождение с историческим актом. Дед поэта, Афанасий Демьянович, конечно, лучше г.Кулиша знал своего деда Андрея Гоголя и не отказался бы от него ни для какого софамильца».

В августе 1850 г. Максимович две недели гостил у Гоголя в Васильевке и читал подлинные документы о предках писателя, которые впоследствии были утрачены.

«Что касается предков Гоголя по женской линии, то полковник переяславский Василий Танский происходил от известной польской фамилии этого имени и оставил Польшу в то время, когда Петр Великий вооружился против претендента на польский престол Лещинского», — сообщает биограф Гоголя Пантелеймон Кулиш в своей книге. Танский обратил на себя внимание царя своей храбростью, отвагой и умом в шведскую кампанию. Он был высокообразованным человеком, владел иностранными языками, в том числе французским и латинским. Писал драмы.

В 1742 г. внук гетмана Ивана Скоропадского Семен Семенович Лизогуб обвенчался с дочерью полковника Танского Анной. А через год у них родилась Татьяна Семеновна Лизогуб, в будущем — бабушка Гоголя.

Сегодня, наперекор документам, все исследователи пишут, что Василий Танский — волох по национальности или просто «чужеземец», а полковник Остап Гоголь — предок писателя.

О польских корнях Николая Васильевича знали все его современники. Знала это и княгиня Зинаида Александровна Волконская. Она познакомилась с Гоголем в Риме в 1837 году. В конце декабря 1838 г. на вилле Волконской устроили публичное чтение автором «Ревизора» в пользу бедного художника Ивана Шаповаленко. Княгиня была католичкой, одержимая страстным желанием и других вовлекать в лоно римской церкви. Княгиня мечтала обратить в истинную веру своего взрослого сына и Гоголя. Для этой цели она стала приглашать каждый день к себе в дом писателя и ксендзов — Петра Семененко и Иеронима Кайсевича, польских эмигрантов. Они участвовали в восстании 1830-1831 годов. Один в качестве артиллериста, другой — уланского офицера. Осенью 1837 г. с подложными паспортами они нелегально прибыли в Рим, чтобы вербовать приверженцев своему учителю Богдану Янскому, другу Мицкевича, основавшему в Париже новый католический монашеский орден. Религиозное братство видело свою задачу в том, чтобы способствовать духовному возрождению и сплочению эмиграции для продолжения борьбы.

Иероним Кайсевич записал в «Дневнике»: «Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше, совершил даже благополучное путешествие в Париж, чтобы познакомиться с Мицкевичем и Богданом Залесским».

Петр Семененко сообщил 17 марта 1838 года из Рима своему учителю Богдану Янскому: „Возвращаемся с обеда у княгини Волконской в сообществе ее, а также одного из наилучших современных писателей и поэтов русских, Гоголя, который здесь поселился. В разговоре он нам очень понравился. У него благородное сердце, притом он молод; если со временем глубже на него повлиять, то, может быть, он не окажется глух к истине и всею душою обратится к ней... Понятно, беседовали мы о славянских делах. Гоголь оказался совершенно без предрассудков и даже, может быть, там, в глубине очень чистая таится душа. Умеет по-польски, т.е. читает. Долго говорили о «Небожественной Комедии», о «Тадеуше» и пр. (...) Гоголь сказал нам, что читает Мерославского и что он ему нравится... Сего ради мы ему — о Вротновском и Мохнацком. Последнего ради языка и стиля. Это особенно увлекло Гоголя, ибо он хотел бы проникнуться силою польского языка». Оба миссионера всячески старались, чтобы у руководителя парижского братства создалось впечатление, что Гоголю оставался буквально один шаг до перехода в католичество. Сочувствие Гоголя к борьбе поляков за свою свободу, любовь к их литературе монахи истолковали превратно.

7 апреля И.Кайсевич и П.Семененко доносят Богдану Янскому: „Гоголь недавно посетил нас, назавтра мы его. Мы беседовали у него на славянские темы. Что за чистая душа! Можно про него сказать с Господом: «недалек ты от царствия Божия!» Много говорили об общей литературе... Удивительное он нам сделал признание. В простоте сердца он признался, что польский язык ему кажется гораздо звучнее, чем русский. «Долго, — сказал он, — я в этом удостоверялся, старался быть совершенно беспристрастным — и в конце концов пришел к такому выводу». И прибавил: «Знаю, что повсюду смотрят иначе, особенно в России. Тем не менее, мне представляется правдою то, что я говорю», о Мицкевиче с величайшим уважением».

12 мая из Рима Иероним Кайсевич пишет Б.Янскому: «С Божьего соизволения, мы с Гоголем очень хорошо столковались. Удивительно: он признал, что Россия — это розга, которою отец наказывает ребенка, чтоб потом ее сломать. И много-много других очень утешительных речей. Благодарите и молитесь...»

Последнее письмо польских монахов к их патрону, в котором упоминается имя Гоголя, помечено 25 мая 1838 года:

„...Гоголь — как нельзя лучше. Мы столковались с ним далеко и широко... Занимается Гоголь русской историей. В этой области у него очень светлые мысли. Он хорошо видит, что нет цемента, который бы связывал эту безобразную громадину. Сверху давит сила, но нет внутри духа. И каждый раз восклицает: «У вас, у вас что за жизнь! После потери стольких сил! Удар, который должен был вас уничтожить, вознес вас и оживил. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это вещь нигде неслыханная!»» (из книги В.Вересаева «Гоголь в жизни»).

Вскоре монахи удостоверились, что гениальный писатель был одним из самых безнадежных людей, которого когда-либо удастся обратить в католичество. Поэтому они сразу же прекратили с ним встречи и всякие разговоры о религии. Все предки Гоголя были православными.

...В августе 1980 г. я поехала в гости к внучке Елизаветы Васильевны Гоголь — 93-летней полтавчанке Софье Николаевне Данилевской, урожденной Быковой, чтобы уточнить некоторые места в биографии писателя.

— Я хорошо помню младшую сестру писателя — Ольгу Васильевну, — рассказывала Софья Николаевна. — Мне было 20 лет, когда она умерла. Её часто навещали художники, писатели, журналисты,. Они всегда останавливались в нашей Васильевке, в доме моего отца Николая Владимировича Быкова. Он был любимым внуком матери писателя Марии Ивановны Гоголь-Яновской и воспитанником Анны Васильевны, его сестры. Они свидетельствовали приезжим журналистам со слов матери, что Николай Васильевич родился в доме генеральши Протасовой. Но газетчики зачем-то выдумали небылицу, будто Гоголь родился во флигеле доктора Трахимовского. И что этот домик был крыт соломой, а в комнате имелся только глиняный пол! В действительности доктор арендовал землю у генеральши и поставил флигель для крепостных крестьянок, — сказала Софья Николаевна. — Надо отметить, что моя бабушка Елизавета Васильевна Гоголь, как и ее сёстры, родилась в доме генерал-майора Андрея Андреевича Трощинского, двоюродного брата матери писателя. При крещении ее держал на руках сам бывший министр юстиции и сенатор Дмитрий Прокофьевич Трощинский, а крестной матерью была Ольга Дмитриевна, внучка последнего короля Польши Станислава Понятовского. Журналисты не понимают, что мать Гоголя принадлежала к высшему сословию, поэтому не могла рожать во флигеле вместе с крепостными крестьянками. Сочинили газетчики, что детство гения прошло в среде старосветских помещиков, в доме которых почти не было книг. Но всем известно, что отец Гоголя Василий Афанасьевич был известным писателем, дружил с Котляревским, Капнистом. Хорошо знал Гнедича, Нарежного. А дед и прадед окончили Киевскую Духовную Академию и читали в подлинниках произведения Платона, Плутарха, Вольтера и Руссо. Мне непонятно, по какой причине журналисты пишут, что родители Гоголя бедствовали. Мать Николая Васильевича происходила из богатого рода Косяровских-Щербак. Ее отец одолжил 25 тысяч рублей под проценты мужу своей сестры. Не получив назад денег, он отсудил часть его имения — село Лукашевку. Почти 4 тысячи подарил ей на обустройство хозяйства дядя — сенатор Дмитрий Прокофьевич Трощинский, статс-секретарь Екатерины II. Он любил Марию Ивановну как родную дочь, а отца Гоголя любил как родного сына. Поэтому большую часть времени они жили в его имении Кибинцы. Отец ставил на сцене театра Трощинского свои пьесы на русском и украинском языках, а мать Гоголя часто выступала в главных ролях, потому что была не только дивной красавицей, но и талантливым человеком. В доме сенатора Гоголь с детства видел полотна английских, французских, голландских художников, слушал музыку Баха, Бетховена, Моцарта в исполнении домашнего оркестра, а в парке любовался итальянской скульптурой. Всё это воспитывало и развивало его талант. Биографы умолчали, что с колыбели рядом с Никошей всегда находилась талантливая Катерина Ивановна Косяровская, родная сестра матери писателя. Она обладала великолепным голосом и уникальной памятью. От нее и от матери Гоголь с детства узнал сотни украинских народных песен, поверий, обычаев, забавных историй, которые позже вошли в его повести. Любил ее слушать историк Максимович, когда гостил в Васильевке. Он тоже восхищался пением Катерины Ивановны.

— Софья Николаевна! Сегодня продолжают спорить: Гоголь — украинский или русский писатель?

— Я считаю, что Польша тоже может по праву гордиться этим гением! Ученые умолчали о польских корнях Николая Васильевича. В родительском доме в гостиной висел польский герб рода Яновских. Ольга Васильевна, младшая сестра писателя, говорила, что Танские — тоже выходцы из Польши. Все они были офицерами и служили в кавалерии. У моего отца до революции хранились их документы. Я помню, что фамилию Гоголь носила мать деда писателя. Чтобы ее сохранить, дед стал именоваться Гоголем-Яновским. В 1919 г. мы с моей мамой, Марией Александровной Пушкиной, внучкой поэта, по рекомендации писателя Короленко передали весь архив семьи Николая Васильевича в Полтавский народный музей. Но почти все эти бесценные реликвии были разграблены фашистами

в 1943 году. Недавно Виктор Николаевич Батурин, главный художник заповедника-музея Гоголя, заверил меня, что вскоре в нашей Васильевке будет восстановлен флигель и родительский дом писателя. А в гостиной рядом с украинским гербом бабушки писателя Лизогуб будет висеть польский герб деда Яновского. Это справедливо!

— Говорят, что гениальность — это как молния, сгусток энергии талантов нескольких поколений и смешения крови разных национальностей!

— Да! Это полностью относится и к Гоголю! — ответила Софья Николаевна Данилевская. — У него в роду было много литературно одаренных людей. Богато одаренной натурой была и его мама Мария Ивановна! Она вела обширную переписку с родными и со многими писателями. А род Шостак, бабушки Гоголя со стороны матери, Марии Ильиничны, происходил из татар. Предки гения — Дорошенко, Скоропадские, Лизогубы, Косяровские — знаменитые роды Украины.

...В августе 1994 г. я приехала в Люблин, чтобы поработать в библиотеке университета имени Марии Кюри-Склодовской.

Сын графа Станислава Грохольского (1881—1938) Генрих Станиславович предложил мне просмотреть тома «Польских гербов», изданных в Варшаве в 1839—1845 и в 1899—1914 годах.

В этих документах фамилия Яновских, которые имели герб «Ястшембец» («Ястребок»), как и дед писателя, упоминается с 1376 года. Действительно, в Польше проживал Прокоп Яновский и Ян, чьи имена указал дед писателя в документе 1788 года.

Как свидетельствуют польские документы, основоположником рода Гоголей был Иоанн Гоголь (умер около 1602 г.) — архимандрит Кубинского монастыря, православной веры. В 1595 г. король назначил его епископом Пинским и Туровским.

Внутренняя часть родового польского герба Гоголей и Яновских — «Ястшембец» состоит из боевого щита, поле которого голубое. В центре щита находится подкова концами вверх. Внутри нее — четырехугольный кавалерийский крест. Внешняя часть герба, металлический шлем, — это символ рыцарского происхождения, участия в боях. На шлеме находится дворянская корона. На короне сидит ястреб, который в когтях держит уменьшительную подкову с крестом. Весь герб обрамлен лавровыми ветками.

...До сих пор семь греческих городов оспаривают почетное право именоваться родиной Гомера. Трем странам: Украине, России и Польше — по крови и по языку принадлежит гениальный писатель Николай Васильевич Гоголь.

ЯПОНЕЦ В ВАРШАВЕ

Беседа с художником Кодзи Камодзи

«По форме моя работа напоминает работу градостроителя. Для меня так же важны расположение, вес, фактура и фон поверхности — только цель моя совершенно отличается от градостроительной. Для меня важно не построить что-то новое, а отыскать и запечатлеть вещи, которые нами забываются, и мир, от которого мы всё больше удаляемся. Я хотел бы найти такую форму, чтобы добиться ощущения их присутствия».

Кодзи Камодзи (1967 год, Варшава)

— Ваша семья уже довольно долго тесно связана с Польшей. Старший брат вашей матери Рётю Умеда уже в двадцатые годы был известным знатоком, переводчиком и популяризатором польской литературы, а также первым преподавателем японского языка в Варшавском университете. Ваш дядя Юкио Кудо, второй муж Хисаё Умеды, вдовы Рётю Умеды, — личность особенно выдающаяся, благодаря ему в Японии изданы переводы книг Бруно Шульца, Станислава Игнация Виткевича, Витольда Гомбровича, он перевел также «Пана Тадеуша». Он был автором многих книг о Польше, публицистом, эссеистом, поэтом. Велики также заслуги профессора Юкио Кудо в деле развития независимого издательского движения в Польше при минувшем режиме. Считаете ли вы, что именно эти связи и их любовь, которой они дарили Польшу, повлияли на то, что и вы выбрали местом своей жизни нашу страну?

— Да, мой дядя Умеда, старший брат моей матери, оказывал на меня очень большое влияние, особенно когда я подрастал, был старшеклассником: ему было уже за 60, а своих детей у него еще не было, и он хотел меня усыновить, но моя мать не дала на это согласия. Он был для меня непререкаемым авторитетом и оказал на меня серьезное влияние. Я часто навещал его, проводил с ним довольно много времени, мы подолгу беседовали. Это он организовал первую выставку моих работ. Он был профессором — преподавал в университетах Осаки и Киото.

Как-то летом во время каникул я поехал к нему в Киото и писал там картины. Дядя пригласил своих коллег, других профессоров из университета, сам сделал для меня плакат-афишу — приглашение на выставку на английском языке. Это была моя первая персональная выставка. Он купил у меня несколько работ, но, правда, не заплатил за них *(смеется)*. Потом я получил в подарок от его жены набор красок, и это положило начало, начало моим серьезным занятиям живописью. Я помню несколько своих первых картин, было это во время войны. Мы жили в деревне на берегу Японского моря, я часто писал картины на бумаге, мне просто очень нравилось это дело.

— Откуда в вашей семье возник интерес не только к польской литературе, но и вообще к Польше?

— Отец моих матери и дяди, то есть мой дед, который был юристом и работал на большой концерн «Мицуи», оказался замешанным в какое-то неясное дело, которое довело его до банкротства. Из-за происшедшего с ним все его дети воспитывались в разных семьях.

Дядя Рётю Умеда воспитывался в храме, там он занимался изучением буддийской философии, поэтому был не только монахом и доктором философии, но интересовался также искусством, играл на скрипке, потом ему захотелось продолжить учебу, изучая европейскую философию, и, кажется, в 1921 г., будучи на первом или втором курсе, он отправился в Берлин. На том же корабле возвращались с Дальнего Востока и польские офицеры, в том числе польский летчик Станислав Миховский, с которым дядя очень подружился. Спустя много лет, во время вернисажа моей выставки в Познани, я встретил его внучку — польскую художницу Агату Миховскую.

Проведя год в Берлине, дядя приехал в Польшу. В Варшаве он прожил много лет, и у него появилось немало близких друзей, но его дружба со Станиславом Миховским была какой-то особенной — вероятно, поэтому в 1962 г., перед самой смертью, дядя, приняв крещение, взял имя Станислав как второе имя.

Дядя вращался в художественной среде и был, как я уже сказал, человеком, обладавшим многими талантами; он не только занимался переводами польской литературы — в его доме бывали известные поэты и писатели, в частности Константы Ильдефонс Галчинский. Дядя принадлежал к варшавской богеме довоенного времени.

Хайку – Вода 1994. Инсталяция

Когда в 1939 г. началась война, он был болен, и посольство Японии эвакуировало его на Балканы. Там он и находился во время войны. Потом через СССР он вернулся в Японию. После войны о возвращении в Польшу уже не было речи, но он поддерживал тесные и довольно частые контакты с друзьями в Польше с помощью переписки, а благодаря его любви к Польше и исполняя его желание, в 1963 г. попал в Польшу его сын Ёсихо Умеда, а я — еще на несколько лет раньше.

— Вы приехали в Польшу в 1959 г., когда вам было 24 года. Теперь, полвека спустя, вы себя ощущаете больше поляком или японцем?

— Теперь это уже трудно разделить. Что касается работы, то совершенно очевидно корни мои в японском искусстве и японских традициях, так что в этом смысле я больше японец. Кроме того я думаю, что человек, старея, начинает со временем возвращаться к своим корням. Что же касается моей повседневной жизни, то я не чувствую себя тут чужим, я — среди коллег и друзей. Если говорить о кухне, то мне нравится кухня и той и другой страны.

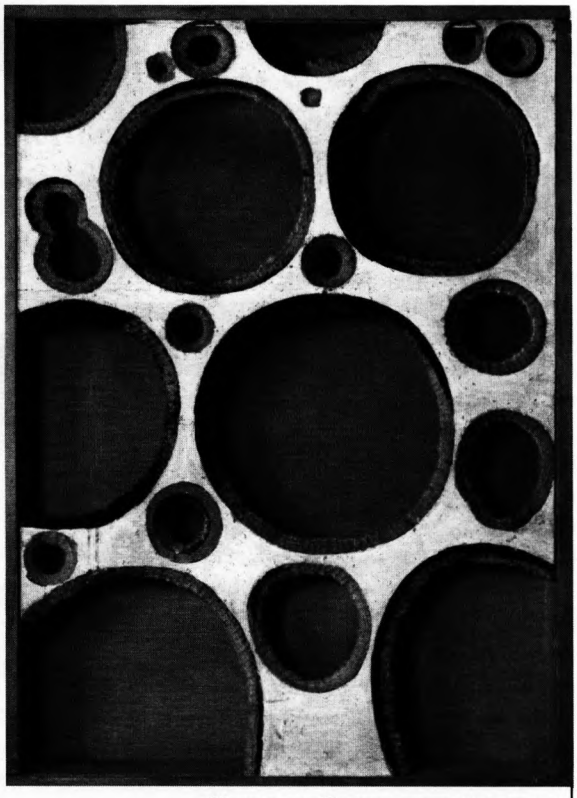
Когда я приехал в Польшу, мне было 24 года, а если человек молод, ему легко приспособиться; кроме того, я был сосредоточен на том, чем хотел заниматься.

— В своем творчестве вы часто обращаетесь к играм и воспоминаниям детства. Каким было ваше детство?

— Думаю, детство для каждого человека остается по-своему чем-то магическим и чем-то единственным. Мое не было никаким особенным, но, думаю, переживания ребенка всегда глубоки и неповторимы. Всё происходит впервые и воспринимается весьма интенсивно. У меня детство пришлось на время войны, голода и эвакуации. Оно было трудным, но, когда спустя годы я возвращаюсь к этим воспоминаниям, оно мне представляется уже не таким горьким и вспоминается с каким-то даже любопытством. Я помню, что мы были тогда постоянно голодны, приходилось самим добывать еду. Я также помню, что не раз я ощущал свое отчуждение и в начальной школе, и в лицее. Но когда я начал учиться в Японии в Академии художеств «Мусасино» в Токио (диплом я получил в 1958 г.), а потом в Варшаве (диплом защитил в 1966-м в мастерской профессора Артура Нахт-Самборского), тут я наконец ощутил, что нахожусь среди своих, что я оказался в своем мире и в мире людей, подобных мне. Занятия живописью меня очень увлекали.

— Удавалось ли жить за счет искусства?

— Содержать семью было трудно. Когда я был студентом, у меня уже было трое детей: сын Коитиро и две дочери — Моника и Беата. Я получил стипендию от тогдашнего министерства культуры и искусства, но ее, разумеется, не хватало на то, чтобы содержать семью из пяти человек, поэтому, используя знание языка, я начал работать переводчиком в польском филиале фирмы «Мицуи», в которой когда-то работал мой дед. Каждый год я ездил на Познанскую международную ярмарку, вел торговые переговоры, продавал разные вещи, и это позволяло мне содержать семью. Когда в Польше было объявлено военное положение, объем торговли между Польшей и Японией сократился, так что я уже просто ходил в офис: я ходил туда ежедневно, но работы для меня не было, и поэтому меня не покидало постоянное ощущение неловкости; у меня был свой письменный стол, но прежде я работал в основном на выезде — продавая станки, химические средства, но это кончилось, и теперь мне каждый день приходилось сидеть за столом без всякой работы. Всё это время, работая в «Мицуи», я одновременно писал картины — приходя домой, я сбрасывал пиджак, галстук и элегантные черные ботинки, которые ненавидел, и начинал писать картины. Благодаря этому мне удавалось сохранять душевное равновесие.



Из цикла «Прушковские картины»

Я провел за этим столом в «Мицуи» больше десяти лет, но чувствовал, что сидеть в бездействии больше не могу, поэтому в конце концов уволился по собственному желанию, хотя всё это время мне исправно платили зарплату. Я чувствовал себя очень плохо, получая деньги за работу, которую даже не мог выполнять, ибо ее не было. В то время в связи с военным положением сюда приезжало много журналистов из-за границы. Я начал работать переводчиком в японской газете «Асахи» и проработал там очень долго.

Зарабатывая таким образом на жизнь, я мог и семью кормить, и заниматься живописью. Я никогда не стремился разбогатеть, не стремился стать журналистом или бизнесменом, я просто хотел писать картины. Но надо добавить, что это было время весьма интенсивной и очень трудной жизни, я говорю о самом начале моей жизни в Польше. Это не только учеба в Варшавской Академии художеств, появление семьи, троих детей, но и смерть моей жены.

К этому периоду относятся «Виды Прушкова», тогда мы жили в Прушкове под Варшавой, я многим обязан людям из этого города, но даже по прошествии 50 лет я испытываю к этому периоду какое-то неприязненное чувство и не могу относиться к нему отстраненно.

Это было очень трудное время для меня и для моих детей. Это было время, когда во что бы то ни стало мне надо было сохранить хоть какое-то психическое равновесие, и это равновесие давало мне искусство.

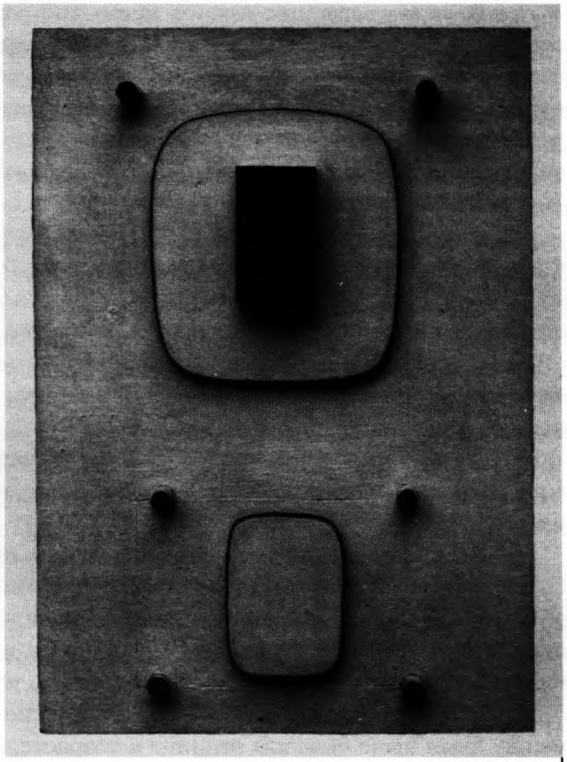
В офисе, помню, я очень стеснялся признаться, что пишу дома картины; я делал это тайком, по вечерам, днем работая среди людей бизнеса. На самом деле я всегда писал картины больше для себя, иногда кое-что продавал, но редко, в последнее время продаю немного.

На этом очень сложно создать ощущение безопасности и обеспечить существование семьи. Я вообще не рассматриваю искусство как объект продажи, ну, может быть, лишь сам результат, которым является картина. Хотя мой профессор в Японии говорил, что если картина сделана хорошо, если

она завершена, то у нее появляется своя самостоятельная жизнь, независимая от ее создателя, и не надо о ней заботиться, тогда уже она может отправляться в мир.

Если картина не завершена, то с ней трудно расстаться.

Вон там висит картина, которую я начал писать в 60-е годы, она всё время была в мастерской, странствовала со мной, сопровождала меня, иногда хранилась на складе; она мне постоянно мешала, так как была очень большая. Так она простояла 40 лет, и в какой-то момент я посмотрел на нее другими глазами и в принципе ничего в ней не изменил, лишь добавил то, чего не хватало, и думаю, что теперь она готова к показу — она завершена.



Из цикла «Прушковские картины»

— Ваше творчество неразрывно связано со стихией, с природой и ее символикой. Вода, воздух, небо, пространство составляют важнейшие элементы. Часто появляется мотив воды. Что вас в ней привлекает?

— Вообще-то я сам не знаю. Я не сознавал, что тема воды всё время ко мне возвращается, пока Стефан Шидловский не предложил мне несколько лет тому назад устроить выставку моих работ, связанных с водой, — только тогда я осознал, что вода в моей живописи постоянно присутствует. Почему? Эта тема мною не придумана, она существует в моем подсознании.

В японском искусстве связь между природой и искусством очень сильна, это одна из самых характерных черт японского народа. У каждого народа есть какие-то характерные черты, например лексика. В Европе меня удивило очень большое количество слов, которые используются для определения сортов мяса: ошеек, грудинка, окорок — масса таких слов. А в Японии нет традиции животноводства, поэтому нет такого количества названий. Зато в Японии очень много слов, которые связаны с природой, очень много определений существует для дождя, свое определение есть и у каждого мельчайшего изменения атмосферы. Есть очень много разных нюансов, почти незаметных изменений, для которых существуют свои названия.

— Оказывает ли влияние на ваше творчество японский сад?

— Да, особенно сад дзен, я очень любил ездить в Киото и Нару, меня интересовало японское средневековье, XI-XIII век, когда создавались великолепные сады. Меня восхищало и то, как они создавались, и те идеи дзен и буддизма, которые лежали в основе возникновения этих садов. Мне кажется, человеку, для того чтобы найти в себе покой, следует найти свое место. Буддизм — это поиски, а не только религия и философия; быть может, он менее догматичен, но в нем очень много радости. Хотя всё зависит, разумеется, от того, о каком периоде идет речь.

— На ваше творчество оказывает мощное влияние не только ваш собственный трудный опыт, переживания детства, которое пришлось на время войны, смерть в Японии вашего друга Сасаки, которому вы посвятили много работ. Спустя несколько десятков лет вас взволновало самоубийство двух мальчиков из Токио, которые вместе выбросились с четырнадцатого этажа. Вы также создали картину под влиянием истории старика, который после смерти жены, чтобы исполнить ее желание, купил яхту и пересек на ней Тихий океан. Я в ваших работах нахожу цельность, гармонию и невероятное ощущение покоя.

— В моем творчестве важное место занимают работы, которые были созданы под влиянием трагической смерти моего друга Сасаки, в возрасте 20 лет совершившего самоубийство. Первую свою работу под влиянием этого трагического события я создал в 1978 году. Это была инсталляция в галерее «Деса» в Новой Гуте, которая получила название «Территория». Потом был создан целый ряд картин. В какой-то мере я стремился осуществить в этих работах мечту Сасаки. Мечту, которую он не смог осуществить, — он хотел стать художником. Эта его мечта сопровождала меня все время — я ощущал его присутствие.

Некоторые работы возникли благодаря информации, почерпнутой из интернета. Так было в случае тех двух разбившихся мальчиков из Токио — появилась картина «Смерть мальчиков»; то же было со стариком, который после смерти жены в возрасте 80 лет продал дом, купил яхту и отправился на ней в плавание, чтобы исполнить последнее желание покойной жены, — картина «Восьмидесятилетний человек». Эти истории меня взволновали и одновременно тронули, под их влиянием возникли картины, хотя я думаю, что, будучи буддистом, я умею взглянуть на всё это и несколько по-иному. Отстраненно.

— На протяжении многих лет вы дружили с Генриком Стажевским — одним из самых известных представителей польского авангарда. Какое влияние эта дружба оказала на ваше творчество?

— Вскоре после окончания учебы у меня прошла выставка в галерее «Фоксаль» — Генрик Стажевский был одним из основателей этой галереи. Так мы познакомились, мне в Польше вообще очень повезло, я познакомился со многими известными художниками: с Генриком Стажевским, Яном Леницой, Эдвардом Красинским и многими другими. Моим учителем был Артур Нахт-Самборский. Что касается Стажевского, то у него я более всего ценю свободу, спокойствие, отсутствие догматизма, а также неравнодушное отношение к людям. Я его очень любил, хотя между нами была большая разница в возрасте, около 40 лет, я еще только закончил учебу, а ему было уже за 70. Как-то на улице Новый Свет я спросил его, сталкивался ли он когда-нибудь с финансовыми проблемами — у меня они тогда как раз были, и он с улыбкой мне отвечает: «Они у меня по-прежнему есть».

Потом у него была ретроспективная выставка в галерее «Захента», и он начал потихоньку продавать свои произведения, но жизнь вел монашескую. У него была железная раскладушка, и он спал на ней до конца своих дней; на материальную сторону жизни он не обращал внимания, как и Эдвард Красинский; они жили вместе, и жизнь их была похожа на жизнь буддийских монахов. Их искусство не было коммерческим. Стажевский, вставая каждый день рано утром, начинал писать в шесть утра, причем всегда пунктуально, а примерно в полдень его уже ждали несколько человек в кафе Союза архитекторов. Он записывал свои мысли на листочках бумаги, и это были совсем короткие тексты; кто хотел, мог их получить — записанные афоризмы. Это была прекрасная идея — записывать мысли, ведь мысли могут улететь, а его мысли были очень ценными: четкими и лапидарными, как его картины.

— В 1994 году в галерее Легионовской публичной библиотеки вы выставляли инсталляцию «Хайку — Вода». В здании библиотеки вы выкопали колодец, в полу библиотеки зияла дыра, из которой можно было черпать воду.

— В Легионове директором библиотеки был Стефан Шидловский, он часто устраивал разного рода выставки, встречи с философами, музыкантами; это был весьма активный в творческом смысле центр, где происходили любопытные вещи. Я как-то показал ему проект колодца, ему понравилось, и он сказал: сделай это у меня в библиотеке. Мы всё делали втайне, несколько недель копали по ночам, по субботам и воскресеньям, когда библиотека была закрыта, всё происходило в строгой конспирации, в конце концов мы докопались до воды.

Многие спрашивали меня, откуда я мог знать, что там есть вода, а мне тогда казалось, что вода под землей есть повсюду. Я повесил кусок жести над этим колодцем, и появилось отражение этой воды — ее дух. Технически это было трудным делом, но у меня получилось. Когда мы закончили, разгорелась дискуссия по поводу этой работы и границ искусства: можно ли прорубать дыру в полу библиотеки для создания инсталляции.

Дискуссия разгорелась прежде всего в СМИ, в частности на телевидении, мой друг потерял работу из-за этой дыры, но потом он стал замдиректора Уяздовского замка — Центра современного искусства в Варшаве. Идея была моя, но именно Стефан рискнул ее воплотить.

Вернемся еще раз к теме воды, к которой я обращаюсь в моих работах. Мне было три года, когда мой отец захотел сделать ремонт в доме, мы жили тогда в самом старом районе Токио. Коллега отца сказал ему, что если он хочет сменить место, где брать воду, то следует посоветоваться с тем, кто разбирается в этом вопросе. И порекомендовал моему отцу человека, который пришел к нам; я помню старичка с седой бородой — он знал принципы Фэнь-Шуй, которыми следует руководствоваться для счастья, удобства и здоровья живущих в доме людей. Он сказал моему отцу, что в доме, где мы живем, ни один ребенок не проживет более трех лет. Поскольку моя сестра умерла, когда ей не было и трех лет, а мне уже было почти три, родители испугались, что, раз мы берем воду из неправильного места, со мной может произойти что-то нехорошее. И тогда мы переехали оттуда и следующие 17 лет прожили по-прежнему в границах Токио. Потом снова этот старичок пришел и сказал, что вновь надо сменить место, и мы еще раз переехали. Когда всё Токио подверглось бомбардировке и там погибло сто тысяч человек, тот район, где мы жили, уцелел, и мы уцелели, нас было довольно много — большая семья из одиннадцати человек, дети, родители, дедушки и бабушки и приемная дочка — из семьи наших дальних родственников. Прежние наши дома исчезли с лица земли, а мы благодаря этим переездам остались живы.

— А что вы пытаетесь найти в искусстве?

— Может быть, гармонию между собою и миром? Картина — результат такого поиска. И каждая следующая картина — своего рода остановка на этом длинном пути.

Беседу вела Сильвия Кшемяновская

Кодзи Камодзи — художник, автор объектов и инсталляций. Родился в 1935 году в Токио. В 1953-1958 учился в Токио в Академии художеств «Мусасино», в мастерской профессоров Сабуро Асо и Тёонана Ямагути. В 1959 приехал в Польшу и поступил в Варшавскую Академию художеств. Лауреат премии «Критики» им. Норвида (1975). С 1967 сотрудничает с варшавской галереей «Фоксаль». Живет и работает в Варшаве.

Станислав Мария Салинский

ЗВЕЗДА
(Фрагменты)

Семейные связи японского художника Кодзи Камодзи, живущего в Польше, побуждают обратиться к воспоминаниям Станислава Марии Салинского о молодых годах Константы Ильдефонса Галчинского. Действие происходит в 1923-1925 гг. в среде варшавской богемы. Одно из мест, где любили встречаться люди этого круга, — Милянувек под Варшавой. Здесь, на вилле «Жемчужина», жила Нина Есипова, кузина Салинского, которая до приезда в Польшу успела соприкоснуться с литературным миром Петербурга и была отличным источником сведений о поэтических новинках. В «Жемчужине» беседовали, читали стихи, опорожняли бутылки. Атмосфера этих пиров отчасти запечатлена в сюрреалистической повести Галчинского «Порфирион Ослик, или Клуб святотатцев» (1929).

П.М.

Пиры в Милянувеке. Поэтический ветер несколько лет спустя навеял Константы одно из самых прекрасных его ранних стихотворений. Через четыре года после Милянувека он написал «Пиршество»:

Я не зря собрал вас на большой поляне:
разговор здесь легче, веселей гулянье.
В городе все люди — тюфяки с соломой,
мы же в чаще леса собрались, как дома.
Видите: восходят в сини величавой
звезды, неразлучны с грустью и со славой,
обрезают берег, сосен вереницы,
заставляют иглы мягко серебриться.
Лютняры, начните свой обряд певучий!..

(Пер. Ю.Покровской)

«Лютняры, начните свой обряд певучий!» Начинал, к примеру, Умеда. Молодой студент из Токио, буддист, из иностранных языков едва владевший начатками английского, попал в Варшаву в результате некоторых перипетий. Миховский по дороге с Дальнего Востока в Польшу обнаружил его в совершенно беспомощном состоянии в каком-то европейском порту, не то в Триесте, не то в Марселе, и привез в Варшаву. Не помню, каким образом, но Умеда был зачислен в состав студентов Варшавского университета, после чего сразу обзавелся пурпурно-белой конфедераткой, которую носил не снимая. Эта конфедератка при полном незнании языка ее носителем каждый день вызывала множество неожиданных недоразумений Умеды с окружающими и окружающих с Умедой. Но Умеда был поэтом, причем хорошим поэтом, как оказалось позже, когда он смог перевести свои японские стихи на польский, — так что он не придавал этим коллизиям особого значения, хотя порой они были для него довольно неприятны. Желтое лицо на улицах Варшавы в те времена было редкостью и вызывало не всегда благожелательную реакцию. Ну а желтое лицо в польской конфедератке — тем паче...

После того как Умеда и Миховский несколько дней провели у меня и моей матери на Пулавской, они в качестве первого своего жилища в Варшаве по странному совпадению сняли однокомнатную квартирку без кухни, пустую, отчаянно мрачную и убогую.

Итак, «лютняром» бывал, к примеру, Умеда — искренне счастливый, что может декламировать свои стихи. Не важно, что кроме Миховского и меня (в минимальной степени) их никто не понимал. На фоне березок и мазовецкой атмосферы Милянувека от японской речи Умеды веяло особым очарованием. Миховский как мог переводил некоторые из стихов Умеды, при этом обнаружилась их

необычайная лапидарность и экономия слова-звука при большом объеме содержания. Одно из прочитанных им стихотворений я запомнил, оно звучало так: «Человек найдет в себе достаточно сил, чтобы удержать корабль, бегущий по вспененным волнам, но не найдет сил удержать убегающую любовь». Константы привлекало в японском языке именно искусство лапидарности. Со временем они с Умедой общались всё легче и глубже — Константы благодаря своему английскому, Умеда — благодаря своему растущему с каждым днем запасу польских слов. Кто знает, не эхом ли поэтического приятельства с Умедой было написанное пятью годами позже стихотворение Константы, весьма «японское» по интонации и рисунку:

На дороге яблони цвет
благоухает в молчанье —
на стене теней отраженье —
глупые птицы на тени.

rys. Dmitrij Szewionkow-Kismiełow

Станислав Мария Салинский (1902-1969) — уроженец Восточной Сибири, учился во Владивостоке — в школе и мореходном училище. Дебютировал прозой на русском языке. В 1921 переехал в Польшу. Был автором множества рассказов на морские темы и двух детективных романов.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» После многих лет неудач — наконец успех польской кинематографии на Международном кинофестивале в Венеции! Две награды получила картина «Essential Killing» («Необходимое убийство») Ежи Сколимовского — специальную премию жюри и кубок Вольпе за лучшую мужскую роль Винсенту Галло, хотя актер в фильме не говорит ни слова. Это история талиба, афганского пленного, который бежит во время перевозки на тайную военную базу где-то в Восточной Европе. Основой сценария послужили сообщения о тайных посадках в Польше самолетов ЦРУ с пленными террористами.

Квентин Тарантино, председатель жюри, считает «Essential Killing» жестким и мужским кино. «Нам не нравится ни Галло, ни герой, которого он играет, но мы хотим, чтобы он выдержал, — сказал американский режиссер 11 сентября сразу после оглашения вердикта. — Если бы мы его встретили в настоящей жизни, он бы нас убил. Но в кино — за что я и люблю кино — мы следим за ним заинтересованно, даже, быть может, ему сочувствуем».

— «Essential Killing» — фильм удивительный («bizarre», чудной, как говорят в Венеции), сбивающий зрителя с толку, заставляющий (насколько успешно?) выйти за пределы оппозиций «свой — чужой», «жертва — преследователь», — считает кинокритик Тадеуш Соболевский. И добавляет: — Это фильм, полностью очищенный от ненависти. К нему неприложимы никакие лозунги, ни идеологические, ни религиозные, которые разделяют людей и вызывают общественную ненависть. Побег, который мы наблюдаем и которому в силу вещей сопутствуем, — акт невозможный. Мы не увидим его результата — только белизну снега.

Польское кино ждало награды в Венеции 17 лет. Последним польским лауреатом фестиваля был Кшиштоф Кеслёвский, который в 1993 г. получил Золотого Льва за фильм «Три цвета. Синий».

» Агнешка Одорович, директор Польского Института киноискусства, сообщила, что Польша предпримет попытку выдвинуть картину Сколимовского, почти лишенную диалогов, на «Оскар» в конкурсе с американскими фильмами.

А нашим кандидатом на «Оскар» в категории «лучшей неанглоязычный фильм» стала картина «Всё, что я люблю» Яцека Борцуха. Таков выбор Польской комиссии «Оскара» под председательством Агнешки Холланд. В сообщении комиссии, в частности, отмечается: «В этом фильме много бодрости и тепла, это также интересная попытка взгляда на наше недавнее, запутанное и столь трудное для переноса на экран прошлое. Фильм получил положительные отзывы публики, был также показан в США и встретил там очень теплый прием. Это дает гарантию, что, если даже в нынешнем году польскому фильму не удастся добиться выдвижения на «Оскар», он вызовет симпатию, заинтересованность и будет достойно представлять наше кино».

Этот фильм о времени военного положения завоевал симпатии зрителей в Польше благодаря своей интонации, лишенной страдальчества, мученичества, национального мессианства. Бартош Венглярчик на страницах «Газеты выборчей» писал о нем так: «Очень редкое в польском кино соединение умного сценария и безукоризненной работы всей группы. Рассказ о взрослении во время военного положения. Полуостров Хель. Старшеклассник организует панк-роковую группу и знакомится с девушкой. На фоне — его родители: мать, работающая в «Солидарности», и отец, военный моряк (в этой роли единственная звезда в картине — Анджей Хира). На фестивале в Гдыне «Всё, что я люблю» был фильмом, которому больше всего аплодировали зрители. И совершенно справедливо».

» Очередной шедевр польской киноклассики вернулся на экран в новом, цифровой варианте. 13 сентября в варшавском кинотеатре «Культура» состоялся торжественный показ

фильма «Последний день лета» (1958, режиссеры Тадеуш Конвицкий и Ян Лясковский). Это аскетичная картина о столкновении двух одиночеств («На пустом пляже встречаются двое. Не могут сойтись») в свое время была награждена на фестивале в Венеции, получила главную премию на «Экспо» в Брюсселе и первый приз на фестивале в Лондоне.

Готовятся показы очередных цифровых реконструкций выдающихся фильмов, таких как «Рукопись, найденная в Сарагосе» Войцеха Ежи Хаса, «День поминовения» Конвицкого и «Свадьба» Вайды.

» 14 сентября — десять лет со дня смерти Ежи Гедройца. В канун годовщины Объединение сотрудников польской редакции и друзей радиопередач «Свободной Европы» им. Яна Новака-Езёранского организовало в варшавском «Радиокафе» встречу, посвященную редактору парижской «Культуры». В ней приняли участие Рафал Хабельский, историк печати, автор книги «Куда нам суждено идти. Ежи Гедройц от «Бунта Молодых» до «Культуры»»; Томаш Яструн, поэт, прозаик, эссеист, автор книги под названием «Искоса» — цикла фельетонов, опубликованных на страницах «Культуры» под псевдонимом Смеч; Здислав Кудельский, литературовед, преподаватель Люблинского католического университета, исследователь творчества Герлинга-Грудзинского, редактор 12-томного собрания его сочинений; Ежи Помяновский, главный редактор «Новой Польши», специалист по Восточной Европе, прозаик, эссеист, переводчик, который под псевдонимом Михал Канёвский перевел для «Института литерацкого» в Париже произведения российских диссидентов (в том числе трехтомный «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына).

» По тому же поводу Институт Восточной Европы Варшавского университета и Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского организовали сессию «Ежи Гедройц: политика — культура — Восток. Десять лет после смерти редактора». Сессия прошла в Бальном зале Дворца Потоцких на варшавской улице Краковское Предместье. В ней приняли участие авторы книг и статей, посвященных как Ежи Гедройцу, так и польской восточной политике. Среди них были преподаватели Варшавского университета профессор Анджей Менцвель, Рафал Хабельский, Анджей Ст. Ковальчик, Генрик Шляйфер и Ян Малицкий, публицисты Иза Хруслинская и Богумила Бердыховская, а также Магдалена Гроховская из «Газеты выборчей», автор биографии Гедройца.

» Несколькими днями раньше, 8 сентября, в Доме пограничья в Сейнах открылась выставка «Литовскими путями Гедройцев и Чеслава Милоша». Автор выставки, фотограф и путешественник Ян Тадеуш Склодовский, проводил для министерства культуры фиксацию «польских следов» на территории былого Великого Княжества Литовского. В Сейнах были показаны фотографии старинных дворцов, поместий, костелов, часовен и кладбищ в Литве, связанных с родами Гедройцев и Милошей. Гедройцы были по преимуществу связаны с Жемайтией, а владения Милошей находились в долине Невежа. Фотограф проследовал путем обоих родов.

» Актриса Майя Коморовская, режиссер Марцель Лозинский и писатель Павел Хюлле стали лауреатами премии президента города Гданьска «Нептуны-2010». Торжественное вручение наград состоялось в Дворе Артуса в Гданьске во время церемонии открытия фестиваля «Solidarity of Arts».

«Нептуны» присуждаются с 2006 г. польским и зарубежным творцам, которые в своей художественной деятельности обращаются к гданьским традициям или современности, а их произведения оставляют прочный след в истории города. В прошлые годы лауреатами были, например, Анджей Вайда, Фолькер Шлёндорф, Кристина Янда, Эва Поблоцкая, Ежи Радзивилович, Агнешка Холланд и Кшиштоф Пендерецкий.

» Опубликован список полуфиналистов пятой литературной премии Восточной Европы «Ангелус». В нем четырнадцать названий, в том числе семь польских книг, три румынские и по одной — из Германии, Чехии и Венгрии. Польские писатели, имеющие шанс получить премию, — это Войцех Альбинский («Achtung! Banditen!»), Анджей Барт («Реверс»), Яцек Дукай («Воронец»), Збигнев Крушинский («Последний отчет»), Анто-

ний Либера («Годо и его тень»), Януш Рудницкий («Смерть чешской собаки») и Анджей Стасюк («Таксим»). В конце сентября станет известен «короткий список» премии — «семерка». Лауреата мы узнаем 4 декабря на торжественной церемонии. Премия учреждена городом Вроцлавом.

» В финале премии «Нике» 2010 г. семь книг польских авторов: три сборника стихотворений, сборник рассказов, драма, репортаж и биография. И ни одного романа! Семерку финалистов составили Малгожата Гроховская («Ежи Гедройц. В Польшу из сна»), Яцек Денель («Контрольный экран»), Януш Рудницкий («Смерть чешкой собаки»), Тадеуш Слободзянек («Наш класс»), Петр Соммер («Дни и ночи»), Юлия Хартвиг («Светлое темное») и Войцех Ягельский («Ночные скитальцы»). Имя лауреата объявят 3 октября.

» Краковское издательство «Знак» опубликовало неизвестную книгу скончавшегося год назад Лешека Колаковского под названием «Ересь». Это извлеченные спустя годы «из стола» тексты 16 лекций, с которыми выдающийся философ выступил в начале 1980-х на польских волнах радио «Свободная Европа». Колаковский ставил в них очень интересные вопросы. Существуют ли современные еретики? Как возникают новые идеологии и где пролегают границы терпимости? Действительно ли столь велика разница между ересью и догмой? Что служило основой признания тех или иных взглядов ересью: демократическое голосование или, быть может, случай? Колаковский очень доступно описывает главные «течения святотатства», прослеживая одновременно их влияние на политику, быт и религиозность обществ.

» Издательство «Sic!» объявило о выпуске осенью двух новых книг Ярослава Марека Рымкевича, известного поэта, драматурга и эссеиста, лауреата премии «Нике» 2003 г. (за сборник стихов «Закат в Милянувеке»), лауреата премии им. Юзефа Мацкевича в 2008 г. (за историческое эссе «Вешанье»), члена комитата поддержки Ярослава Качинского на президентских выборах нынешнего года. Первая из анонсированных книг, «Самуэль Зборовский», рассказывает о жизни и смерти казацкого гетмана, королевского кавалерийского офицера, кальвиниста. И при этом убийцы, приговоренного к заточению, а затем обезглавленного в 1584 г. при короле Стефане Батории. «Это вызвало возмущение шляхты, которая увидела в приговоре Зборовскому проявление королевской тирании, — говорится в издательском анонсе. — Подобно Юлиушу Словацкому, Рымкевич считает, что как раз тогда, в период этих событий, родилась польская свобода, понимаемая как жизнь в борьбе с судьбой, исторической и метафизической. Автор задумывается, что случилось с этим идеалом и как он изменяется. Он показывает, что миф польской терпимости не выдерживает столкновения с историческими источниками, которые просто клубятся описаниями сожжений на кострах, насаживания на кол, четвертования, обезглавливания и изгнаний — иноверцев и католиков, чужестранцев и поляков».

О второй книге Ярослава Марека Рымкевича, «Политические стихи», издатели сообщают: «Подготовленный автором сборник гражданских стихов, включающий как уже известные (например, знаменитое стихотворение «Когда я проснулся, уж не было Польши» из сборника «Улица Мандельштама»), так и совершенно новые — написанное в июле 2010 года стихотворение «Игнацию Рымкевичу (на его первый день рожденья)»».

Информация верная. Рядом с поэтическими строками к первому дню рождения внука находится произведение под названием «Маршрут «Центр — Милянувек» 23.42» (с памятным фрагментом «В газете было фото — труп Михника в крови») или написанное после смоленской катастрофы стихотворение «Ярославу Качинскому», где, в частности, говорится: «Нельзя отдавать Польшу в руки ее губителей,/ Которые хотят ее у нас украсть и распродать по миру. / О Ярослав! Ты еще в долгу перед братом!» Подозреваем, что в довольно большом долгу.

» С 4 по 12 сентября прошел 45-й Международный фестиваль «Wratislavia Cantans». Как всегда, в прекрасных зданиях Вроцлава и Нижней Силезии: в исторических костелах, дворцовых и университетских залах — и в первый раз в интерьерах дома «Под Золотым Солнцем». Фес-

тиваль посвящался музыке Иоганна Себастьяна Баха (прозвучали, в частности, Месса си-минор и «Искусство фуги» в исполнении берлинского оркестра «Akademie für Alte Musik»), также прозвучали монументальный «Реквием» («Grande Messe des Morts») Гектора Берлиоза и «Утреня» Кшиштофа Пендерецкого в исполнении хора и симфонического оркестра Национальной филармонии под управлением Антония Вита. Выступили также другие выдающиеся артисты и коллективы — например, Тревор Пинок, хор и симфонический оркестр Вроцлавской филармонии, мужской хор «Света Неделя» с репертуаром болгарской церковной музыки, вокальный коллектив «Affabre Concinui», оркестр «Sinfonia Varsovia» под управлением Марка Минковского, Януш Олейничак с сольным концертом из произведений Шопена.

» После четырехлетнего ремонта 3 сентября в Кракове вновь открыт Национальный музей в Сукенницах, и Галерея польского искусства XIX века вернулась на свое место. Работы по ремонту и модернизации обошлись в 9 млн. евро. Дорого, но музей изнутри пережил существенную метаморфозу. В нем разместилось не только более 200 произведений искусства, но также и Мультитека (зал аудиовизуальных показов), Медиатека (многофункциональный зал), появились устройства микроклимата, лифт для людей с ограниченными возможностями, учебные аудитории, кафе, а также доступная для посетителей терраса с фантастическим видом на краковскую Рыночную площадь. В Сукеннице вернулись знаменитые произведения художников XIX века, в том числе «Экстаз» Подковинского, «Четверка» Юзефа Хелмонского и «Факелы Нерона» Генриха Семирадского. Интерес к новым Сукенницам в Кракове был огромный. За первые три дня галерею посетило 10 тыс. зрителей.

» Гиганты европейской живописи — такие как Ян ван Эйк, Ганс Мемлинг, Питер Брейгель-младший и художники из мастерской Питера Брейгеля-старшего, Франс Снайдерс и Дэвид Тенирс-младший — вот герои выставки «Ван Эйк — Мемлинг — Брейгель», подготовленной гданьским Национальным музеем. Представлена часть замечательного собрания Национального музея Брукенталя в Сибиу (Румыния), располагающего прекрасной коллекцией европейской живописи XV—XX веков. Среди полотен из Румынии размещен знаменитый «Страшный суд» Ганса Мемлинга из собрания гданьского музея. Выставка будет открыта до конца года.

Прощания

3 сентября в Варшаве умер Богдан Папроцкий — тенор, легенда польской оперы. Ему был 91 год. Попроцкий дебютировал в 1946 г. на сцене Государственной Силезской оперы в роли Альфреда в «Травиате» Верди, был также солистом Варшавской оперы. В 1949 г. в первый раз выехал на гастроли за границу. Его выступления в Москве, Киеве и других городах СССР были цепью успехов. Певец выступал едва ли не по всему миру — от Китая до США и Мексики. Его коронные партии — в операх Станислава Монюшко. В роли Стефана в «Страшном дворе» он выступил 250 раз, партию Монтека в «Гальке» спел в 248 спектаклях. За свою многолетнюю карьеру Папроцкий исполнил, в частности, партии Хозе в «Кармен» Бизе, Рудольфа в «Богеме» Пуччини, Герцога в «Риголетто» Верди, Ленского в «Евгении Онегине» Чайковского, Сергея в «Федоре» Джиордано, Иошки в «Скрипаче на крыше» Джерри Бока. После певца осталось несколько десятков пластинок с оперной музыкой, оперетой, песнями.

4 сентября в возрасте 79 лет умер силезский режиссер Януш Кидава. Выпускник Лодзинской киношколы, он после учебы работал на телестудии в Катовице, а затем на Студии документальных фильмов в Варшаве. Снял более 70 документальных фильмов и репортажей. Снимал также художественные фильмы. Лучшая его картина — городская баллада «Грешная жизнь Франциска Булы», рассказывающая о силезских уличных музыкантах. Фильм получил главную премию жюри на кинофестивале в Гдыне в 1980 г. и Гран-при фестиваля в Сан-Ремо в 1981-м.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Тридцатилетие «Солидарности» — казалось бы, прекрасный повод для общего праздника. Общего? Везде, но не в Польше. Во время прошедшего в Гдыне торжества председатель партии «Право и справедливость» Ярослав Качинский выступил с речью, в которой, обращаясь к обстоятельствам большой забастовки на Гданьской судоверфи тридцатилетней давности, «выявил», что эксперты, которые тогда собрались там (среди них Тадеуш Мазовецкий и Бронислав Геремек), чтобы помогать бастующим рабочим, вели к гнилому компромиссу с коммунистами, а ситуацию — конечно, в последний момент — спас его брат, Лех Качинский, который добился, чтоб до такого не дошло, благодаря чему возникли свободные профсоюзы.

Скандал готов. Разумеется, Ярослав Качинский попросту лжет. Но это ложь не без причины. Вокруг фигуры умершего брата (в устах председателя ПиС «павшего», как на войне, причем не без значения здесь связь с Катынью) Качинский пробует сейчас выстроить новый фундаментальный миф своей партии, уже один раз выходившей на бой с III Речью Посполитой, стремясь доказать, что «лжеэлиты» предали идею новой Польши после 1989 г., войдя в «сговор» с экс-коммунистами. Теперь он сочиняет забастовочную предысторию: ренегатов-интеллигентов, стремившихся капитулировать перед властью, и героически противостоявшего им Леха Качинского, который этой капитуляции не допустил. Таким образом, только ПиС остается верна идеалам тогдашней, августовской забастовки 1980-го. Процитирую из «Газеты выборчей» (2010, №203) послание, содержащееся в заключении речи председателя ПиС, где он характеризует позицию экспертов, якобы не сумевших оказаться на высоте «рабочего мужества»:

«Туда прибыла группа людей с известными именами, авторитетных, людей — в этом я никоим образом не сомневаюсь — с самыми лучшими намерениями. Но у них был другой план — план компромисса, который в сущности, если бы был достигнут, быстро бы рухнул. Перед моим святой памяти братом стояла тогда задача, ставшая высокой честью: он представлял перед этими людьми польское рабочее мужество, он говорил с ними, хотя сам не был рабочим, но говорил от имени рабочих, с мужественных рабочих позиций. Рабочие хотели большего — и история признала их правоту. «Солидарность» изменила Польшу. «Солидарность» изменила мир. Я говорю об этом потому, что старый спор продолжается, длится всё последнее 30-летие, в том числе 21 год польской независимости. Он особенно сильно проявился в последние месяцы. И уже не один раз в истории оказывалось, что хотеть большего, быть более мужественным — это реализм. А хотеть меньше и быть поосторожнее — это в сущности путь к потере всего, к капитуляции. Я верю, что празднование 30-летия «Солидарности» послужит укреплению патриотизма, мужества и надежды, патриотизма величия. И этого вам желаю. Да здравствует лозунг: «Хотим большего!» Да здравствует «Солидарность»!»

Когда я слушал эти слова, а тем более когда не торопясь их прочел, мне показалось, что я знаю, о чем на самом деле идет речь. А именно: я думаю, что довольно уже давняя по времени, но когда-то живая идея «державной Польши» снова ставится в повестку дня. В этом направлении развивалась «историческая политика», предлагаемая партией Качинского, составляющая одну из основ партии и нацеленная на утверждение особого «величия» Польши и ее истории, которые сводятся к столкновению с «вечными врагами» — Россией и Германией, а значит, по отношению к ним следует занимать неуклонную позицию претензий, что увенчалось в период «IV Речи Посполитой» драматическим ухудшением отношений с обоими соседями. Это было то самое «хотим большего», и если этот лозунг, как того добивается Качинский, должен по-прежнему оставаться при жизни, то звучит он не слишком вдохновляюще.

А в дополнение лозунг «Да здравствует „Солидарность”!» И тут возникает вопрос: о какой — или, точнее, о которой — «Солидарности» Качинский ведет речь? «Солидарность», которая возникла после забастовок 1980, номинально, конечно, была профсоюзом. Но, как без труда докажет

любой историк, эта организация, объединявшая без малого 10 миллионов членов, хотя и выполняла функции профсоюза, была прежде всего общественным движением, вдобавок действовавшим в специфических условиях системы если не тоталитарной, то с очевидностью авторитарной. Сегодняшний профсоюз с тем же названием, насчитывающий чуть больше полумиллиона членов, уже не играет роли национально-освободительного движения; его задача — защита прав трудящихся. Обо всех этих вопросах говорит Юзеф Пинёр, один из харизматических вождей подпольной «Солидарности» периода военного положения, в интервью еженедельнику «Ньюсуик-Польша» (2010, №36), озаглавленном «Солидарность? А что это?»:

««Солидарность» не сумела ответить на вопрос, что она такое по сути, не понимала своей идентичности. Она совершенно растерялась в период перелома 1989 г.; в результате на основе профсоюза не удалось построить политическую партию, которая бы выражала интересы представляемых ею общественных групп. (...) Иронией судьбы было, что «Солидарность», которая по сей день остается во всем мире символом освобождения, не стала самостоятельным политическим субъектом. Духовное и интеллектуальное разложение этой среды, трактовка всех радикальных рыночных перемен как исторической необходимости — всё это привело к тому, что профсоюз утратил связь с действительностью. С началом перелома «Солидарность» оказалась недееспособной: с одной стороны, были демагогические заявления, а с другой — маргинализация, так как эти лозунги не имели никакого политического значения. (...) Если бы в Польше удалось из «Солидарности» выпестовать политический субъект, то, быть может, издержки проведения в жизнь неолиберальной парадигмы были бы не столь высокими. Я понимаю, что мировой рынок — это историческая необходимость. В то же время остается вопрос, всё ли мы сделали, чтобы достичь перелома в цивилизации. Боюсь, что нет. То, что так много людей не участвует в строительстве новой, рыночной Польши, связано с тем, что эта неолиберальная парадигма вводилась в Польше бездумно. На стороне «Солидарности» не было ни одного политического субъекта, который бы мог отслеживать этот процесс».

Но дело в том, что на стороне «Солидарности» как профсоюза такого субъекта и быть не могло. «Солидарность», вышедшая из подполья в 1989 г., оказалась прежде всего инициативной группой, задачей которой было создать на щебне коммунистической системы структуры демократии. И это удалось. Каждый пошел своим путем, легенда профсоюза истлела, его деятели стали, как это бывает не только у нас, профсоюзными чиновниками. Конечно, это не случилось внезапно, это был долгосрочный процесс, завершение которого зафиксировали заголовки в прессе — например, название интервью с Юзефом Пинёром или заголовок статьи в «Пшекруе» (2010, №35), которая прослеживает судьбу части активистов большой забастовки 1980-го, — «Это уже не моя «Солидарность»». Что ж, каждый пошел своим путем, но это не значит, что сам профсоюз остался политически нейтральным — он присоседился, как своего рода партийная пристройка, к «Праву и справедливости». Пока...

В то же время дальнейшие перемены протекали в соответствии с логикой демократических процессов. Об этом пишет Марек Бейлин на страницах «Газеты выборчей» (2010, №201) в статье «Индивидуум берет власть», пробуя подытожить 30 лет после событий 1980-го:

«Радикально изменяется общество, вихрь перемен охватывает государство и политику. Слабнут религиозные и светские верования, до сих пор определявшие цели коллективизма. Одни видят в этом упадок принципов, регулирующих жизнь коллектива, вину за что ошибочно возлагают на либеральную и левую элиту. Другие вдохновляются надеждой, что исчезнут наконец анахронические запреты и обычаи, ибо проявилось достаточно общественной силы, что принудить политиков к переменам. Я на стороне надежды, когда вижу частый среди политиков конформизм и отсутствие горизонтов (...). Когда политики повсеместно взаимно лгут, считая обмен клеветой обменом взглядами. Когда лидер крупнейшей оппозиционной партии, совмещающий нелюбовь к современной демократии — к правам личности, децентрализации власти, правам меньшинств, плюрализму мнений — с навязчивой идеей о заговоре, хотел бы охватить этой мрачной духотой всю Польшу. И когда местный политик правящей партии относится к выдающимся творцам как к батракам в своем поместье, ибо руководство партии ему это позволяет, а затем эксцессом пренебрегает, демонстрируя отсутствие принципов. (...) Что всё же происходит в Польше? За двадцать лет мы приучились к демократии, в которой государство про-

двигало преимущественно коллективистские цели. (...) Государство мобилизовало людей, руководило обществом, выполняя свою «естественную» задачу — предлагать будущее. Часто за счет настоящего. В этом отношении демократия была запанибрата с традиционной мещанской ментальностью, повелевавшей хранить и умножать имущество, чтобы передать его потомкам».

Такой вид демократии, по Бейлину, уже исчерпывается:

«Проблема в том, что эти перемены занимают в западных странах десятилетия, а в Польше сконцентрировались в нескольких годах. Поэтому они более очевидны и менее прозрачны. (...) Именно такая революция, на которую мы не обращаем внимания, и происходит, только никто о ней не заявил и ею не руководит — да она и сама направлена против всякого руководства, которое захотело бы ее застолбить. Она не левая, не правая, хотя охватывает и левых, и правых. Она демократическая. Эта революция, прежде всего, — замена коллективности обществом индивидуумов и радикальное отделение такого общества от государства. В течение многих лет мы наблюдаем, как демократия из гаранта функционирования всего общества и его «мажоритарных» интересов становится охранителем прав личности и меньшинства. Ее представители — политики, эксперты, авторитетные личности, когда им случается формулировать основные цели общества и взывать к высшим соображениям, — всё чаще говорят в пустоту. (...) Ибо эта революция не создает таранов, разбивающих старые структуры. Она ведется мягко, максимально воздействуя в конкретных делах и постепенно изменяя окружение. Такая концентрация на конкретике, прицел на частные проблемы, а не на великие абстракции, такие как государство и система, дает результат. Современные общества, состоящие из случайных или устойчивых групп, не создают принимаемого большинством собственного образа как целого (...). Сегодня государство всё больше становится инструментом гражданского общества. Оно уже не формулирует в одиночку целей политики, а если делает это, то часто сталкивается с сопротивлением, ибо задачи политики должны определять граждане. Или объединенные в устойчивые группы политического натиска, или объединяющиеся по случаю и не испытывающие доверия к политике».

Бейлин опирается прежде всего на концепцию французского философа Марселя Гоше, который отмечает рост аполитичности в современных западных обществах. Но предвидение этого процесса можно обнаружить в записях, сделанных Вальдемаром Кучинским, экономистом, одним из советников «Солидарности» во время забастовки на верфи в 1980-м. Спустя пять лет он написал, а сегодня на страницах «Газеты выборчей» (№ 202/2010) повторил свой тезис: «Основным обоснованием военного положения был аргумент о ширящейся анархии. Так это могло выглядеть с «той» стороны, потому что шатались почти все гражданские государственные структуры. Шатались, ибо не были способны соответствовать ставшей повсеместной в Польше потребности во власти, с которой можно жить в согласии. То, что расценивалось «теми» в связи с «Солидарностью» как анархия, было стремлением к упорядочению, урегулированию отношений между гражданами и властью. Но для «тех» должно было выглядеть как нежданный-негаданный бунт более чем тридцатимиллионной «массы», которая вдруг воспротивилась тому, чтобы сминаться, как пластилин, и задалась вопросом, по какому такому праву, господа красные, мы должны быть массой под вашим руководством». Это рассуждение точно охватывает то, что произошло тогда на верфи, — стремление к индивидуализму, к выходу из сферы серости на многоцветный простор многообразия и многоголосья, где каждая отдельная человеческая жизнь составляет ценность, которой нельзя пренебречь. Можно, конечно, назвать это «анархией», но не следует при этом забывать, что избирательная активность, и не только в Польше, но и во многих других странах (кроме Бельгии, где голосование обязательно), систематически снижается. Быть может, конечно, это показатель, фиксирующий переоценку того, что называют политизированностью. Но в этом контексте стоит напомнить старую истину: нельзя быть свободным от политики, но можно быть свободным ***по отношению*** к политике.

БЕЗ ОТЧАЯНИЯ ЖИЗНЬ БЫЛА БЫ СКУЧНОЙ

Беседа с актером Яном Новицким

— Вы старались быть хозяином своей жизни?

— Это так же глупо, как если бы я попробовал властвовать над началом и концом. Я приезжий из маленького городка. После войны, в 50-е, Польша была прекрасна и люди бесподобны, несмотря на бедность. У нас было всего так мало, что нас даже на мечты не хватало. Может быть, потому что я вышел из полной нищеты, всё, что меня потом встретило, превзошло мои ожидания. Я научился не планировать. Зачем, если жизнь так прекрасна? Выбросит меня волна на скалистый берег или на прекрасный пляж — какая разница? Всегда, по сути дела, надо выжить.

— А люди суетятся, убиваются, чтобы чего-то достичь...

— Чертовски много от себя требуют. И от жизни тоже.

— И вы действительно ни о чем не мечтали?

— В спектакле «Возвращение великого Шу» есть маленький текст, который я сам написал. О голубях. Мы с друзьями мечтали иметь голубей. Благодаря им мы могли полететь в мир. Из Коваля, из Куяв. Прошли годы, много лет, я подъезжаю к почте в моем городке, а за забором стоит Влодек Зимецкий. И зовет: «Ясь, иди сюда, посмотришь моих голубей». И показывает. Не такие, как когда-то были у нас. Кормушки с таймерами, прекрасные клетки. И на полном серьезе спрашивает меня — известного актера, который должен на него производить впечатление, но сейчас его это вообще не интересует: «А у тебя в твоем Кракове есть голуби?» — «Нет, нету». — «Видишь, а у меня есть». И радуется. Как человек, которому жизнь удалась. Вот такой способ мышления я

не воспринимаю в категориях поэзии. Это конкретно. Я помню, как рассказывал маме, что был в Лондоне и там выступал. Рассказывал, потому что тогда не было столько информации, как сейчас. Мать слушает, слушает, а в конце спрашивает, носил ли я кальсоны, потому что дело было зимой. Вот это ее интересовало. Конкретно.

— Но, несмотря ни на что, вы должны были в жизни принимать решения.

— Я старался это делать как можно реже.

— И с женщинами тоже?

— Вы, похоже, шутите? Какие решения может принять мужчина по отношению к женщине?

— Знаю-знаю, нам кажется...

— Ну так и не спрашивайте меня о том, что кажется! Если мужчина здоров, он женщину берет. И все дела. Так было в годы моей молодости. Зачем женщину спрашивать? Женщина, во всяком случае в самом начале, — не для разговоров. Для разговоров — Влодек с голубями. И вообще, о чем мы говорим? Женщины прекраснее всего не когда они нас выбирают, а когда решаются завести потомство. Просто невероятно, какой у них инстинкт. В этом отношении меня женщины больше интересуют.

— И как это выглядит?

— А я что, женщина? Вы ведь не разговариваете с маткой! Я сказал только, что женщины интересуют меня в отношении рождения детей. Точнее, интересовали. С их великой интуицией. Выберут себе уродца, сделают ребенка, — и вырастает двухметровый блондин. Я бы сам охотно родил! Хотя бы раз. Вот вы смеетесь, а это должно быть чем-то самым прекрасным на свете. Никакой гольф, никакой отдых на Мадейре — только рождение ребенка.

— И вы бы согласились потом волноваться, не спать по ночам?

— Наступает момент, когда волнение становится сутью жизни.

— Интересно.

— Интересно! Без волнения, без отчаяния жизнь была бы скучной.

— А что бы Вы сказали о той жизненной волне, которую зовут Малгожата Потоцкая?

— Я не могу идти с нею на телевидение или публично спорить, потому что она бы очень хотела, чтобы я говорил то, что хочет она.

— Что она красавица и у нее прекрасный театр?

— Ну да, и что мы пара молодых романтических любовников.

— А вы разве ей говорите, что она некрасива и у нее плохой театр?

— Нет, не говорю. Во-первых, это неправда, а во-вторых, не имеет особого значения. Надо жить с женщиной, которая тебя хочет. Нельзя жить с женщинами, которые нас не хотят. Некоторых такое вдохновляет. Для меня это мучительно.

— И в этом ключ вашего союза?

— Любого союза. Только когда она это прочитает, то придет в бешенство. Она видит меня так: я приезжаю на прекрасном белом скакуне и похищаю ее. Мчимся куда-то далеко, как в «Экстазе» Подковинского. Неизвестно, что делать. К счастью, я не за правду. Правда часто скучная и глупая. Бывает и неправдивой. Роман — вот что нас должно интересовать. Он несет разговор вперед. Как волна. От него жизнь становится красивее. Если бы я вам мило рассказал, что у меня три пениса, и подтвердил это фотоматериалами, вы бы мне не поверили, но мы по крайней мере обхохотались бы. Мы это понимали с Петром Скшинецким, моим покойным другом. В принципе, самым главным человеком в моей жизни. Я не гей, но уверен, что этого человека любил больше всего.

— Вы в этом признались пани Малгожате?

— Я всем признался. Это была такая ситуация, что он любил всех моих женщин, а я должен был с ними спать... Вот вы смеетесь...

— Звучит прекрасно.

— Неправда. Звучит отвратительно. Разве что интересно.

— Какой фразой вы пленили пани Малгожату? Меня интересует не правда, а роман.

— Это все идет из прошлого. Прекрасная вещь — встретить кого-то раньше. В начальной, в средней школе. Пережить какое-то увлечение. А потом проходят годы — и встретиться еще раз. Это, конечно, и небезопасно, так как мы запомнили другую красоту и другую силу. Но зачем тогда чувство юмора и разум. Не говоря о технике!

— Техника всегда очень важна, но когда всё же вы встретились в первый раз?

— Больше 30 лет назад.

— Вы помните обстоятельства?

— Прекрасно помню. Цвета. Картины. Запахи. Самое главное. У меня выборочная память. Я из нее выбрасываю... Вы так серьезно реагируете?

— Потому что вы мне напомнили о моем склерозе.

— У меня самая лучшая память — на запах.

— Запах женщины?

— Запах жизни. В том числе улиц Прухника 1958 года.

— Прухник, Прухник. Как пахла пани Малгожата?

— Августовской Италией, дорогой мой. Это не тот запах, что сейчас. Когда стало можно туда ездить, сколько захочешь, я заскучал. Сейчас уже другая галерея Уффици, другой миланский собор. Обретение свободы связано также с ограничением мечты. Для воображения лучше неволя. Как был прекрасен Берлин, когда нельзя было в него поехать! Когда его с собаками охраняли. Что мне до Берлина с Александерплац, застроенным пастельными макетами. В неволе было очарование — мечта для культуры. Для нее нет ничего лучше бедности и нищеты. Играет воображение, пылают чресла. Пиво вкуснее. Если нет свободы, тогда создаются «Дзяды». А со свободой у нас только «Танго» и «Картотека»*, и уже пятьдесят лет никто не может написать ничего лучше. Всё на экономическом расчете...

— Вы лучше скажите, что случилось при том порабощении.

— Как что? Встретились два сердца, два несомненно разных пола, которые пережили голубиный полет. Я говорю об этом на полном серьезе, потому что где-то остался тот запах, то чувство.

— Какие это были города?

— Не города, это был весь мир. Я гастролировал со Старым театром, а Гося ездила с «Сабатом». В нем выступало пять прекрасно сложенных ангелов, а не тощие щепки, как сегодня.

— Вы были знакомы раньше?

— Когда-то она мне подмигнула. Не было мужчины, который не остановил бы на ней взгляд. Я тоже. И остался бы при ней, но...

— Что?

— У меня были другие женщины... красивее.

— Ничего себе!

— Это были Настасья Филипповна, Аглая, Грушенька из «Братьев Карамазовых», Марта из Будапешта. Я говорю совершенно серьезно. Это всё оттого, что я интеллигент в первом поколении и поздняя учеба произвела на меня ошеломляющее впечатление. Я набросился на них в театре с варварским остервенением. Для меня не было ничего святого. Получилось несколько славных ролей, беспардонно вымышленных. Мне казалось, что все можно. Великий князь Константин? Держался за яйца и играл на скрипке. Профессор Казимеж Выка спросил у меня: «А как вы узнали, что великий князь Константин играл на виолончели? Вы об этом читали?» Откуда! Это всё мое нахальство. Я был глупым, но по-умному. Актер должен быть по-умному глупым, а не по-глупому умным.

— Мы говорим о театре?

— Ну да! Ведь все сводится к тому, что делает девочка с куклой, представляя, что это ее ребенок.

— У взрослого, наверное, по-другому.

— По-другому? Выходит на сцену и представляет, что он король или нищий. Чтобы в это поверить, нужно иметь в себе детскую наивность и сладостную глупость.

— И так во всем мире?

— А что вы всё об этом?

* «Танго» Славомира Мрожека (1964) и «Картотека» Тадеуша Ружевича (1960). — *Прим. пер.*

— Чтобы делать отступления, надо иметь главный сюжет.

— Ну, хорошо... Малгося всегда где-то была. У меня всегда были какие-то женщины. Странно, если бы не было. При коммунистах они были единственным... как бы не сказать слово «развлечение»... Вы ведь знаете, не было СПИДа, не было мрака вечной погибели. И в любом случае перспективу вечности сопровождали вопросительные знаки побольше, чем сегодня. Мир изменился, что и говорить.

— Да, но все же давайте вернемся к пани Малгожате.

— Удивительное дело... Я сильно люблю женщин. Не потому, что они мне импонируют.

— Они интереснее?

— И это тоже, но и утомляешься очень. Мы начинаем в них разбираться, когда их оставляем. Так оно всё и распалось. Потом прошло до жути много лет. Я вообще ее не узнал, когда приехал в Варшаву. В себе я перемен не замечал. Только в других, особенно в женщинах. Снова прошло какое-то время. Правда, она позвонила, когда увидела меня по телевидению. Любая сильная женщина бывает сентиментальной. Разумеется, под полным контролем. Я поэтому особенно настороже, когда со мной сентиментальная женщина. Знаю, что какой-то номер она мне обязательно выкинет.

— А вы не верили, что это когда-нибудь произойдет?

— Я наивен, как всякий мужчина, так что не верю. Произошло мое удивительное расставание с Мартой Мессарош, фантастической женщиной, с которой мы прожили 30 чудесных лет. Тем временем моя Малгося меняла мужей — трех, кажется. Они для меня сливаются в одно... По сей день играют на сцене, в политику, поют.

— Когда вы почувствовали, что «случилось»?

— Такого момента не было и никогда не будет. Если тебе семьдесят лет и ты веришь в жизнь с женщиной до конца — ты идиот. Комический старик. Люди в этом возрасте побитые, немного сонные, слишком усталые. Встречаются. Начинают друг к другу приглядываться. Учиться. Любовь должна быть более проработанной, чем у молодых. Это не значит, что я лишен чувств. Я ведь не встретился с Малгосей, чтобы попасть в театр «Сабат». Получилось хорошо. И то, что случилось, было прекраснее слов любви...

— А всё же случилось?

— У меня такая привычка — останавливаться во второразрядных гостиницах. При коммунистах я не мог жить, например, в «Форуме». Для меня то, что внутри, не вязалось с тем, что снаружи. Внутри вроде как Запад, а на Маршалковской — убожество и нищета. Поэтому всю жизнь жил в гостинице MDM. Паршивенькой. А когда ее модернизировали, перестал там останавливаться. Я не люблю сетевых гостиниц, потому что не знаю, в какой я стране. Я хочу чувствовать Мексику, Будапешт, Варшаву. Люблю швейцарские гостинички со скудной меблировкой. Я много работаю в гостиницах. Написал несколько книжек, не только об актерстве. Десять лет писал фельетоны. Не всегда умные. Писал в туалетах, в поездах, но главным образом в гостиницах. Обожаю гостиницы, потому что в них живешь заимствованной жизнью. Нигде такого уюта не встречал, как в гостинице. Наиболее яркие эротические события случались со мной в гостиницах. И самые прекрасные пробуждения. Медовый свет сквозь абы какую шторку. И всё так и не так.

— Феноменально!

— Хотя бы удобно.

— И в какой гостинице вас нашла нынешняя жена?

— Я откопал в Варшаве гостиницу «Агрикола».

— Возле Лазенок.

— Да, там. Письменный столик. Хороший свет. Можно поесть в ресторане. Но бедность, из которой я не вылезаю, велит мне ходить в магазин. Купить пару бутылок пива. Черного зельца. Кусочек масла. Хлеб. И учить роль короля Филиппа из «Дона Карлоса». Я это люблю больше всего. У меня тогда всё получается... Когда я жил в «Агриколе», была удивительная зима. И она снова позвонила. Спросила, где я. Удивилась: «Разве есть такая гостиница?» Приехала в явно слишком длинной шубе и спрашивает, что я тут делаю. «Живу». — «Тогда, может, переедешь ко мне?» Помогла мне упаковаться. Вещей было немного.

— Вот она вас и подстрелила.

— Вопрос только, льва или зайца. Да неважно! Минус в том, что женщины направляют своих мужчин, подталкивают их к поступку. Если кому-то 28 лет, — можно. А если столько, как мне, когда знаешь, что любой поступок — это задница в мыле, то этого не особенно хочется. А она бы хотела, чтобы я играл Лира. На кой мне Лир?

— Настоящий Лир говорит: «На кой мне Лир!»

— Журналист и интеллигентный человек — это редкость. Лира надо играть, когда тебе лет 50. А я только курю уже 60. Едва говорю, едва дышу, а она мне велит петь. Я, который всю жизнь провел в баре, должен танцевать, подрыгивать. Она меня мобилизует и говорит, что это правильно. И это правильно, только на кой ляд мне такая правильность? И почему мы говорим о Малгожате? Хотя женщина — важнейшее в жизни, пусть остается фоном. Ведь я не старая перечница, которая влюбилась. Я еще могу кое-что пережить, кое-что потоптать. И отказаться от собственных восторгов, если они смешны и неловки. Я никогда не был мастером в любви.

— Тогда расскажите, как Вы себя чувствуете в музыкальном театре.

— В любом театре чувствуешь себя хорошо и плохо. Хорошее самоощущение актера не значит, что хорошо получается в спектакле. Те, кто возносится на крыльях удовлетворенности собой, — каботинцы. Роль часто давит, насилует, а получается хорошей.

— А как теперь?

— Я должен выйти и сказать: «Вы тут пьете, а кладбища пустуют». Должен немного рассказать о себе. Посмотреть, как красиво танцуют женщины. Следить, чтобы не заснуть. И только.

— Во время поездок вы посещали музыкальные театры?

— Никогда. Никогда не был ни театроманом, ни киноманом. Кино на меня нагоняет тоску. Оно редко бывает искусством.

— О «великом Шу» вы не отзывались с особой теплотой. А сейчас вернулись к этой роли.

— Скорее, она вернулась ко мне. А раз так, то пусть она и тревожится. Разве вы не знаете, что наша оценка не важна? Ректор Ежи Штур — это «Сексмиссия». А я — Шу. Мне ли жаловаться, если Тадеуш Ломницкий, один из величайших актеров в мире, оказался связан с Володыёвским? Вся Польша должна сложиться, чтобы он сыграл еще одного Артура Уи, но уже тогда родилась аудитория, которая пожирала своих актеров. Дошло до того, что моя профессия в тупике.

— Но за Шу вас любят.

— Я сыграл, может быть, две выдающиеся роли. Скажем искренне, что у меня никогда не было таланта.

— Опять двадцать пять!

— Ну, я не чувствовал радости от пребывания в профессии. И не завидовал достижениям коллег.

— Это, пожалуй, хорошо.

— Откуда! Зависть дает пинка, позволяет иметь мечты и планировать жизнь. А я был столь беззаботен, что иногда предпочитал плохие роли очень хорошим. Потому что была хорошая партнерша, потому что выезжали на корабле в море. А фильм? Я его даже и не смотрел. Безусловно, я не чувствовал недостатка в ролях. Ведь я был Джеком Николсоном стран СЭВ. Сыграл более чем в двухстах фильмах. В Венгрии, в Болгарии, в ГДР. Масса хлама. Когда Старый театр, благодаря Свинарскому, молодому Яроцкому, Вайде, Хюбнеру, был одной из лучших сцен мира, я, отправляясь на киносъемку, чувствовал себя словно сменил Сорбонну на воскресную школу. Но первую главную роль я получил именно в «Великом Шу». Когда отпали ограничения молодости — кудрявые волосы и прекрасная улыбка. Красота может сбить актера с пути.

— Как Сильвестр Хенцинский вас уговорил?

— Он должен был ко мне приехать, потому что у меня не было телефона. Я всегда считал, что нельзя иметь телефон. Для актера телефон, что бы там ни говорили, — это истинное несчастье. Потому что звонит.

Телефоны хороши для дельцов и тех, кто ожидает чуда. Если режиссер серьезный и у него серьезные планы, он лично приедет к актеру. У меня не было телефона, и сразу происходил естественный отбор. Мне не надо было бороться с искушением играть ради денег. Не было предложений, было спокойствие.

— Хенцинский приехал.

— Приехал и нашел в Кракове молодого человека. Я очень долго был молодым. До отрыжки. Перевалило за сорок, а еще играл Рогожина. У меня была прекрасная фигура. Был сильным. Длинноволосым. Мы встретились. Пообедали. Он присматривался ко мне, присматривался, потому что он очень взыскателен. Однако же решился. Я получил сценарий и понял, что есть материал. Срочно срезал волосы, никаких уверток — показал лысину. Отпустил бороду. Оказалось, что седею. Поправился на 15 кило, потому что я умею худеть и полнеть по заказу. Когда приехал в Поляницу-Здруй, Хенцинский, увидев меня, оцепенел. Потом сказал: «Ну, здравствуй, Шу». С каким же удовлетворением я потом читал, что написал обо мне Люциан Кыдринский: «Этот усталый шестидесятилетний мужчина». Мне было 42 года. Запахло актерством. Это была моя первая творческая роль. Актеры обычно играют себя. Самих себя могут сыграть мясник, киоскерша. Могут не говорить ни слова. Кстати сказать, моя мечта — это роль немого у Спилберга. Главная роль!

— А «Великий Шу» шел во времена Герека!

— Даже по телевидению.

— Были большие деньги, виллы. Вы помните тот «большой свет»?

— Какой большой свет?! Фильм был сермяжным. Кого обыгрывал Шу? Кондитера из Вамбежиц. Перед его магазином стояла очередь приезжих. Парни-таксисты играли в очко. А почему фильм не стареет? Там есть правда. Шу — это серый герой. Обычный человек. Но с характером.

— А вы сами играли на деньги?

— Не сказать, что я был свободен от этого порока, но в определенный момент это ушло. Само. Я даже не старался. А играл с Юреком Бинчицким. У меня была девушка, которая не имела ничего против того, чтобы я проигрывал. Это очень важно для игрока. Вытаскивала последние деньги. Бася Соботта, спринтер, мать моего сына Лукаша. Прекрасная девушка.

— А во что вы играли?

— А во всё. В покер, в очко, в кости. В спички. В железку. Азартный игрок играет во всё. Один раз мы выиграли столько, что хотели купить трамвай.

— Сколько?

— Не знаю. Полную сумку. Тот парень выращивал тюльпаны. Под утро он всё увеличивал ставки, так что скрылся за кучей денег, как за баррикадой. Мне шла карта, все деньги перешли ко мне. «Не бойтесь, — сказал он, — у меня не пропадет аппетит к завтраку».

— И вы купили трамвай?

— Я раздал деньги. Настоящий игрок не играет ради богатства. Я спрашивал у ребят из театра, которые играли на бегах, что они делают с выигрышем, покупают ли что-то детям. «Ты что?! Деньги от выигрыша — на сено, для лошадок!»

— Какой была ваша встреча в кино с Гражиной Шаполовской?

— Она играла красивую женщину, которой была. Леон Немчик — вот это было чудо. Один из лучших послевоенных польских актеров. Необычайный человек, свободный, широкий. С фантазией, характером, смелостью. Я очень его любил. Мы как-то были с ним на пляже в Лас-Пальмасе. Смотрю, у него на животе шрам. Я спросил, что это. «Для журналистов — рана Варшавского восстания, а на самом деле подворовывал уголь, и сукин сын в меня выстрелил». Таких людей, как он, формировали обстоятельства. История, война. В этом захолустье были настоящие европейцы! Их мне жаль больше всего. Сейчас ездят на заработки или сидят у компьютеров. Смотрятся как трупы в этом синем свете. Клоны.

— Вернемся к Хенцинскому.

— Я сориентировался, что играю кого-то другого, и это доставило мне удовольствие. У меня было несколько ролей, с которыми было жаль расставаться. Шу среди них. Речь идет о заимствованной жизни. Как вы думаете, что самое главное на этом свете? С женщинами на эту тему уже не поговоришь... Время!

— Вы себя часто называете старым.

— А о чем должен говорить человек, если хочет под пиво серьезно побеседовать? О времени! Что оно с нами делает? К чему ведет? Что означает? Можно доказать, что время — это Бог. Неумолимый. Но в моей профессии его удается умилостивить.

— Навсегда?

— Ненадолго. И когда приходит момент расставания с ролью — время ускоряется. Господи, как мне было трудно расстаться с Имре Надем, когда мы окончили съемки «Непогребенного». Многие люди вели себя на площадке скверно. По окончании съемок был прием. Я их назвал наглецами. Я чувствовал на себе отблеск этого великого человека. Глупо, но воодушевляюще.

— Откуда это берется?

— Я поначалу не располагал талантом, позволяющим играть вещи, которыми надо овладеть интеллектуально. Выезжал только на интуиции. Поэтому во времена наибольшего успеха каждое предложение было для меня мукой. Например, кто-то у меня летом появляется с предложением сыграть канцлера — в жару, с бородой. Черт побери! Зачем мне это? Я ведь хотел поиграть в теннис, попить пива, встретиться с Петром, поехать в Коваль, поплавать в озере. А когда уже подготовил роль, она тоже мучит. В Старом театре мы играли «Бесов» тринадцать лет, «Ноябрьскую ночь» — одиннадцать, «Настасью Филипповну» — восемь. И я должен был носить эти роли в себе. Зная, что меня ждет, я отказывался.

Я должен был играть старого Густава-Конрада в «Дзядах» Гжегожевского. Я показал ему на пробах Большую Импровизацию, чтобы он не думал, что я боюсь актерского поражения... И отказался. Режиссерам кажется, что нам очень хочется играть. А на самом деле это им хочется режиссировать. Если говорить об актерах, то, конечно, в большинстве случаев режиссеры правы. Но мой случай другой. Проблема состоит еще и в том, что когда-то я играл каждый вечер. Сейчас между спектаклями большие перерывы. И что мне делать один на один с Густавом-Конрадом в течение месяца?

— И вы избегаете играть?

— Не хочу, чтобы из этого получилась какая-то параноидальная мегаломания, но скажу вам, что одна из худших вещей, которую я наблюдаю в актерской профессии, — это успех. Когда я вышел на пенсию, на меня все набросились, чтобы вместе работать. Известно, актерская пенсия никакая, и донимают меня предложениями. Как-то позвонил молодой режиссер и предложил графа Генриха. Говорил, что это будет абсолютный успех. Я ответил, что успех — одна из самых плохих вещей, которые могут со мной случиться. Наступила тишина. Он ничего не понимал. Не понимал, что достичь успеха сумеет любой фраер. А быть ему преданным, продолжать его, развивать, потому что роль должна развиваться, — это мука. А мне 70 лет. Я по-прежнему порчу себе здоровье и здесь, и там. Но у меня ни малейшего намерения умереть на сцене. Я подожду.

Беседу вел Томаш Вежбицкий

wysokie obcasy

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

А. Памятных: новые книги о Катыни
Полемика Хрущева с Гомулкой
Б. Твардохлеб: о Щецине
Стихи: **Тересы Мирги**
Интервью с **Шимонем Бойко**
Магдалена Байер об известных польских семьях

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

ИНСТИТУТ КНИГИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826 62 60, 826 70 36
тел./ факс: +48 (22) 826 62 35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

RUCH MUZYCZNY

Старейший в Польше журнал, посвященный серьезной музыке. Форум независимой критики. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608 28 70, 608 28 71
факс: +48 (22) 608 28 72
e-mail: redakcja@ruchmuzyczny.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA NA ŚWIECIE

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827 47 91
тел./ факс: +48 (22) 828 64 96
e-mail: litnasw@free.art.pl
www.literaturanaswiecie.art.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел.: +48 (22) 692 88 19
тел./ факс: +48 (22) 692 88 18
e-mail: teatr@teatr-pismo.pl
www.teatr-pismo.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608 25 65, 608 27 95
тел./факс: +48 (22) 608 27 96, 608 25 05
e-mail: nowpol@bn.org.pl www.novpol.ru

AKCENT

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям исскуства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532 74 69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

ODRA

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344 77 37
тел./факс: +48 (71) 343 55 16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

TWÓRCZOŚĆ

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627 15 52
тел./факс: +48 (22) 628 95 07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608 28 80, 608 28 81
факс: +48 (22) 608 28 82
e-nail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

INSTYTUT KSIĄŻKI • DZIAŁ WYDAWNICTW

02-086 Warszawa al. Niepodległości 213 • tel. (22) 608 23 74 • tel./fax (22) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT